

О
СЧАСТІИ,

Гидактиическое стихотвореніе

А. Б.

СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНІЙ

АННЫ ВУНИНОЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Россійской

Академіи.

4

1821.

Печашать позволено:

съ шѣмъ, чѣмъ по оппечашаніи сей книги до выпуска изъ типографіи предспавлены были въ Цензурный Комишетъ семь экземпляровъ для препровожденія куда слѣдуешь.

С. П. Б. Сеншября 20 дня, 1821 года.

Цензорѣ, Стат. Сов. и Кавалерѣ

И в. Тилковской.

ДИДАНТИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ.

ЧАСТЬ II.

Tel vous semble applaudir, qui vous raille et vous joue.
Aimez qu'on vous conseille, et non pas qu'on vous loue.
Boileau l'art poetique, chant I-er.

О

С Ч А С Т И И,

ДИДАКТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ.

О

С Ч А С Т І Й.

ДИДАКТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ.

П Ъ С Н Ъ П Е Р В А Я.

Пою словесныхъ цѣль и слѣпошу очей!

О! ты, сокрышое въ одеждѣ ихъ спрасшей;
Тѣнь,—отблескъ радости, за гробомъ смертныхъ ждущей,
Присущное душѣ, и здѣсь отъ ней бѣгуще;
Явишь мнѣ счастье! мой духъ побою полнѣ!
Несомой въ ладіи, среди мятежныхъ волнъ,
Будь кормчимъ на ней, возьми ея кормило;
Свѣщи мнѣ на пути, какъ прежде ты свѣщило!
Тебя, — въ часы громовъ, — при мершвой тишинѣ,
Срѣшала я равно пекущимся о мнѣ!
Явись желанное! во всѣхъ своихъ вдругъ лицахъ:
Въ алмазахъ, въ рубищахъ, въ веригахъ, въ багряницахъ,
Жезломъ таинственнымъ коснись моей души,
И узы моего языка разрѣши!
Дай разумъ словесамъ,—мнѣ силу на сказанье:
Хочу я возвѣстить швое существованье.

Часть. II.

Но какъ,—и гдѣ обрѣсть швой истинный чертогъ?
 Кто градъ столичный швой опредѣлишь возмогъ?
 Рубежъ гдѣ швоего владѣнья безпредѣльна?
 Чертогъ швой, шаръ земный;—столица, вся вселенна;
 Поклонники: въ градахъ, средь дебрей, средь полей.

Нерѣдко объ руку сидишь ты у царей
 Въ ихъ храминахъ прудамъ и думѣ посвященныхъ;
 По временамъ къ нимъ въ пиръ средь игръ идешь пре-
 мѣнныхъ,

И, даже иногда облекшись въ виссонъ
 Народа съ кликами къ нимъ всходишь и на пронъ.
 Нерѣдко пѣснопы незапной устраниаясь
 Ты блеска дворскаго бѣжишь не озираясь.
 Иль смрада не любя зловорныхъ пѣхъ маспикъ,
 Копоры Неронамъ дымятъ беспыдно въ ликъ,
 Ты въ скудныхъ шалашахъ скрываешься и темныхъ,
 Гдѣ въ воздухѣ паровъ нѣтъ ядомъ зараженныхъ;
 А чаще и шого, ты пушь склоняешь свой
 Къ веселымъ домикамъ, въ союзѣ межъ собой,
 Въ безвѣспности, въ прудахъ, умѣренно живущихъ
 И радости души, въ самой душѣ имущихъ.

Повсюду смертные, швердя себя въ успахъ,
 Текутъ, бегутъ къ тебѣ, несущся на крылахъ;
 Но всѣхъ въ порывахъ сихъ доспичъ къ тебѣ удобны!
 Здѣсь паютъ крылія Икаровымъ подобны,
 Тамъ слѣпоша очесъ, шамъ пропасти въ спезяхъ,
 Изрыпыя умомъ, погрянувшимъ въ спраспяхъ,
 Ползущимъ, скачущимъ, средь бѣга, на полетѣ

Переграждающъ путь, найденный ими къ мечѣ,
 Тебя ли въ шомъ дерзнемъ, благое! обвиняшь?
 Твое ль щѣмъ бытіе посмѣемъ опровергать,
 Что имя швоего значенье искажая
 Усшала, алчущи, — и въ мразъ, и въ зной блуждая
 Мнимъ шамъ тебя найши, гдѣ не бываешь ты.

*

Иной, Химеры сынъ,—рабъ собственной мечты,—
 Даетъ тебѣ свой видъ, свои всѣ спрасши милы,
 Въ извивисты тебя включая хладны жилы,
 Текущи въ рудникахъ, средь мрачныхъ нѣдръ земныхъ,
 Какъ новый Геркулесъ онъ сходитъ въ адъ для нихъ.
 Иль блескомъ ослѣпясь Бразильской швердой персти,
 Мнишь гранями ея врапа къ тебѣ опверзти.
 Иль нѣжду бѣлизну восшочныхъ перлъ любя,
 Готовъ межъ гадами весь вѣкъ искашь тебя.
 По синимъ онъ зыбямъ шумяща Океана
 Лепишь на добычу, сквозь черный слой шума,
 На встрѣчу молніи,—чрезъ хлябь разверспыхъ волнъ:
 Жметъ нѣвисны бугры, отваги буйной поля;
 На ушломъ деревѣ со смершью скачетъ рядомъ;
 То съ вѣпромъ борешся, съ безвѣпріемъ, со гладомъ;
 То рѣшся межъ шучъ,—глошаешь смрадъ густой;
 Прешерпѣваешь хладъ, болѣзни, жажду, зной.
 „Всѣ скорби“—говоритъ — „заплашяшся спорицей!
 „Звукъ лапа двигаешь и счастья колѣсницей.“—
 Прешедъ онъ наконецъ сквозь штысящи смершей
 Хвашаешь добычу,—и шы онъ мыслишь съ ней;
 Но ты, во мзду шогда снесенной имъ напасти,

Враждуешь на него, и злобствуешь на спраспи,
 Съ отшельцемъ-мудрецомъ у тихаго ручья,
 Гдѣ вмѣсто крупныхъ перлъ и граней хрустала,
 На стебляхъ, дышущихъ розкошными парами
 Разсыпанна роса блеститъ семью цвѣтами;
 Иль сладкіе возраста орашаю плоды,
 Отъ всѣхъ украдкою дѣлишь его шруды:
 Въ лугахъ спрежешь съ нимъ скопъ; на нивѣ плугъ
 вращаешь;
 Шлешь сладкій сонъ ему и пищу приправляешь;

*

Алкая скипетровъ, земель, рабовъ,—иной
 Чрезъ ужасы къ тебѣ доспигнушь мнишь войной.
 Кипитъ въ груди его паляща душу Эшна;
 Не дремлешь ни на мигъ сѣкира въ дланяхъ смертна.
 Какъ дикій мчится пигръ: точа изъ жертвы кровь,
 Когтями рвешь ее,—и крови просишь вновь.
 Горятъ его глаза, въ усахъ клубится пѣна,
 На трупахъ и косяхъ взвѣваюся знамена;
 Влачитъ по жнивамъ гладъ, пожары по градамъ;
 По сногнамъ носишься, по дебрямъ, по спенямъ!—
 Вездѣ бросаешь громъ изъ мѣдяныхъ гортаней:
 Вселенна для его тѣсна завоеваній.
 Какъ пушникъ изнурясь и трудностью спезей,
 И шоконъ пламеннымъ полуденныхъ лучей,
 И жгущей жаждою, при входахъ верхограда
 Незапно слышишь ревъ біюща водопада:
 Бодрися, позабывъ снесенныя бѣды;
 Лешишь, восторга полнь, къ исходящу воды;

Пѣетъ, алчно погрузя уша и ликъ багровый:
 Пѣетъ,—горе путнику!—и огонь съ водою новый,
 И жажду жгущую, и нову сердца боль,
 Не зная, что воды тѣ клубяшъ спруями соль.
 Такъ алчный воинъ сей, съ побѣдою вновь каждой,
 Къ свирѣпспиву новому поминся люпой жаждой.
 Не знаетъ ни на мигъ даровъ онъ сладка сна,—
 Всегда душа его угрюмыхъ думъ полна.
 Усталостью смѣжа, вѣкъ бдящія зеницы
 Онъ зришъ мечи живыхъ, побитыхъ блѣдны лица;
 Онъ слышитъ жалостны стenanья изъ гробовъ,
 И прескъ, и спукъ, и громъ валящихся домовъ;
 Повсюду пламень зришъ, пожарами разлишъ:
 Къ трофеямъ мечешся, ждя вѣрной ихъ защиты;
 Но тѣ шипятъ къ нему, мгновенно спавъ змѣей,
 И слабый сонъ его уходитъ ошъ очей.
 Спрадалецъ онъ въ ночи,—ширанъ съ лучами свѣша!
 Нѣтъ друга у него, совѣтника, клеветна;
 Нѣтъ сладкихъ узъ родства: онъ самыхъ даже чадъ
 Для выгоды своей гошовъ низринуть въ адъ;
 Всѣхъ ненавидя вдругъ и каждого робѣя
 Совмѣстника съ собой зришъ всюду и злодѣя.
 Вотще свирѣпный мнишъ на лаврахъ опдохнуть!
 Прейдя по шернѣмъ кремнишый жизни пушъ
 И къ лону спаросши невольно приникая,
 Болѣзни, дряхлосшь, скорбь никѣмъ не улаждая
 Изъ чаши бѣдства онъ пѣетъ до капли ядъ.
 На подвиги ль свои смущенный кинешъ взглядъ,
 На парку ль блѣдную, на судъ ли правый Бога,—

Вездѣ ему къ тебѣ преграждена дорога!
 А ты спѣшишь тогда, гдѣ царь, любимецъ иной,
 За вѣру, за народъ, изшедъ на честный бой,
 Спяжашъ безсмертія не мнишь чрезъ кровь пролишу;
 Но Богомъ вѣренный, невинности въ защищу
 Несешь, блюстителъ правъ! опмщенія Перунъ!
 И лавръ пожатый имъ пребудетъ вѣчно юнъ.
 Герой Христіанинъ! сей лавръ, что пожинаешь,
 Онъ жалости слезой невольно орошаешь!

*

Иной, за славою вода повсюду взоръ
 Къ всему, что не она, хранишь въ душѣ презоръ.
 Въ кичливыхъ умствіяхъ, онъ смертнымъ бышь спра-
 шившися:
 Изъ пепла чаешь вдругъ, какъ фениксъ возродился.
 „Кто славы не спяжалъ, топъ“—мыслишь онъ—„не
 жилъ,
 „И съ счастьемъ сладкаго союза не вкусилъ.
 „Среди семейныхъ нѣгъ не будемъ мы велики!
 „Въ насъ свычка и любовь суть слабостей улики.“—
 Такъ мысля, выю онъ возносишь къ небесамъ!
 Не внемлешь на землѣ ни спонамъ, ни мольбамъ,
 Ни гласу нѣжности, ни красотамъ природы:
 Въ борьбѣ съ заботами проводишь мрачны годы.
 Онъ рабъ незапностей, а мнишь: я силой Богъ;
 Онъ слезы льетъ, а мнишь: я скорби превозмогъ;
 На сердце, на уста, на умъ взложилъ оковы,—
 А мнишь: къ свободѣ я спези содѣлалъ новы.
 Онъ сходный съ фениксомъ лишь шѣмъ спяжалъ удѣлъ,

Что въ мрачномъ сиротствѣ одинъ весь вѣкъ проведь.
 Такъ, гнавшись за шобой гонялся онъ за скукой!
 А ты, союза бывъ семейнаго подругой,
 Безъ блесковъ, почешей: самъ пяпъ, или въ шроемъ
 Сидишь подъ шѣнію, не думая о немъ.

*

Но буду ль излагать единыхъ бѣдствъ начало?
 О, муза! опусти на взоръ мой покрывало!
 Иль къ пѣнью загради навѣки мнѣ уста,
 Иль счастьемъ красимы, позволь воспѣть мѣста!
 Къ чему споль многихъ золь намъ служить изчисленья?
 И спанетъ ли на то всей жизни мнѣ печенья!

Удобнѣ въ моряхъ сочешъ всѣ капли водъ,
 Чѣмъ трудны шѣ спези, по коимъ смертныхъ родъ
 Всечасно шествуя, средъ воплей, слезъ и стопа,
 Мнишь счастья доспичъ до лучезарна шрона.

Уже я мрачное зрю юношей чело!
 Сведемъ ихъ на берега, гдѣ бъ все вокругъ цвѣло,—
 И счастье скользское избравъ сихъ пѣсней цѣлю,
 Раскроемъ сердце ихъ косящему веселью;
 Уйдемъ спропшивыя ихъ жалобы въ устахъ.
 „Нась юныхъ“—говорятъ—„объялъ невольный страхъ!
 „На жизни поприще неопытнымъ и новымъ,
 „Почто намъ душъ въ лицо бореемъ споль суровымъ!
 „Уже ли навсегда злшый Сашурновъ вѣкъ
 „Къ Олимпу свѣшлому опъ скорбныхъ насъ ушекъ?“—

Но что есть вѣкъ золотой?—Онъ есть иносказанье.
Вопъ какъ о немъ гласить язычниковъ преданье:

Тогда, какъ шаръ земный былъ въ юности своей,
И люди роскошью не множили страстей,
Сатурнъ, опецъ боговъ, по баснѣ знаменитый,
Скитаясь рубищемъ и брениемъ покрытый,
Въ Лацийскихъ обласпяхъ, гдѣ Янусъ былъ царемъ,
Обрелъ спокойну сѣнь и скорби свергъ яремъ.
Пришекну оному изгнаннику небесну,
И образомъ своимъ и родомъ безъизвѣспну,
Власпишель Лации простря союзу длань,
Обильну раздѣлилъ своихъ земель съ нимъ дань.
Потомъ, прозря души въ немъ доблесть сокровенну,
Вручилъ ему свою державу многоцѣнну
И далъ во власпъ его шьмочисленный народъ.
Повѣрять ли сему вѣковъ позднѣйшихъ родъ?
Пришлецъ,—и чуждыхъ царствъ наследуетъ кормила!
Толико-то въ царяхъ души любезна сила!

Сатурнъ былъ прозорливъ, не суеславенъ, благъ;
Въ забавахъ не понуль, но имъ и не былъ врагъ;
Не возжигалъ войны, но не бѣжалъ Беллоны;
Хранилъ, въ примѣръ рабамъ, самъ изданны законы;
Всѣ радости свои въ ихъ счастье почерпалъ,
А счастья въ честности искалъ ихъ приучалъ.
Внушая къ суепнымъ желаньямъ отвращенье,
Къ трудамъ онъ поселилъ спарался въ каждомъ рвенье.
О, праздность! скуки мать, а чаще сваръ и бѣдъ!
Въ швой храмъ тогда еще не проложенъ былъ слѣдъ!

И подъ безпечною еще швоею сѣнью
 Не вымышляли золь вселенной къ погубленью!
 Не совѣщалися, какъ браша обмануть ,
 Чпобъ къ шпрону Плупуса крапчайшій выбрашь путь.
 Всякъ собшвеннымъ шрудомъ и собшвенной спопою
 Искаль себѣ спезей къ довольству и покою,
 И спепень данную въ удѣль ему судьбой
 Сносилъ безъ ропоша, не шребуя чужой.

Тогда не мѣряли земель на десяпины ,
 На паспвахъ мѣшами не своили скопины ,
 Не дѣлали въ своихъ владѣннѣхъ рубежей,
 Къ домамъ изъ люшыхъ псовъ не брали спорожей ,
 Обильныя сады не обносили рвами ,
 Хранилища казны не сперегли замками ;
 За шѣмъ, чпо не свое всякъ почипаль чужимъ,
 Свое же радосшно дѣлилъ всегда съ другимъ.
 Благая ли земля, въ минушы своенравны,
 Поглопишь жишо чье , и плевы дасъ не жданны ,
 Всякъ къ полнымъ закромамъ шого своимъ ведешъ ;
 Одеждыль у кого прикрышь рамена нѣшъ ,
 Всякъ лучшую пому даешъ свою хламиду.

Тогда не вѣдали несть жалобъ за обиду,
 За шѣмъ, чпо никого никшо не обижаль ,
 И буйны замыслы въ себѣ самъ подавляль.
 Содружныя чешы, какъ чада межъ собою
 Ишока одного вспоенныя водою,
 Другъ друга приучась съ младенчествѣа любить
 Одинъ за одного гошovy кровь пролишь :

Такъ цѣлый сей народъ въ любви живя взаимной
Единою виной своей былъ жизни мирной.

Тогда не знали кляшвъ, свидѣтелей, уликъ:
Всякъ съ сердцемъ соглашалъ и взоръ свой, и языкъ;
А сердце честностью и должностію правилъ.

Тогда убожесхва никто въ порокъ не спавиль,
Избышковъ временныхъ не причисляя въ честъ:
Всякъ качесшвомъ души почтенъе могъ обрѣсть.

Тогда супружесшво, не пляжкими цѣпями,
Но благомъ числили, низпосланнымъ богами,
Гнусаѣйшихъ изъ него не выводя шорговъ.

Тогда не спрашенъ былъ и внѣшнихъ мечъ враговъ:
Гдѣ дѣйсшвуютъ равно и чувсшвуютъ содружно,
Тамъ царсшвъ предупреждашъ паденіе не нужно:
Держава ихъ крѣпка и пронъ неколебимъ.

О! вы, внимаючи незвучнымъ пѣснямъ симъ!
Коснѣнемъ моего не препинаясь гласа,
Не пѣній сладосшныхъ двухолмага Парнаса,
Но истины словесъ ищите въ нихъ одной,
И есшли благами васъ вѣкъ прельсшитъ злашой,
Спѣшите черпашъ ихъ изъ чиспаго испока!
Да сердце ошчужда отъ гибельна порока
Безсмершной доблесшью украсимъ мы себя!
Да счастье праошцевъ нелѣсно возлюбъ
Ихъ нравовъ мы прсшыхъ наслѣдимъ непорочносш.
И съ ней наслѣдуемъ злапаго вѣка прочносш.

П Ъ С Н Ъ В Т О Р А Я .

Влаженъ, любящій шрудъ смиренный селянинъ !
Страшась безвѣснаго, изъ собствѣнныхъ долинъ,
По крыльцамъ мраморнымъ, онъ зданій многовѣчныхъ,
Не бѣгаетъ искашь ушѣхъ себѣ сердечныхъ;
Не пресмыкается вокругъ идоловъ злѣшыхъ,
Не бѣетъ о прахъ челою, какъ въ храмѣ лишь священныхъ,
Не рыщетъ спогнами съ простертою вдаль дланью,
Не мещетъ алчный взоръ къ чужихъ богатствамъ спя-
жанью,

Не ищетъ счастья на днѣ бурливыхъ волнъ:
Оно всегда при немъ,—доволенъ малымъ онъ.

Бѣгущи звѣзды въ пошпѣ, гоня съ небесъ рядами,
Едва румяная дщерь Феина перспами,
Чертога солнцева злѣшыхъ коснется вращъ,
И свѣшлые огни съ востока заблещашъ,
И примутъ небеса цвѣшисные опливы;
Какъ онъ вспрынувъ отъ сна спѣшашъ уже на нивы.
Его зеркальна спаль вращаясь по браздамъ,
Подобно острыхъ скалъ, гордящимся хребтамъ,
Иль бьющему ключу съ востока, сквозь гранишъ,
Срѣшаетъ первый лучъ, свѣшилкомъ дня излишней:
То рѣшетъ вспашъ его, то въ немъ сугубя свѣшъ,
Молніеносныхъ спирѣлъ даетъ ему полетъ;

То солнце въ нѣсколькихъ вдругъ лики представляешь;
 То пурпурнымъ огнемъ, какъ бы сама пылаешь
 И перлы росныя прясешь въ пупи съ лисновъ.

Лепяшь часы его быстрѣй градскихъ часовъ!
 Уже паящій Фебъ дохнулъ къ нему съ зеница;
 Бѣжишь на землю пошъ съ чела его опкрыша:
 Сто крапъ почтенъ сей пошъ въ очахъ прямыхъ людей!
 Не яросшь буйственныхъ влечешь его спрасшей,
 Не роскошь, введшая во нравы развращенье,
 Не алчность золоша, не къ почесшамъ спремление;
 Но нужды, данныя природою самой
 И умѣряемы желанья просшошой.

Наспаль шрудами часъ прапезъ посвященный.
 О! сласполюбія пипомецъ разслабленный,
 Опъ смерши крывшійся и упреждавшій смершь!
 Желаетъ ли двойный при здравѣ вѣкъ имѣть?
 Въ рукахъ орашая хранишься та наука.
 Смошри: здѣсь сѣрый дымъ, искрящійся опъ шука,
 Не вьется у него изъ кухни вверхъ сполбомъ;
 Изъ кубковъ не лепишь воздушна пыль съ виномъ;
 Чугунны для него, какъ огонь разженны плишы,
 Не кипепяшь всякъ часъ въ похлебкахъ ядъ сокрышый,
 И прихошей швоихъ не знаешь онъ запѣй!
 Но онъ и немощи не вѣдаетъ твоей!
 Здоровъ, проворенъ, бодръ, непразденъ день единой;
 По силамъ юноша, хошь спарець онъ сѣдиной.
 Вскормленныхъ имъ шелиць безпримѣсный удой,—
 Хлѣбъ, сняшый собшвенной, съ наслѣдныхъ нивъ рукою

Достаточны къ его бывають насыщенью ;
 Но естли нѣкогда и чувства къ услажденью
 Прозрачный, какъ янтарь сопошь онъ вкусишь медь:
 „Колико“—мыслишь онъ—„обилень мой обѣдъ!“—
 Труды раждаютъ гладь; а гладь сласишь всѣ яства!
 Тотъ наслажденія не вѣдаешъ пріятства,
 Кто мало ожидалъ и скоро получилъ.

Когда же ощути усалость крѣпкихъ силъ,
 Дремотой чувствуюшъ онъ вѣжды опягченны;
 Тогда, безпечности шоварищъ неизмѣнный
 Покой его души, топчась смежаешъ ихъ.
 Не зная спрашныхъ грѣзь, что въ спальняхъ золошыхъ
 Толпами носятся, вельможъ для пробужденья:
 Онъ спишь безъ шрепеша, шревоги, подозрѣнья.
 Ему ненуженъ пухъ Пафосскихъ лебедей;
 Нерѣдко засыпалъ средъ чистыхъ онъ полей,
 Главу подъ солнечнымъ на плугъ склонивши зноемъ:
 Что снѣдъ ему даетъ, тожъ служишь изголовьемъ.
 Индейской шкани онъ не шребуешъ сквозной,
 Чшобъ въ ложе пропусши зефировъ рѣзвыхъ рой
 Крылапыхъ упредить докуки своевольны:
 Онъ спишь подъ пѣсни ихъ и шорохъ безпокойный.
 Онъ спишь,—но счастье надъ нимъ шроспершишь бдишь;
 Пріосѣнивъ собой ошь буръ его шранишь.

Въ семъ дни его шекушь порядкъ безмятежномъ!
 Какъ дѣва въ машернемъ живя надзорѣ нѣжномъ,
 За пряслицей, въ гульбахъ, на сходбище подругъ
 Не видишь какъ мелькнулъ годичный цѣлый кругъ,

И вспрѣтъ первый снѣгъ упавшій на долину:
 „Иль прошлый“—мыслишь—„годъ былъ меньше впо-
 ловину?“—

Такъ спада къ югу ппиць онъ усмопрѣ полещъ:
 „Ужели осенькъ намъ“—мнишь—„скоро такъ шечешъ!“—
 Но се, по раменамъ съ спрующимися власами,
 Съ высокой грудію, съ злапыми очесами,
 И классы распусія космашы по лицу
 Течешъ съ богашспвами къ его она крыльцу.
 Съ ней юношей шолпа бѣжишь въ весельѣ шумномъ.
 За нею кошницы, несомые Вершумномъ
 Пріятный въ воздухъ лющъ запахъ опъ плодовъ.
 Съ ней Тьмола нѣжнаго съ сосудами соповъ
 При крикахъ радоспныхъ сопровождающъ дѣши.
 Предъ нею скачешъ Вакхъ, влача хмѣлины плечи,
 Въ которыхъ спущавшихъ съ шрудомъ идешъ Силенъ,
 И Панъ вторичное несешъ руно овенъ.
 Кпо погребы его, кпо закромя наполняешъ,
 Кпо шоль обильною шрапезой успавляешъ;
 Но вкупѣ радоспъ всѣ въ его приносятъ домъ:
 Намъ мнишся шо вдвойнѣ, что снискано шрудомъ!

Какъ предводишель войскъ, побѣдами надмѣнный,
 На время положи мечъ кровью упоенный,
 Объемля добычей несмѣшное число,
 Орудіе ему кошоры принесло,
 Дружину снесшую и брань, и переходы,
 Въ ряды разшонова считаешъ ихъ на взводы;
 То бѣгаешъ по нимъ, то окликаешъ ихъ,

То пребудешь коней, то всадниковъ однихъ,
 И видя, что уронъ добыча превышаетъ:
 „Мой шрудъ вознагражденъ“—надмѣнно восклицаетъ!
 Такъ земледѣлецъ сей воспоргомъ полня грудь,
 Кладя на время плугъ и косу опдохнушь,
 Счишаетъ радостно хлѣбъ сложенный скирдами,
 И пробѣжавъ его блестящими рядами:
 „Сугубо“—говорить—, „вознагражденъ шрудъ мой!“—
 Но въ семь-то лишь они и сходны межъ собой!
 Какъ съ ночью разны день, шакъ сердца ихъ движенья:
 Тотъ ищетъ безпокойствъ;—сей ищетъ наслажденья.

*

Блаженъ законовъ страждъ, шворящій правый судъ!
 Кого ни кровные, ни злашо не препнушь!
 Кшо права общаго посшавленъ быть главою,
 Какъ швердая спѣна щипить его собою!
 Кто чуждъ приспращія, въ бѣдахъ неколебимъ;
 Кѣмъ немощный всегда опъ мощнаго хранимъ!
 Тяжелъ на раменахъ яремъ его лежащій!
 Какъ въ басняхъ небеса Атлантъ плечми держащій
 Подъемлешь шяготы всѣхъ болѣе боговъ;
 Такъ смершныхъ превзошелъ онъ шягосшью шрудовъ,
 Свршая приговоръ и мзды и наказанья!
 Какъ шопъ, наскуча бытъ подпорой мірозданья,
 И мысля опъ шрудовъ на мигъ почишь единъ,
 Мгновенно бѣ испровергъ природы спройной чинъ:
 И солнце, и земля, и спутники планешны,

И ясныхъ въ небѣ звѣздъ, созвѣздiя несчетны,—
 Всѣ бѣ съ шрескомъ рушились, другъ друга изпребѣ;
 Такъ онъ бездѣйствуя, покой свой возлюбя,
 И чаши на вѣсахъ оставя упраздненны
 Всѣмъ ужасы привлечь, словеснымъ подчинены.

Нѣтъ лишнихъ у него, ни собствѣнныхъ минутъ :
 Не для него онъ, для согражданъ текутъ !
 И даже самого онъ сна всемошной власпи,
 Не смѣетъ уступитъ четвертой вѣка части.
 Онъ съ боемъ часовымъ на мысль не приведешь,
 Что въ зрѣлище ищи его товарищъ ждешь,
 Что въ пышную его вельможа звалъ бесѣду,
 Что первымъ приглашенъ банкиромъ онъ къ обѣду,
 Что за городъ гулять далъ слово онъ друзьямъ,
 Что дружба, что любовь, что вся природа тамъ
 Готовяшь чувсвамъ ихъ роскошны наслажденья;
 Ему не до того! самъ ждешь онъ посѣщенья!
 Ужъ зрѣтъ подъ сѣнь свою молищелей соборъ,
 Рыданье гладныхъ чадъ, пониклый сирыхъ взоръ,
 Невинность спраждущу ошь буйной власпи мощныхъ,
 Обиженныхъ вдовицъ, напаси безпомощныхъ,
 И движимъ жалосью, онъ въ мигъ же хочеть сей
 Ошнать у кровопийцъ ихъ жершвы изъ когшей.
 Бѣшь зрѣлища его, бесѣды и гульбища!
 День каждый внемлетъ онъ спѣсенна, сира, нища.
 Тяжелъ безмѣрно сей для смершнаго яремъ!
 Но сладко счастье, хранящееся въ немъ!
 Безъ примѣси оно земной забавы бренной,—
 Небесныхъ радостей естъ образъ несомнѣнной.

Нерѣдко острый мечъ блеспишь въ его рукѣ,
 И сердце ощуща въ мучительной тоскѣ
 Онъ вшайнѣ слезы льешь надъ спрогимъ приговоромъ;
 Но буйноспи слѣды окинувъ зоркимъ взоромъ,
 Онъ сердцу замолчать предъ истиной велишь.
 „Ты жало змѣя сперь“—къ нему она гласишь!
 „Ты спасъ меня“—гласишь, невинность припѣсенна!
 „Безъ помощи швоей я гибла пораженна!
 „Уже ошъ глада мнѣ вшекъ въ жилы смерти хладъ,
 „Уже, шомясь своихъ я зрѣла юныхъ чадъ
 „Подъ врепищемъ, въ пыли, съ запекшимись ушами,
 „И на распутияхъ презрѣнныхъ богачами.
 „Все алчный у меня похишилъ мой сосѣдъ!—
 „Топъ домъ, гдѣ первый я узрѣла солнца свѣтъ,
 „Та пажишь, что отецъ оставилъ мнѣ въ наслѣдье,
 „Доспались люшоспи враговъ моихъ въ возмездье!
 „Но пы снизшедъ ко мнѣ свелъ ясные мнѣ дни,
 „И дѣпи всѣ мои въ домашней спяшь тѣни.“—

„Безъ помощи швоей, увы! я пала бѣ нынѣ,
 „Какъ гибкій, юный вязъ подсѣченный въ долину,
 „И кровію бѣ земля насыпилась моею!
 „Уже сѣкирою блеснулъ ко мнѣ злодѣй;
 „Но пы воззрѣлъ,—и въ мигъ убійцы онѣмѣли!“—

„Безъ помощи швоей проклятія бѣ гремѣли
 „Надъ гробомъ, кроющимъ отверженный мой прахъ,
 „И имя бы мое пошомству было въ спрахъ,
 „А кровнымъ всѣмъ въ позоръ, и брань между собою.
 „Уже подъ черною я крылась клеветною;

„Но руку ты просперь и спала клевета;
 „Безславіе, презоръ забылись, какъ мечта;
 „Ты ихъ съ меня совлекъ, жезломъ швоимъ касалъ!
 „Какъ волны объ оплошь незапно ударялъ
 „Ярясь, пѣнясь, но вспянь бѣгунъ съ спыдомъ;
 „Такъ козни предъ швоимъ рассыпавшись судомъ
 „Бѣгунъ,—гдѣ люшая глотаешь ихъ геенна!“—

Такъ вопіетъ къ нему невинность имъ спасенна!—
 И чиспыхъ радостей пресынясь онъ опъ ней
 Паритъ въ ликъ Ангеловъ воспорженной душей.

*

Блаженъ монархъ, какъ чадъ рабовъ своихъ любящій,
 О доблести ихъ дѣлъ и благъ купно бдящій!
 Горячноши къ нему ихъ опышы одни,
 Ихъ въ браняхъ мужесшво, ихъ кропосшь въ мирны дни,
 Во нравахъ чиспоша, законамъ подчиненье,
 Державъ сосѣдшвенныхъ невольно къ нимъ почтенье,
 Воздѣланныхъ полей цвѣшуцій всюду видъ,
 Учаспокъ каждаго изъятый опъ обидъ
 Недремлющи его заботы награждаютъ,
 И тяжесшь на главѣ короны облегчаютъ.

Онъ зришь въ земляхъ своихъ быспрѣйшій ходъ наукъ:
 Зришь подданныхъ пруды и ихъ издѣлья рукъ
 На шоржищахъ, въ домахъ, зыбями преносимыхъ.
 Изникши грады зришь пространствъ необозримыхъ.
 Повсюду зодчесшва, чаруюція взоръ;
 Вездѣ полезнаго съ прияшнымъ явный споръ.
 Тамъ воды бьюшь шполпомъ и слуху льспя вперенну

Въ разженномъ воздухѣ прохладу льютъ цѣлебну.
 Тамъ спѣлымъ гроздіемъ манящъ къ себѣ сады.
 Машины дивны тамъ вершатъ людей труды.
 Тамъ рѣки на пущахъ взявъ новое печенье
 Промышленность несутъ торговли въ приращенье.
 Мягчежны волны тамъ окованны въ брегахъ
 Не смѣютъ разносить по спогнамъ вредъ, и спрахъ.
 Тамъ каждое гласитъ прозримое устройство :
 „Блаженъ, народное спрегущій царь спокойство!“—

Возмнишь ли онъ свои владѣнія обещъ,
 Повсюду радостныхъ внимаешь клики встрѣчь!
 Се дѣши нѣжные опца чадолюбива
 Во срѣщенье бѣгутъ свиданья съ нимъ счастлива:
 Тѣснясь, мечутся, коснятъ другъ другу ходъ.
 Имъ день разлуки съ нимъ естъ скучный, долгій годъ.

Какъ нѣжной горлицы шенцы неоперенны,
 Медлительнымъ ея описушсѣемъ смященны,
 Вдругъ видящъ надъ собой маханье милыхъ крылъ,
 И съ радости, что часъ свиданья наступилъ,
 Несвязный, громкій крикъ по воздуху пускаютъ;
 Такъ вѣси кликами въ восторгѣ оглашаютъ,
 Пируючи приходъ благаго изъ царей.
 Какъ волны синія вдругъ хлынувъ изъ морей,
 Невольно правясь гонящимъ ихъ спремленьемъ,
 На низкій вмѣстѣ брегъ всѣ мечутся съ смященьемъ,
 И поковъ пышящи въ едино ложе сливъ
 Просшранный изъ себя всѣ дѣлаютъ заливъ;
 Такъ жишели градовъ и кущъ, и селъ несмѣшныхъ,

Припекшія въ толпахъ, очами необмѣнныхъ
 Единой вокругъ его сливаются толпой.
 „Хошимъ“—гласяшь къ нему—„узрѣшь всѣ образъ твой!
 „Улыбки успѣ твоихъ, не дара мы алкая,
 „Одежды твоея хотимъ коснуться края:
 „Да въ славу нѣкую намъ сей вмѣнишся часъ!
 „Да чада нашихъ чадъ, кругомъ возсѣдши насъ,
 „Изъ нашихъ примушь успѣ торжественны преданья,
 „Какъ мы лицомъ къ лицу, безъ спражь и препинанья
 „Любовь свою къ тебѣ осмѣлились явишь,
 „Какъ ты почтилъ ее улыбкой наградишь.,—
 Объемлють шупъ его колѣна и десницу;
 Лобзають шканъ одеждъ, и даже колесницу,
 Котора принесла Монарха въ ихъ предѣлъ.

Почто Омира даръ не посланъ мнѣ въ удѣлъ!
 Почто въ Овидіевъ слогъ быстрый, живошворный
 Облечь я не могу глаголь мой непокорный,
 И въ краскахъ столь его естественныхъ, живыхъ
 Героевъ не могу предсавишь я моихъ!
 Колико сладости царей премудрыхъ вдолѣ!
 Гдѣ щасіе подъ луной еснѣ щасія ихъ болѣ!

Блаженна, что дѣла съ царемъ и шронъ и власть,
 Дѣлишь съ скорбящими ихъ скорби и наносъ,
 И длань невидиму къ убогимъ проспирая,
 Таишь ошъ шуицы, когда даетъ десная!
 О всѣхъ болѣзнуя, идя благимъ путемъ,
 Вездѣ шворишь добро, незримая никѣмъ!
 Не всеу къ шпени величія избрана!

Для славы и чesпей, не все совѣнчанна!
Печется о судьбѣ увѣчныхъ, чадъ, вдовицъ,
Болящихъ, пришлецовъ и сущихъ внутрь темницъ.
Блажу въ безмолвіи твой ликъ я невидимый!
Да потъ, кѣмъ будешь рабъ и царь равно судимъ,
Успелешь розами пушь жизни твоея,
И перны острые ошклонить онъ нея.

П Ъ С Н Ъ Т Р Е Т І Я .

Колико гибельно спремленье буйной воли,
Къ шѣмъ благамъ, кои рокъ изъялъ изъ нашей доли,
Иль опнялъ, давши ихъ во временный удѣлъ!

Вошше ласкаяся перескупить предѣлъ,
Упорный злобствуешь,—мнишь зрѣшь судьбу поправу:
Онъ въ сердцѣ шѣмъ себѣ усугубляешь рану!
Вошше вступаешь онъ съ землею и Небомъ въ брань;
Сошрется рокъ его, и изнеможешь длань!
Мудрецъ, на зло судьбы, въ мечтаніяхъ упорныхъ,
Обѣтовъ не пворишь къ событію неудобныхъ.
Приманчивыхъ спрастей, спрашася, какъ веригъ;
То побѣждаешь ихъ, но въ первый гонишь мигъ.
Двѣ мзды ему сулишь сіе спрастей боренье:
Здѣсь сладкій миръ души; за гробомъ, воскресенье!

Не такъ безумецъ мнишь! онъ рабъ мечпы своей;
Онъ зришь весь ядъ ея, но гибнущъ радъ для ней!
Съ разсудкомъ во враждѣ, врагъ собственна покоя,
И блага всѣ себѣ мечтаніемъ присвоя,
Унишься всѣми вдругъ въ единый мыслишь часъ.
Алкая многихъ благъ, мы гонимъ всѣ опъ насъ!
Желанья каждого поспѣшно исполненье,
Къ желанью новому рождаетъ побуждене ,

И умъ, свѣшильникъ сей, пворишь спраспей игрой:
Ихъ жало шупился воздержностью одной.

Полезно ль юношѣ развратомъ разслабленну,
Что времени его опъ праздности продленну,
Средь шума суешна, онъ быспрый ходъ дашъ,
И часа не живя во мрачный гробъ сойдесть?
Какъ чадо спранъ, во льдахъ лежащихъ круглы гоцы,
Зришь, къ югу пресеаясь, волшебный блескъ природы;
Зришь чуждое ему обиліе садовъ,
И сладостью прельстясь различныхъ вдругъ плодовъ,
Всѣхъ купно соки ихъ, въ сосудъ смѣшавъ единый,
Возмнилъ, испивъ его вкусишь пріятства дивны; —
Возмнилъ бы,—но нашель невѣжесива обманъ;
Такъ онъ забавами безумно обуянъ,
Вошще ждесть сладостныхъ для сердца возхищеній:
Оно томился въ немъ и мресть опъ пресыщеній.

Такъ нѣкогда Локсенъ фортуны изъ сыновъ,
Погрязши средь ея безчисленныхъ даровъ,
Во цвѣшѣ силъ своихъ спалъ гаснуть очевидно.
Ни обласей его владѣнье безобидно,
Ни блескъ сокровищей, ни лестъ несчетныхъ слугъ
Сей дивный не могли уврачевашъ недугъ.
Онъ немощи изъяпъ,—но весь изнемогаешъ;
На пиршествахъ молчишь, опъ брашенъ убѣгаешъ;
Томился въ здравіи, вздыхаешъ средь утѣхъ.

Меркъ блескъ очей его, опъ усъ скрывался смѣхъ,
Увянуль цвѣшъ ланишь, грудь пламенна ошпыла,
И жизнь безбѣдственна содѣлалась поспыла.

Супруга, кровные, невинны ласки чадъ,
 Сугубя въ немъ поску льютъ новый въ душу хладъ.
 „О, смерть!“—взываетъ онъ—„изхити меня изъ свѣта!
 „Для сердца безъ надеждъ,—для жизни безъ предмета,
 „Какъ узникъ я помлюсь подъ тяжесною оковъ!
 „Какъ серна робкая дрожитъ опъ лая псовъ,
 „Такъ съ каждымъ препещу я нова дня явленьемъ!“—
 Но смерть не прогаясь ни плачемъ, ни молениемъ,
 По волѣ Вышняго чредой идетъ своей.
 Волхвовъ прибѣгши шупъ къ искусству и врачей
 Онъ скорбну жизнь свою со зланиемъ имъ ввѣряетъ,
 Которо лихвою цѣленья обѣщаетъ.

Текутъ несчетны дни,—бѣжитъ за годомъ годъ;
 Извѣданъ каждый злакъ, цѣленья каждый родъ;
 Болящій все болишь, поминися, изнываетъ.
 Незапно новый волхвъ съ воспока припекаетъ,
 И слава дѣлъ его предшествуетъ предъ нимъ.
 „Ты будешь“—онъ сказалъ спрадальцу—„изцѣлимъ;
 „Когда покорствую моей безспорно волѣ,
 „Уклонишя одинъ въ мое со мною поле,
 „Гдѣ спанешь шрудъ неспи со мною заодно.
 „Подъ чуждымъ небомъ мнѣ силъ въ чарахъ не дано.
 „Шестъ крапъ рога луны къ востоку обращаюся,
 „Въ седмый души твоей недуги изцѣляюся.
 „За истину словесъ опивѣспивую главой.
 „Да родшіе тебя опмщяя надо мной
 „Наслѣдственны мой домъ до сама рушатъ прага;
 „Чадъ въ рабство започашъ, опца оставятъ нага,
 „На нѣжну грудь жены возложашъ тяжку цѣпь

„И въ гробъ мнѣ обращають обширну, чужду спель.“—
 Изрекъ,—всѣ слышавши боляща окружають,
 Безпрепешно волхву предаются увѣщають.
 Надеждъ исполнясь онъ сопустпвуетъ врачу.
 Подобно фебову осеннему лучу,
 Блеснувшу сквозь туманъ, и въ мракъ сокрывшусь новый,
 Улыбкою блеснувъ уша его суровы
 Сомкнулись скорбью вновь,—и вновь онъ спалъ уныль.

Прибывъ подѣсьнъ свою волхвъ къ чарамъ приспунилъ.
 Едва приходъ зари начнушь гласить пернапы,
 Локсена очерпя вседневно онъ при крапы,
 И правъ шаинснвенныхъ росю напоя,
 Иль съ плугомъ, иль съ косою шрудитъ ся шлеть въ поля.
 Попомъ, въ полдневный зной ведеть его къ жилищу,
 Гдѣ сельскую предъ нимъ спановитъ легку пищу.

Еще чепырежды рога зошли луны;
 Но мыслью преселясь въ опечески спраны
 Болящій къ своему просперъ семейспву руки,
 И въ первый оцущилъ всю цѣну съ нимъ разлуки.
 „Дай“—молишь онъ врача—„мнѣ чадъ моихъ обняшь!
 „Съ супругой слово мнѣ едино дай сказать;
 „Родишелей узрѣшь въ уныныи ихъ глубокомъ.“—
 Но волхвъ упорспвуетъ, не упреждая срокомъ.
 Пождемъ еще,—онъ мнишь,—невдалекѣ успѣхъ!
 Да цѣну свѣдаетъ лишеньемъ онъ ушѣхъ.
 Кто къ ближнимъ не оспылъ, къ нимъ чувспвуетъ
 влеченье;
 Тотъ сердцемъ здравъ;—тому и жизнь не въ удрученъе.

Межъ тѣмъ, о! дивная воспомочныхъ сила чаръ!
 Болящій вновь обрелъ безцѣнный здравья даръ.
 Согрѣлась грудь его, исчезла устъ свирѣпость,
 Взыгралъ во взорахъ огонь, влилась во члены крѣпость;
 Позналъ онъ мирный сонъ, безъ бѣдъ преспалъ вздыхать;
 Какъ роза майская спалъ снова разцвѣтатъ.
 Въ семействѣ мнишь своемъ не скукой быть помѣненный,
 Но щедро бы воздалъ, за часъ съ нимъ проведенный;
 Опъ брашенъ не бѣжитъ, не злобствуетъ на свѣтъ,
 И самъ въ премѣнѣ сей себя не узнаетъ.

Едва желанный часъ къ его наспалъ возврашу,
 Врачу онъ принесъ условленную плату
 Упалъ къ его ногамъ признашельности полнъ.
 „Сверши свой даръ благій“—къ нему зываетъ онъ!
 „Повѣдай, въ чемъ пивое шайхъ чарованье?“—

Умѣренность забавъ, пруды и воздержанье—
 Вошъ чары всѣ мои,—на прозбу волхвъ изрекъ.
 Не Парка шерны въ нашъ выпрадаетъ крашкѣй вѣкъ!
 Мы сами для себя съ обиліемъ ихъ сѣемъ:
 Спокойствіа бѣжимъ, о здравѣ не радѣемъ.
 Ты къ счастію рожденъ, но счастливъ не былъ мигъ:
 Средь нуждъ и нищеты я счастія доспигъ.
 Подъ игомъ роскоши ты палъ, собой поверженъ:
 Къ забавамъ бережливъ, опъ нѣги я воздерженъ.
 Унылой празностью ты скучны длишь часы:
 Трудями крылья имъ дзю я и красы.
 Ты спонешь среди бѣдствъ: мнѣ совѣсть въ нихъ опрада.
 Въ насъ сила, немощи: супъ воли нашей чада.

Блаженъ спокрашно шошъ, кпо навикъ могъ спяжалъ
 Кипучихъ власшъ спраспей надъ сердцемъ умѣряшъ!
 Порывовъ жизни кпо, могъ уклонясь мятежныхъ,
 Средь воя спрашнхъ бурь, средь громовъ неизбѣжныхъ
 Смирненное себѣ убѣжище обрестъ,
 Гдѣ алчность золота, коварство, злоба, месть,
 Спезей не вѣдаютъ къ его душѣ спокойной.
 Въ союзѣ съ совѣстью, собой и всѣмъ довольный,
 Прилива не спрашась жишейскихъ ярыхъ волнъ,
 Улыбку свѣплую гдѣ счастья видишь онъ.
 Гдѣ суешность глупцовъ, завистливыхъ навѣшъ,
 Ядъ сильного врага, льстецовъ злоредны меты,
 Веселію къ нему не возбраняющъ входъ:
 Гдѣ чистыхъ нравовъ онъ вкушаетъ сладкій плодъ.

Доволенъ тѣмъ, что есть,—чужаго не желая,
 Не обшекаетъ онъ вселенной въ край изъ края,
 Чтсбъ дивныя собрать спранъ чуждыхъ новизны.
 Ни снѣжной мрамора Паросска бѣлизны,
 Ни вѣчной прочности гранита искрометна,
 Ни хрупкихъ чашъ драгихъ фарфора разноцвѣтна,
 Для замковъ, онъ своихъ не силился скупить:
 Все пользой онъ обыкъ, не прихотьюми цѣнить.
 Покойный, свѣплый домъ, опрашность въ немъ уборовъ,
 Сосуды нужны къ пошребѣ, не для взоровъ,
 Устройство всѣхъ вещей, порядокъ, чистота:
 Вошъ прихотей,—онъ мнитъ,—едина красота!

Онъ вкусамъ обществу не рабствуетъ премѣннымъ:

Не хочешь у себя бышь произвольно плѣннымъ.
 Тамъ окна дѣлаешь, тамъ ложе спановишь,
 Тамъ лѣспвицу, тамъ споль;—тамъ дверь рубишь велишь,
 Хозяйственныя гдѣ попотребуютъ ихъ нужды:
 Удобрства ищетъ онъ,—не взоры пѣшишь чужды.

Подъ окнами его шѣнисный садъ шумишь:
 Онъ самъ его сажилъ и самъ его распишь.
 Едва восточный фебъ вспрянувъ злашой главою,
 Съ блистательныхъ власовъ посыплетъ свѣтъ спруею,
 И хоръ порхающихъ почишь зари приходъ,
 Съ семействомъ шупъ своимъ, возросшимъ средъ работъ
 Въ возлюбленный сей садъ спопы онъ направляешь.
 То кору черспвую съ деревьевъ очищаетъ;
 То мази дѣлаешь и раны ихъ цѣлишь;
 То сукъ болящій онъ опъ здраваго дѣлишь.
 То гнѣзды на лиспахъ зря гадовъ порожденныхъ,
 Пускаешь горкій дымъ изъ зелій вокругъ возженныхъ.
 Бесплодными ль найдешь, которы изъ древесъ;
 Тогда онъ лозы ихъ склоня подъ перевѣсъ,
 Теченье соковъ шѣмъ взять нудишь на свободѣ,
 И помощь подаетъ ослабнувшей природѣ. *)
 Здѣсь съ заступомъ въ рукѣ,—тамъ съ оспрою пилой;
 Здѣсь кладезь рыть велишь;—текущей тамъ водой
 Искусственный ручей средъ злаковъ извиваешь,
 И долъ болошисный опъ влаги осушаешь;
 Здѣсь шукъ даетъ землѣ,—тамъ мѣсишь съ ней песокъ:
 По нуждамъ почвы онъ сушишь, иль множишь сокъ.

*) Еслили фрукшное дерево не даетъ плода; въ шакомъ случаѣ привязывающъ къ главнымъ онаго вѣтвямъ небольшіе камушки. Сей маловажный опытъ приносилъ перѣдко желаемый успѣхъ.

Какъ Флора быспрая прудомъ не упомима,
 Съ сосудами воды, иль съ кошницею зрима;
 Вездѣ присупспивуешь, лелѣешь все, живишь,
 И дику даже спиешь цвѣтущею шворить;
 Такъ дщери юныя его неупомимы:
 То сѣюшь имъ цвѣты и дерева любимы,
 То пушають землю ихъ нишающею собой,
 То орошають садъ прохладною водой,
 То гряды овощей съ вниманьемъ обшекають,
 И быліе изъ нихъ зловредно изпоргають.
 Забывъ незрѣлоспъ лѣшь всѣ съ нимъ онѣ въ прудахъ:
 Ихъ пляски онѣ дѣлишь забывъ о сѣдинахъ.

Ручей отъ сѣвера дубравой заслоненный
 Не пѣнишь,—не клубишь; но воды прохладенны
 Спокойно къ одному влечешь всегда концу.
 Се образъ родшій ихъ!—сопрягшись мудрецу,
 На должноти своѣ не сѣшуя обширны,
 Супруга подъ щипомъ проводишь годы мирны.
 Ея вседневна цѣль: во нравахъ крошкой быть;
 Наклонности: союзъ семейный водворить.
 Упреками она, за мнимы недоспапки
 Не спанешъ оправлять покой супруга сладкій.
 Роскошна гордецовъ желанія въ ней нѣшь,
 Чшо бѣ въ комнацѣ ея, лампада слабый свѣтъ
 Подобяся лунѣ къ ногамъ ея бросала;
 Что бѣ низками изъ перлъ, алмазовъ, иль коралла
 Возвысилась ея природна бѣлизна;
 Чшобъ прелести свои мгновенно всѣ она
 Узрѣла въ зеркалѣ, во всю споящемъ стѣну;

Чшобъ шканямъ Турціи и Персіи въ замѣну
 Брюксельски, Англински явились кружева ;
 Чшобъ въ сводахъ длинныхъ залъ терялися слова.
 Не къ комнашнымъ она убранствамъ пламенѣя,
 Оковы на себя взложила Гименей !
 Не перлы, не хрусталь, не шкани, не фарфоръ ;
 Но обращенный къ ней супруга нѣжный взоръ
 Въ ней сердце пренешашъ восторгомъ заставляешь,
 И къ роскоши любовь изъ мыслей изгоняешь.
 Все,—все онъ помрачилъ цѣной своей руки !
 И слава, и чины, и злѣша рудники,
 И (думать такъ дерзну) короны даже царски
 Скуднѣй въ ея глазахъ его малѣйшей ласки.

Не попирая розъ, разцвѣтшихъ изъ шелковъ,
 Онъ любилъ видѣть ихъ среди живыхъ кустовъ.
 Въ поляхъ его естъ лугъ весь дерномъ покровенный,
 И сребровидныхъ струй потокомъ орошенный :
 Тамъ око манился красой древесныхъ купъ.
 Тамъ шпройная сосна, величественный дубъ,
 И липа, въ воздухѣ лиюща ароматы,
 И гладки попопы, и ельники космашы ,
 Природы дивною размѣщены рукой.
 Тотъ смошрися въ струи, нагнувшись надъ водой ;
 Тотъ съ дланей на праву кидаетъ шѣнь проспранну :
 Тотъ гибку вѣшвъ свою съ сосѣдомъ сочешанну
 Вкругъ выи у него пріязненно обвилъ ;
 Кичась собою сей, одинъ, безъ чуждыхъ силъ,
 Прямъ, шпроенъ, величавъ , споишъ отъсюду зримый
 И рѣжешъ облака Бореемъ наносимы.

Сюда-то ходишь онъ, на сей роскошный лугъ
 Роскошествовать и самъ, въ часы своихъ досугъ.
 На семь-то берегу, красой своей богапомъ,
 Онъ тихимъ солнечнымъ любитъся закапомъ.
 Возсѣвъ на мягкій дернъ съ супругой, среди чады
 Въ единъ пикаетъ мигъ и сердце онъ и взглядъ:
 Здѣсь мчитъ ему зефиръ вечерни ароматы,
 Порхаютъ съ пѣснями игривыя пернашы,
 И рыбы, сей нѣмыхъ, безгласныхъ пшарей родъ,
 Среброчешуйчаты подъявъ хребты изъ водъ
 Въ восторгахъ плещуща ихъ не рѣвнуя пѣню:
 Все дышетъ роскошью и манишь къ наслажденью.

Но что сковало взоръ и слухъ его собой?
 Прельщенъ малютокъ онъ дѣшей своихъ игрой.
 (Въ насъ громче сердца гласъ средъ сельскія свободы!
 Сквозь стѣны градскія кеснятъ стопы природы).
 Вошь носится одинъ за быстрымъ мошылкомъ:
 Уже доспигъ его,—поймалъ,—накрылъ плашкомъ,
 Кричитъ: „пы плѣнникъ мой!“—но онъ исчезъ опъ взора.
 Другой изъ ландышей и мѣлкаго чебора
 Родилелямъ своимъ пучки готовитъ въ даръ;
 А шѣ, построся на нѣсколько вдругъ паръ
 Незрѣлыя свои извѣдываютъ силы.
 О, сколь для рождшихъ насъ и игры наши милы!

Сюда,—на сей же лугъ,—въ часъ общей тишины
 Идетъ безмолсествовать при свѣтѣ онъ луны.
 Онъ смошришь какъ преидя лазурны неба своды,

И взоры, обрапъ на шрепешныя воды
 Царица ночи въ нихъ свой полный кажешъ ликъ.
 Онъ слышишь, какъ въ правѣ чиликая правникъ
 Съ журчаніемъ струи свой слабый гласъ сливаетъ,
 Какъ общій шопопъ ихъ съ прерывомъ заглушаетъ
 Таящійся въ лѣсахъ полнощный соловей.
 Онъ видишь блѣдный свѣшъ блуждающихъ огней,
 Разсыпанну росу, шрепещущу съ лисшамъ,
 И свѣплыхъ червячковъ, блестящихъ межъ кустамъ.
 „Сколь тихо все“—онъ мнишь! но вдругъ кишишь рѣка;
 Сводъ чистый облегли шумящи облака;
 Нѣтъ болѣе луны, ложатся всюду мраки:
 Едина молнія въ чершы вѣясь двояки
 Его премѣнчивый осіяваетъ слѣдъ.
 Грешшь раскатиный громъ.. „мой разумъ познаешъ
 „Гласъ Бога моего“—онъ мыслишь умиленной!
 „Блажу шаминшвенность судьбы Твоей священной;
 „Блажу всемошную десницу я Твою,
 „Воззавшую меня опъ праха къ бышю.

П Ъ С Н Ъ Ч Е Т В Е Р Т А Я.

Блаженъ, кто еспешива завѣсу вскрывъ священну
Постигнулъ дѣль его пружину сокровенну
И съ нимъ бесѣдуешь опъ шума уклонясь!

Блаженъ, кто съ лирою соединяя гласъ
Поешъ величіе Небесныхъ державы,
Поешъ земныхъ царей, геройство, чесны нравы,
Въ награду льспясь обрешъ веселый взоръ друзей:
Невѣдомъ въ свѣтѣ онъ, но чшимъ въ сѣмьѣ своей!

Тебя, взлелѣянный во храмѣ Эріаны, *)
Природою себѣ въ совмѣстники избранный
Художникъ,—честь градовъ! шебя ль забуду я?
Тебя ль не воспоешь поклонница швой?
Ты просишь въ душѣ своей, но хипри воображеньемъ;
Малъ свѣтской спепеню, великъ ума пареньемъ;
Ты въ чувстввахъ роскошень, но съ нѣгой незнакомъ:
Трезвъ, шихъ, шрудолубивъ, къ согласію влекомъ
Злашаго вѣка жизнь являешь мнѣ собою.

---

*) Греки и Римляне поклонялись Минерѣ въ различныхъ обстоя-
тельстввахъ. Соображаясь съ различными ея свойствами прида-
вали ей для вѣждаго свойства особенное имя. Въ Палладѣ почи-
тали они покровительницу военныхъ дѣйствій: въ Эріанѣ, по-
кровительницу художествъ. Подъ именемъ Минервы разумѣли
премудрость; но сіи три и многія еще другія имена принадле-
жали ей одной.

Природы шествуя спезей всегда прямою
 Ты нужды съ ней свои умѣешь соглашать.
 Привычка, ей во всемъ изящномъ подражать,
 Очистила швой вкусъ и сердце умягчила.
 Не дѣйствуешь въ тебѣ корысти мощной сила:
 Искусшвомъ перспъ своихъ шы въ бѣдности богашъ.
 Несмѣнныхъ золоша не примешь шы громадъ
 За даръ художества, шобой шoliko чшимый.
 Привѣшпвую тебя Минервы сынъ любимый!
 Привѣшпвую,—и чшу завиднымъ жребій швой!

Нѣтъ времени тебѣ гоняшься за мечшой,
 Иль пламенникъ вражды, шряся въ рукахъ свирѣпый
 Разшоргнушь мяшежей спасишельны заклены:
 Твой разумъ шворческій къ инымъ шудамъ парипъ.
 Пусъ сладкимъ чшипъ покой роскошный Сибарипъ;—
 Онъ знаешь шолько сна и пресыщенья цѣну!
 Ты, искру Божества, въ душѣ швоей вожжену
 Постыдной лѣношью спрашишся угасипъ.
 Ни сердцу радостей не можешь находипъ
 Средь грубыхъ шы забавъ невѣжественной черни,
 Бывъ выше чувшвомъ ихъ! Ни съ нижней шы спупени
 На верхнюю преппи не напрягаешь силъ:
 Тебѣ смиренный швой, безвѣстный жребій миль.
 Не мысля покупаешь себѣ проныршвомъ чина;
 „Доволенъ“ говоришь—„я званьемъ гражданина!
 „Кшо шепенъ выше могъ заслугъ себѣ спяжать,
 „Сокровищъ чуждыхъ шопъ презрѣнный всѣми шать.
 „Незаслуженный чинъ, заемное сужденье,

„Подложная краса блеспишь одно мгновенье.
 „Все вышнее не мы! и свѣплая луна
 „Темнѣеть бывъ лучей заемныхъ лишена!
 „Достоинство заслугъ вельможу возвышаетъ ;
 „Но купленная честь позоромъ облекаетъ :
 „Едины подвиги насъ къ знатности ведутъ;
 „А къ счастью: кропкій духъ, миръ совѣсти и шрудъ!

Такъ, добрый гражданинъ! преидущъ хищенны чести,
 Погибнушь имена въ изплѣвшей хищныхъ персти:
 Но звучная молва носяся по градамъ
 Позднѣйшимъ передастъ съ хвалой тебя вѣкамъ.
 Потомство судя заслугамъ безприспращный!
 Его не увлекутъ собратій виды чашны:
 Единый даръ оно въ художникѣ цѣнишь.
 Ты смерть переживешь и будешь знаменитъ!
 Пусть зависъ почипъ ядъ,—невѣжество возспало:
 Орлу парящему змѣи неспрашно жало.
 Падушь зависники и жало ихъ умреть;
 Тебя рука пвоя въ потомствѣ соблюдетъ!
 Мужайся! не скорби отъ хлада современныхъ!
 Лешая, въ вымыслахъ изящнымъ воскреленныхъ
 Сугубо ты души восшоргомъ награжденъ!
 Отъ неба шокмо шопъ къ искусству вдохновець,
 Кого не успрашаешь ни трудность, ни преграды;
 Въ успѣхѣ за успѣхъ срѣпаетъ кпо награды,
 По торжищамъ свой даръ за лихву не воза;
 Едина мѣшою кѣмъ избрана спеза;

Кто даръ спяжавъ къ рѣзцу, палистры не желаетъ,
И въ славу вѣдашь все безумно не вмѣняешь.

Глупецъ всего вдругъ ждетъ отъ силы своей :
Онъ воинъ, онъ пѣишь, онъ химикъ, онъ судья,—
Художникъ, астрономъ, плясунъ и сиссемашикъ ;
Онъ все, — но онъ увѣ! блуждающій лунашикъ :
Безъ страха шеспивуешь,—безъ страха и падешь.

Излишнее къ себѣ довѣріе во вредъ,
И рядишь насъ въ шушы, или ведешь въ могилу.

Такъ, древлѣ, положась на мышцъ крѣпчайшихъ силу
Привыкшій въ поприщахъ вѣнцы побѣдъ срываешь,
Милонъ, персшами дубъ ласкаясь разодраешь,
Жизнь собственну принеся на жертву мнимой славѣ!
По дикой нѣкогда гуляя онъ дубравѣ
Чуть видимый ращель въ сполѣтнемъ дубѣ зреть,
Напрягши крѣпость мышцъ Милонъ къ нему лешить,
И руки въ лзвину влагая дерзновенны,
Какъ ошрокъ класы рвешь на нивѣ обретенны,
Мнишь древо раздѣлишь отъ корня до вершинъ.

Какъ связанный дѣшми вздремавшій исполинъ,
Смущенъ, бездѣйствуетъ въ минушу просыпленья
И будшо, въ плѣнъ идши гошовъ безъ прошивленья;
Но силы внушренней и крѣпости бывъ полнъ,
Съ рукъ сѣши отряхнувъ, спокойнымъ пребылъ онъ ;
Такъ дубъ усиліямъ аплета уступаая,
И дерзкаго рукамъ ходъ къ сердцу позволяя
Сжалъ съ ними лзвину и спалъ неколебимъ.

Гдѣ кисть, покорная желаніямъ моимъ!
 Кшо краски мнѣ подаспѣ неживы и ужасны,
 Да муки, вопли, спонъ и жалобы напрасны
 Милона изложу, казненнаго собой!

Два дни въ очахъ его махая смерть косой
 Лила свой въ жилы хладъ и жизнь для мукъ держала,
 Два дни борьбу его дубрава оглашала,
 И скалы вшорили замолкшій въ дебряхъ ревъ.
 Вошце, по молишъ онъ, по изрыгаетъ гнѣвъ:
 Никшо несчастному не подаеши опрады!
 Вкругъ спонъ его и чреслъ вѣясь несыпы гады
 Сосупъ изъ сердца кровь и множатъ лютоспѣ мукъ.
 И гады, жажда, гладъ; и боль спѣсненныхъ рукъ,
 И грудь надмѣнную перзающіе враны,
 И шрепешъ новыхъ золь по жиламъ разліянный
 Спрадальца наконецъ повергли въ вѣчный мракъ.

Такъ кончилъ жизнь Милонъ, иль могъ онъ кончипѣ
 пакъ!

О! краснорѣчіе, щедрошы даръ небесный!
 Удѣлъ неблещущій, смиренный, безъизвѣстный;
 Но сладоспавный душѣ, къ тебѣ зываю я!
 Какъ пощій рой спуспясь въ безплодныя поля,
 Алкаешъ вшпрѣпиши лугъ цвѣтами испещренный;
 Такъ духъ мой въ нѣмошѣ языка изпощенный
 Алкаешъ вшпрѣпитъ ся, съ побой диши небесъ!
 Впиеи въ мой слабый гласъ,—дай почностъ мнѣ словесъ:
 Хочу я счастье воспѣшь благой царицы!

А ты, объемлюще и села и сполицы,
 Безъ праты что горя, льешь не скудѣя свѣшъ,
 Младое образомъ, и вѣшкое онъ лѣшъ,
 Кошоро шешвуя изъ края въ край вселенны
 Читаешь смерпныхъ всѣ дѣянья сокровенны;
 Почто ты суждено бышь Солнце безъ успень!
 Возспавъ надъ сонмами грядущихъ ты племень,
 Почто имъ царскихъ дѣлъ повѣспововать безсильно!
 Сугубой пользою ты было бы обильно,
 Изъ рода въ родъ глася дѣянiя благихъ:
 Мы зримъ ихъ часъ; ты всѣ осiяваешь ихъ.
 Но нѣшъ! малѣишiя не снидушъ въ мракъ забвенны,—
 Всѣ пишущся они Правилемъ вселенны!

Кто мощiю великъ бывъ мощень и душой,
 Тотъ часто съ чернiю мѣшаяся проспой,
 Въ ней любишь проникать народныя напасти,
 Законы дремлющи, власпей зловредны спрасти,
 Державную шѣмъ длань къ правленiю крѣпяшъ:
 Для смерпныхъ низися, къ безсмершiю паряшъ.
 Кто свой спрежетъ прешполъ, сiдя на немъ безсходно,
 Тому невѣдомо злосчасiе народно!
 Какъ Майскiй ясный день красивъ царей черпогъ:
 Въ немъ рогъ обилiя лежишъ проспершъ у ногъ;
 И воздухъ зыблешся куреньемъ благовоинымъ,
 И очи всѣхъ вокругъ горяшъ весельемъ полнымъ.
 Подпоры трона шамъ всякъ часъ прешыщены;
 Ни съ гладомъ не ведушъ, ни съ мразами войны.
 Эшперпа спрунами гремя клавиръ согласныхъ,
 Глушишъ робѣющи вздыханiя несчастныхъ;

А смѣлые льстецы (гдѣ льстецъ не проползешъ?)
 Твердяшъ всегда царю въ коварственный привѣтъ:
 „Щедрою пвоей и милостью спокрашной,
 „Ихъ нѣтъ у насъ во всей державѣ благодашной!“—

Ихъ нѣтъ у насъ среди блестящей сей толпы;
 Но съ прона въ хижины направимъ къ нимъ споны!
 Такъ мыслила Она! и я, да не робѣю!
 Будь сердце пламенно цевницею моею!
 Не вымыслъ пѣшь хочу; но истинны одиѣ!

Во градѣ нѣкоемъ, на сѣверной спранѣ
 Угошворялся пиръ въ честь опрока прелестна,
 Что лѣпотою лица, съ красой души совмѣстна
 Былъ сходенъ Ангеламъ, спрегущимъ рая входъ.
 Ошвсюду радосный текъ сонмами народъ,
 Вездѣ торжественны блисшали украшенья,
 И Князю пышныя неслися приношенья.
 Царица шой спраны, машъ опрока сего
 Несла дары ему по склонносшямъ его:
 Она чшала ихъ, какъ будшо сквозъ кришала;
 Сама всѣ свойспва въ немъ садила и вращала
 Ушѣхамъ ли его не вѣдашь ей причинъ?
 На пажисяхъ своихъ, средъ жашвы и долинь,
 Даетъ велѣніе сосстроишь многи дома,
 Скупить сокровища Церерою несомы,
 Сосуды, кошницы, домашній нужный скопъ,
 И все изземлюще въ хозяйспивѣ ошъ забошъ.

Возникла свѣшла весь подъ острою сѣкирой.
 Какъ представляешь баснь Девкаліона съ Пиррой,
 Кошорые кремни бросая за хребты,
 Зряшъ вмѣсто ихъ дѣшей умильной красоты;
 Такъ взоръ Царицы сей, за словомъ обращенный
 Зришъ чисныя поля вдругъ спогнами смѣненны,
 Зришъ пасшва, жишницы, и сельску мирну сѣнь.

Насталъ торжественный, поoliko жданный день.
 Не шкани хитрыя ума замысловаца,
 Не дань художества, драгіе слишки злаца
 Въ даръ Князю юному монархія несетъ:
 Съ десницей праздною къ нему Она идетъ!
 Возсѣла купно съ нимъ въ блестящей колесницѣ,
 Въ весь правишъ новую даешъ приказъ возницѣ,
 И слишковъ краше даръ гошовишъ въ ней злапыхъ.
 Спава въ сонѣ сирыхъ тамъ, убогихъ, немощныхъ,
 Увѣчныхъ, спарцевъ, чадъ, вдовицъ и угнѣвленныхъ,
 Ея велѣніемъ опъсюду приглашенныхъ,
 Прибѣгшихъ, какъ спада на звонкій гласъ роговъ:
 „Вошъ, дѣши!“—говоришъ—„вамъ снѣдь, одежда, кровь;
 „Вошъ дома, пажини: владѣйте самовласно.
 „Да каждаго изъ васъ въ нашесловіе ненастно
 „Надежна сѣнь своя опъ буръ и грозъ щипишъ.
 „Владѣйте дѣши всемъ . . . но кропко, безъ обидъ!
 „Храните Божій спрахъ въ сердцахъ его достойныхъ.
 „Живя между собой, какъ домъ единокровныхъ,
 „Несише за одно другъ друга тягошы!“ —
 Тамъ къ Князю обращаь рекла ему: “а ты,

„О, юноша! учись напасши знать народа!
 „Спезя къ любви его намъ благоспѣ, не порода,
 „Се даръ, чю нѣжна мать въ сей день шебѣ блюла!
 „Блаженна, коль швое имъ сердце пошрясла!
 „Что злано хладное? чю перлы молчаливы?
 „Слеза упадшая въ восторгъ души счасливый
 „Цѣннѣ крупныхъ перлъ и пурпурныхъ хламидъ!
 „Да блеска дворскаго влекущій, свѣшлый видъ
 „Мой сынъ! очей швоихъ не опврашишъ опъ скорбныхъ!
 „Да съ первыхъ лѣпъ своихъ, невинныхъ и незлобныхъ
 „Познаешъ сладость ты дѣянiевъ благихъ!
 „Да средъ обилiя даровъ всегда земныхъ
 „Ты спаненъ вспоминашъ убогихъ недоспанки,
 „Имъ въ жерпѣву принесешъ пировъ ушѣхи крапки.“—

Какъ бездыханные, недвижимы, безъ словъ
 Владѣльцы новые, вновь спроенныхъ домовъ
 Сшояшъ незапношью восторга пораженны;
 Но шоки сладкихъ слезъ, щедрошой извлеченны
 Обратно наконецъ имъ дали слова даръ,
 И въ кликахъ излился признашельности жаръ.
 Воздѣвши къ Небесамъ шрепещущiя длани
 Мольбы,—единыя, по скуднымъ силамъ дани,
 Мольбы за нѣжную ихъ мать къ Творцу несущъ.
 „Проспри!“—въ единый гласъ на небо вопiютъ—
 „О Царь царей! руки швоей благословенъе
 „На Ней, на чадъ Ея, на дальне поколѣнъе!
 „За благо благомъ Ей спорицею воздай:
 „Да Горній и земный въ награду вкусишъ рай!

„Не дай симъ пламеннымъ слезамъ унасъ безплодно ,
 „И счастье къ Ней пролей за счастье народно“ —

Монархия дѣля воспорги чадъ своихъ,
 За угошванну ведешъ прапезу ихъ:
 Сажаетъ, чesпивуетъ, какъ братій угощаетъ;
 Вкушая съ ними снѣдъ ихъ счастье вкушаетъ.

Такъ празднованъ былъ пиръ, краснѣйшій изъ пировъ.
 Се поржесство, земныхъ достойное Боговъ!

ПОСЛАНІЕ КЪ ЛЕОНУ

І. ПОСЛАНИЕ къ ЛЕОНУ

Леонъ! не время ли, отброся призракъ лживый,
Соскуча спранспвіемъ склонишься подъ оливы!
Не время ль въ шерніяхъ пожаты лавры сняты,
И опочивъ на нихъ боль язвъ уврачевашь!
Годъ въ бѣгѣ не коснишь,—сечешь своей чредою!
Въ сей мигъ ты мнѣ внималъ: гдѣ мигъ сей?—за шобою!
Давно ли веселясь встрѣчалъ весны приходъ?
Се новая! спѣши!—и ты поглотишь годъ!
Къ восходу солнечну едва простеръ ты взоры:
Мы въ вечера теперь!—спопы у время скоры,
Не медляшь на пупи по приходамъ швоимъ,—
Ни дряхлость, ни болѣзнь не угрожають имъ.

Я зрѣла: юный Май носяся надъ Невою,
О свѣшло облако опершися рукою,
Фіалки, ландыши кидалъ къ ней на берега.
Стезей ему была семи цвѣшовъ дуга;
Рубины на вѣнцѣ, на крыліяхъ сапфиры;
За нимъ и передъ нимъ толпилися Зефиры,
Во срѣшенъе къ нему париль пернатыхъ полкъ,
Самъ шумный Аквилонъ смирился и умолкъ.

Въ вѣнокъ фіялки вишь желаньемъ я горѣла;
 Склоненная къ брегамъ едва уснушь успѣла:
 Проснулась,—и увы! фіялокъ болѣ нѣшь;
 Увяли ландыши, поблекъ ихъ снѣжный цвѣтъ.

Я зрѣла роскошью дышащи верпограды;
 Тамъ грозды сочныя, здѣсь рдѣючи гренады,
 Подъ пухомъ персики, душистые айвы;
 Согбенны опъ плодовъ древесныя главы;
 Но вдругъ раздалися Эола въ дебряхъ свисты,
 Завылъ Борей, сшелъ хладъ, легли шуманы мглисны,
 И алчущій Ноябрь, хватая съ древъ плоды,
 Клочками сыплеть снѣгъ съ кудрявыя брады.

Такъ все одно другимъ смѣняеши въ природѣ!
 Не ждетъ природа насъ въ своемъ поспѣшномъ ходѣ;
 Безъ лѣности и мы пойдемъ съ ней дружно въ рядъ.

Въ часъ будущій вперя мы свой несыпый взглядъ,
 На воздухъ дворцы блестящи созидаемъ;
 Но часъ сей будущій, навѣрноль нашъ?—не знаемъ!...
 Лишь тоны, въ копоромъ я дышу естъ почно мой.
 Какъ знашь тебѣ предѣлъ начертанный судьбой!
 Твой зоркій, оспрыи взоръ, взоръ смершнаго,—не болѣ!
 Ты села закупилъ, стяжалъ обширно поле;
 Но кшо съ него пожнепѣ?—Бышь можешь и не ты.
 Почто жъ себя крушишь за призракъ и мечшы?
 Леонъ! почно съ судьбой, какъ буйнымъ намъ сражаешься;
 Чшо не дано, — желашъ; дано, — не наслаждаешься?
 Какъ будто юность намъ въ подруги суждена!
 Нѣшь, нѣшь! и наша вѣкъ не спанеть цвѣсть весна!

И наша хладная зима не замедляетъ!
 Вѣжипъ осклабся,—какъ исполинъ шагаетъ;
 Едва у входа мы,—мчипъ быспро на закапъ;
 И въ очи, и въ успа свой вспрѣчнымъ дуепъ хладъ;
 Рвепъ розы съ ихъ ланипъ, даепъ хребты согнушы;
 На легкія стопы бросаетъ пѣжки пумы;
 Лишаетъ зрѣнія и пришупляетъ слухъ.

Вопще я оживипъ мой прежній силюсъ духъ!
 Не пошъ ужъ онъ чпо былъ! мысль, память, духъ сла-
 бѣюпъ;
 И черные, какъ вранъ, власы мои бѣлѣюпъ.

Леонъ! ты вѣдаешъ, законъ у время свой!
 Какъ фениксъ снова мы не разцвѣшемъ душой!
 Преспанемъ мудрствоватъ; почпо чуждашся счастья!
 Пока сіяепъ Фебъ, почпо дрожатъ ненастья!
 Есть скорби,—и преидушъ; есть радостъ,—улови!
 Самъ Богъ къ упѣхамъ въ насъ не осудилъ любви:
 Отворимъ сердце имъ, когда онѣ безгрѣшны!
 Богатство, слава, санъ, супъ жизни блага внѣшны,
 И истинныхъ душъ блаженствъ не принесушъ.
 Когда обиженнымъ явилъ ты правый судъ,
 Съ убогимъ раздѣлилъ прапезъ пвоихъ избышки,
 На выкупъ плѣннаго смѣнялъ мепяльных слипки,
 Далъ ложе спраннику, безкровому покой,
 Скорбяща облегчилъ совѣшомъ, иль слезой,—
 Ты въ бѣдноспи богатъ, и въ низкой долѣ славенъ!
 Числомъ черноговъ ты пуспъ Крезу и не равенъ:

Щишяпъ ли насъ они опъ горесей и бѣдъ!
 Вездѣ угрюмая проложишъ скука слѣдъ,
 Кошь ты въ душѣ опъ ней не сорудилъ ограды.
 Идешъ безъ робоспи въ огромны зданьемъ грады,
 Въ бесѣды пышныя, сквозъ рядъ стоящихъ слугъ,
 Сквозъ мраморны столпы, къ вельможамъ въ шѣсныи
 кругъ,

На ложа шпофныя, за вкусныя прапезы,
 И въ чаши сребрены роняешъ горьки слезы:
 Придверникъ швой опъ ней тебя не охранишъ!
 Собой довольными не злато насъ шворишъ:
 Мы въ выборѣ забавъ должны искашь сей шайны.
 Скупой съ сокровищми и скудный,—оба равны;
 Но кто ненасышимъ, шопъ скудень паче всѣхъ.
 Насъ къ счасшю ведешъ умѣренность умѣхъ:
 Веселье чистое ей Небомъ данна плаша.

Эрасшъ и Полидоръ два нѣгдѣ жили браша.
 Щедроты равныя съ Небесъ на нихъ шекли;
 Но разны склонности ихъ къ разному влекли.
 Безвѣспну Полидоръ избравъ смиренно долю,
 Счишалъ излишесство за шайную неволю.
 Какъ свѣшлый ручеекъ его капились дни,
 Средь скромныхъ сердца нуждъ, у разума въ шѣни.
 (Мы рѣже скрытыхъ благъ должны спрашипся прапы).
 Когдажъ порывы буръ и свѣша коловрапы
 Трясли свирѣпшвуя его укромный домъ;
 Любовь Лавини была ему щипомъ.
 Двѣ силы спавиль вдругъ прошиву онъ напасши,

И бремя раздѣля на равныя двѣ части,
 Не вѣдалъ тяжести носишь его одинъ:
 По скаламъ шествуя бышь думалъ средъ равнинъ.

Эрастъ, въ желаньяхъ съ нимъ и нравахъ, спольже разной,
 Гнушаясь пишины всегда единообразной,
 Запѣйливымъ умомъ возносился на луну.
 „Какъ можно“ — мыслилъ онъ — „знавъ родину одну;
 „Коснѣя здѣсь въ глуши разсудкомъ умудрился?
 „Разсудокъ нашъ прудомъ и опытомъ крѣпился.
 „Все въ мѣрѣ суета; всякъ рабъ своихъ спросей!
 „Топъ алчетъ золота; сей славы, иль чести.
 „Пойду за мудросью въ предѣлы отдаленны,
 „На Зороаспровъ гробъ, вѣками сокрушенный,
 „Среди священныхъ мховъ искашь ея знаменъ!,,
 Напрасно Полидоръ, разлукой сокрушенъ,
 Подъ дружескую сѣнь бѣгуща приглашаетъ:
 „Ищу премудрости“ — сей гордо отвѣчаетъ!
 „На гробъ мудреца постигнувъ суету,—
 „Тамъ прочны радости я шѣннымъ предпочту!,,

Дхнулъ пламенный Юль, разжегъ пески сыпучи;
 Бѣжитъ въ кусты овенъ; волкъ скачетъ въ лѣсъ дре-
 мучій,

Подъ хворостъ кольцами вѣсь ползутъ змѣи;
 Засѣлъ въ пещеру левъ; легли спада въ ручьи;
 Олени прядаютъ скалы подъ дики своды;
 Нагнувъ рога дробящъ въ жерло біючи воды;
 Конь ржеть,—несется въ сѣнь, копытомъ роя лугъ;

Орашай изнурясь прилегъ подъ праздный плугъ:
 Единый отдыху Эрастъ не предавался;
 За счастьемъ гонясь, отъ счастья уклонялся.
 Средь зноя, въ бурю, въ мразь, по сушѣ, по морямъ
 Лешипъ, кляня мечшы, къ избраннымъ вновъ мечшамъ.
 Два раза былъ въ плѣну; пять лѣтъ провелъ въ шемницѣ;
 На Зороаспровой не умудрясь гробницѣ
 Сперегъ, влачивши цѣнь, въ Аравіи коней;
 Извѣдалъ ужасы; близъ многихъ былъ смершей,
 И въ скорби пофѣвѣ, средь нужды безпокойной
 Прибылъ на родину въ дни старости преклонной.

Леонъ! въ предѣлахъ ли насъ чуждыхъ мудросъ
 ждесть?

Кто духомъ бодръ, шомъ къ ней вездѣ спезю найдешъ.
 Невнѣшностію швердъ! въ себѣ, въ поступкахъ вольный,
 Не станешъ вопрошашъ гробницы онъ безмолвны,
 Ни мхи безчувственны, ни хладный слѣнъ гранишъ;
 Что скажешъ прахъ кому? что скажешъ персѣ? .
 молчипъ.

Ты вѣдаешъ сіе,—шы мудръ, и за слѣпцами
 Не бродишь темными ко счастию пущами.
 Лешаща ль времени забытъ шы могъ законъ?
 Нашъ вѣкъ въ юдоли сей есѣ смущный, крашкѣй сонъ;
 Всякъ часъ видѣніе смѣняеишя видѣнъемъ;
 За благомъ скорбь идетъ, спокойштво за волненъемъ:
 Нѣтъ прочнаго ни въ чемъ!—прейдушъ и наши дни.
 Ты съ ушра странствуешъ,—се вечеръ,—отдохни.

II. ПОСЛАНИЕ КЪ ЛЕОНУ

Вчера съ тебѣ, Леонъ! къ забавамъ я склоняла;
Не слушайся меня!—живи, какъ жилъ сначала.
Увы! изъ вольныхъ мы, для прихошей своихъ,
Алая сихъ забавъ, рабами спали ихъ.
Въ опраду ль намъ онѣ, коль мѣры въ нихъ не знаемъ,
И радость самую излишествомъ приуменьшаемъ.
Б юсь и за тебѣ!—И ты, какъ человѣкъ, —
Съ пошока бысприной,—и ты, чѣмъ не ушекъ!
Нѣтъ, нѣтъ! носи ярмо, борись всегда съ собою;
Не будь поспыдною спрасшей своихъ игрою!
Мнѣ легче зрѣшь тебѣ согбеннаго прудомъ,
Чѣмъ бурныхъ склонносшей услужливымъ рабомъ.
Дай волю разъ спраснямъ: увидишь ихъ власнами;
Сулятъ тебѣ цвѣты;—но окують цвѣтами!
По сердцу сколь ни добръ,—запѣмъ добро въ тебѣ!
Радѣешь ближнему; работаешь... себѣ.
Какъ кедръ безлиственный ты будешь и безплодной!

Эльвира рождена съ душою благородной;
Добра, чувствительна, съ богатствомъ, съ красотой;
Блещетъ разумомъ и сердца правотой;
Соспращаетъ каждому, не вѣдая приговора.

Сирошку ли найдешь, бродяща безъ надзора ;
 Больнаго ль, бѣднаго, гонима, иль въ бѣдахъ, —
 Товарищъ имъ она во вздохахъ и слезахъ ;
 Товарищъ; но увы! безъ пользы и не прочной!
 Поттокомъ уносясь Эльвира моды мочной
 Влечешься противъ силъ за шумною толпой.
 Начнешь убогими; но кончишь шо   собой.

Однажды къ ней прибрелъ за помощью увѣчный.
 Эльвира съ горесшью живою и сердечной
 Внимаетъ пришлеца о бѣдности расказъ.
 Изъ полныхъ пламени Эльвиры доброй глазъ
 На свѣжее лице горячи слезы пали :
 Ея печаль его равняется печали.
 „Утѣшься, говоришь, не сѣшуй! я могу!“
 Но вдругъ нечаянно взоръ брося ко врагу ,
 Къ уборному сполу,—Эльвира вся смушилась,
 И къ щедрости душа невольно затворилась.
 Туть нужды собственны въ умѣ ея спеклись,
 И шо, и эшо ей купить пришло на мысль :
 Съ собою борется, не знаетъ какъ рѣшиться ;
 Копейка каждая ей нужной спановится.
 „Я послѣ“—думаешь—„могу его снабдить ;
 „Теперь же и рубля не въ силахъ ошдѣлить.
 „Годичное ему дала бы пропитанье ;
 „Но бытъ условилась я завтра на гулянье :
 „Всѣ въ новыхъ шляпкахъ тамъ,—уже ли я одна!
 „По истинѣ теперъ я въ деньгахъ такъ скудна;
 „А нуждамъ счешу нѣшъ,—и всѣ необходимы!

„Невольнѣ въ обществѣ мы нуждами шѣсними!
 „Охотнобъ отрелася пуспыхъ издержекъ я:
 „Всѣ спанушъ пальцами указывашъ меня.
 „И нынѣ, вопшъ на балъ къ Графинѣ общала“

Но чшожь? Эльвира шамъ весь вечеръ прозѣвала!
 Эльвира! хочешъ ли на балахъ не зѣвашъ?
 Ты рѣже, рѣже ихъ спарайся посѣщашъ.

Ахъ! балы ли одни насъ вводяшъ въ заблужденья!
 Вездѣ излишество еспѣ камень прешкновенья!
 Богатштва ль ищешъ кпо? все мало, что ни дай.
 За славой гонитсѣ ль? всякъ шѣсенъ къ звукамъ краѣ.
 Желаетъ ли чеспей? все мнишъ: опъ многихъ близко!
 Ужъ падаюшъ предъ нимъ: нѣшъ, кажешся,—не низко!
 Чпобъ бытъ умѣренну всего для насъ труднѣи;
 А для чегобъ не бытъ?—Большая жъ часть, людей
 Умѣренности той ей, ей лишь носяшъ маску.
 Хочу тебѣ, Леонъ, сказать въ забаву сказку.

Стоялъ въ рѣкѣ журавль, какъ будто часовой!
 (Свой голодъ упоишъ пришелъ онъ къ рѣчкѣ той.)
 Вдругъ видишъ въ лодочкѣ плывуща рыболова;
 Скрываешся въ камышъ,—прижался и ни слова.
 Въ близи не видывалъ людей онъ на рѣкѣ;
 Все ново для него и чудно въ рыбацѣ;
 За каждою того поступкой примѣчаетъ.
 Рыбакъ съ добычею на берегъ выступаетъ,
 Разсыпалъ по правѣ налимовъ, окуней,
 Ершей, лещей, язей и даже стерлядей;

Вережкой прикрѣпилъ ко сваямъ легку лодку;
 Попомъ ушелъ домой, паща свою находку.
 Приподнялся журавль. Туда, сюда онъ глядь!
 Видна ему въ водѣ вся журавлина спашь.
 На лодку глядя онъ опъ зависши препенещь:
 То къ ней, то на себя свирѣпы взоры мещь,
 И шею выпянувъ съ собою началъ самъ:
 „Плохая очень жизнь намъ бѣднымъ журавлямъ!
 „Людей ни въ чемъ, ни чѣмъ, нимало мы не хуже!
 „О двухъ ногахъ и мы,—имѣемъ важность ту же:
 „Походкой, поступью,—мы сходны всѣмъ на нихъ;
 „А кормъ у насъ труднѣй и хуже чѣмъ у нихъ!
 „Возможноль?—Я! не съѣмъ того въ годично время,
 „Чшо сей двуногой вдругъ схватилъ себѣ въ беремъ!
 „О! сколь несправедливъ ко мнѣ свирѣпый рокъ!“
 Тушь крылья приподнялъ, курлыкнулъ, въ лодку скокъ,
 И началъ надъ узломъ веревочнымъ шрудиться;
 Трудами до того умѣлъ попомъ добиться,
 Что лодку опвязавъ плывель гдѣ глубина,
 И жадно ловить рыбъ, лишь вынорнуть со дна.
 Но вдругъ въ зыбяхъ Эоль горой валы содвинулъ,—
 Вѣтръ дунуль въ журавля и съ лодкой опрокинулъ.

Пуснь понусть журавли опъ лишникъ прихотей;
 Лишь Боже упаси ихъ участи людей!

Но приходи ль однѣ насъ бѣдныхъ въ мѣръ мучашь!
 Успѣхъ къ нимъ приведешь; превращеніи опущашь;
 Къ несчастью мѣра намъ вездѣ шрудна равно,

И рѣдкимъ, рѣдкимъ въ ней познаніе дано !
 Топи каждый часъ во всемъ желаешь перемѣны ;
 Другой одно, да шожь заладишь вѣкъ безъ смѣны.

Мнѣ къ пѣнію данъ гласъ въ забаву для себя ;
 Я пѣніе свое безъ мѣры возлюбя ,
 Твержу о пѣсняхъ всѣмъ, усипалости не зная :
 Въ домахъ, по улицамъ, прохожихъ всѣхъ хватая ;
 Профессора, дѣчка, разнощика, солдашь,
 Подъячаго, попа,—кто радъ, и кто не радъ ,
 Кто въ силахъ разумѣнь,—и тѣхъ кому не въ силу
 Кричу: „читали ли мою вы Эврифилу?“—
 Тамъ дѣпи съ азбукой; а я ихъ похваля :
 „Учитесь! подарю вамъ Эврифилу я!“ —
 Увижуль съ сумкою бродящаго по свѣшу ;
 Тутъ вмѣсто, чтобы дать на хлѣбъ ему монету
 Умилно на ухо спую ему сонетъ.
 И въ церквахъ опъ меня пощады даже нѣтъ !
 Въ нихъ славятъ Господа, зовутъ къ Его закону ;
 А я молебникамъ въ стихахъ пивержу Дидону ,
 И дерзосно глушу Евангеліе симъ ;
 Хоть слушають, хоть нѣтъ, мой жаръ неугасимъ !
 Повѣрятъ ли тому?—На самомъ погребеніи
 Прочла я полное въ стихахъ мое пивореніе !
 Леонъ! въ ушѣхуль мнѣ такая пылка спрасъ ?
 На скуку ближнему; себѣ,—увы!—въ напасъ.

Но пише! не суди меня шы слишкомъ строга !
 По свѣшу таковыхъ, повѣрь, довольно много.

Одной ли только мнѣ извѣстенъ сей порокъ?
 Бышь можешь, что найду товарищей пѣшохъ.

Аминшову игру на люпнѣ я хвалила:
 И чтожь? хвалою сей бѣду себѣ купила.
 Проходу не даешь мнѣ люпнею Аминшъ!
 Едва проснусь: пришелъ,—ужь съ люпней, и звѣнишь.
 Бѣгу изъ дома вонъ,—иль двери на запоры;
 Дрожу, какъ будто бы средь дня нагрянуть воры.
 Такъ уши назвѣнѣлъ, что ночью, въ сладкій сонъ
 Вдругъ чудишься начнешь мнѣ колокольный звонъ.
 Уймешься ли когда шрубачъ неупомимый?

Какъ счастливъ ты, Леонъ! Каспальдами любимый,
 Для пользы и забавъ лишь спроя лирный гласъ!
 Въ швоемъ вѣлѣннѣи и Пимпла и Парнасъ;
 На зланныхъ ты брегахъ взлѣлѣянъ Ипокрены;
 Вкушалъ амврозію, нектаромъ упоенный;
 Но всѣхъ на Геликонъ неволей не щадишь:
 Гдѣ каспапи,—ты поешь; нексапи, — шамъ молчишь.

НАУКА О СТИХОТВОРСТВѢ.

Переводъ изъ Г. Вуало.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЙ ГОСУДАРЫНѢ

ИМПЕРАТРИЦѢ

ЕЛИСАВЕТѢ АЛЕКСѢЕВНѢ.

Всемилоствѣйшая Государыня!

Хотя наука Спихотворства не содержишь въ себѣ ничего, заслуживающаго особенное вниманіе земныхъ Владыкъ; но мудрость, безъ негодованія проспирала иногда руку опъ царшвеннаго кормила къ насажденію и сей опросли народнаго просвѣщенія. Августѣйшій Домъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА служишь сильнымъ тому доказательствомъ. Удостоите, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ! обратишь Милостивые взоры на сей мало-значущій мой прудъ, съ благоговѣніемъ Имени ВАШЕМУ посвящаемый, и въ скудости дара соблаговолите усмотрѣть безпредѣльность вѣрноподданнической моей благодарности за изліянныя ВАМИ на меня Милости.

Всемилоствѣйшая Государыня!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,

Всеподаннѣйшая

Дѣвица Анна Бунина.

НАУКА О СТИХОТВОРСТВѢ Г. БУАЛО.

П Ъ С Н Ь I.

Воище писашель мнишь, исполнясь дерзновеньемъ,
Парнасса высоты доспичь стихосложениемъ!
Коль слова даръ съ Небесъ въ него не вдохновень,
Когда онъ подъ звѣздой пѣштовъ не рождень;
Товъ скудномъ разумѣ, какъ плѣвникъ сжасть, неволенъ;
Пегасъ предъ нимъ сиропливъ, Фебъ глухъ и непре-
клоненъ.

О вы! что гибельнымъ пишая жаромъ грудь,
Стремишесь пробѣжать тернистый славы путь!
Надъ рюемами себя безплодно не помите,
10. И сшраснь слагать стихи способностью не чшите!
Упѣхи суешной бѣгите вы сѣшей:
Совѣшуйтесь съ умомъ и съ силою своей.

Природа славными обилуя умами,
Блещишь въ писателяхъ различными дарами:
Одинъ огонь любви съ пера умѣетъ липъ;
Другой Саширою насмѣшливо язвипъ.
Малгербъ хвалишь умѣлъ доспойный подвигъ славы;
Раканъ воспѣтъ лѣса, паспущескіе нравы.
Но часно гордый умъ себѣ ласкашь любя,

L'ART POÉTIQUE.

CHANT PREMIER.

C'est en vain qu'au Parnasse un téméraire auteur
Pense de l'art des vers atteindre la hauteur :
S'il ne sent point du ciel l'influence secrète,
Si son astre en naissant ne l'a formé poète,
Dans son génie étroit il est toujours captif ;
Pour lui Phébus est sourd, et Pégase est rétif.

O vous donc qui, brûlant d'une ardeur périlleuse,
Courez du bel esprit la carrière épineuse,
N'allez pas sur des vers sans fruit vous consumer,
10. Ni prendre pour génie un amour de rimer :
Craignez d'un vain plaisir les trompeuses amorces,
Et consultez long-temps votre esprit et vos forces.

La Nature, fertile en esprits excellents,
Sait entre les auteurs partager les talents :
L'un peut tracer en vers une amoureuse flamme ;
L'autre, d'un trait plaisant aiguïser l'épigramme :
Malherbe d'un héros peut vanter les exploits ;
Racan, chanter Philis, les bergers et les bois.
Mais souvent un esprit qui se flatte et qui s'aime,

20. Не знаешь силъ своихъ, ни самого себя!

Такъ нѣко на берегахъ величественной Сены,
 Спихами изчерпая домовъ пишейныхъ спѣны,
 Въ пущыни дикія безшрепешно попекъ, 2. *)
 Евреевъ воспѣвашъ славнѣйшій древлѣ бѣгъ,
 И воздухъ оглася неспройной лиры звономъ, 1.
 Погибъ въ пучинѣ водъ съ надмѣннымъ Фараономъ.

Высокой, иль смѣшной предметъ желаешь пѣшь,
 Смысль должно съ риемою въ согласіи имѣшь.

Хотя смущають насъ враждой они напрасной;

30. Но риема есть раба, и быть должна подвласной.

Коль находишь ее однажды ты привыкъ,—

Послушная тебѣ украситъ пвой языкъ; 1.

Коль не брежешь о ней,—въ мяшежъ вступишь готовъ:

Смысль гонится ей въ слѣдъ, чпобъ ею править снова.

Къ разсудку прилѣпись! заимствуй отъ него

Всю цѣну и весь блескъ шворенья своего.

Иной стремленіемъ безумнымъ увлеченной,

Бѣжишь за мыслию внѣ смысла порожденной,

Вмѣня въ чудовищныхъ спихахъ себѣ въ уронъ,

40. То думаешь, чпо другой, могъ вздумаешь, какъ и онъ.

Будь чуждъ излишества! пусть пѣ алмазы лживы

Даютъ въ Ишаліи дурачествъ блескъ игривый;

Все должно подчиняшь разсудку одному!

Но скользокъ и шяжелъ ведущій пушь къ нему!

Топчасъ упонешь ты, коль сбился хоть не много:

*) Цыфры сіи показывають перестановку, или сокращеніе спиховъ въ переводѣ прошиву подлинника.

20. Méconnoît son génie, et s'ignore soi-même :

Ainsi tel autrefois qu'on vit avec Faret
 Charbonner de ses vers les murs d'un cabaret ,
 S'en va, mal-à-propos, d'une voix insolente , 1.
 Chanter du peuple hébreu la fuite triomphante ,
 Et, poursuivant Moïse au travers des déserts, 2.
 Court avec Pharaon se noyer dans les mers.

Quelque sujet qu'on traite, ou plaisant, ou sublime,
 Que toujours le bon sens s'accorde avec la rime :
 L'un l'autre vainement ils semblent se hair;

50. La rime est une esclave, et ne doit qu'obéir.

Lorsqu'à la bien chercher d'abord on s'évertue ,
 L'esprit à la trouver aisément s'habitue ;
 Au joug de la raison sans peine elle fléchit , } 1.
 Et, loin de la gêner, la sert et l'enrichit. }
 Mais, lorsqu'on la néglige, elle devient rebelle;
 Et pour la rattraper le sens court après elle.
 Aimez donc la raison: que toujours vos écrits
 Empruntent d'elle seule et leur lustre et leur prix.

La plupart, emportés d'une fougue insensée,
 40. Toujours loin du droit sens vont chercher leur pensée ;
 Ils croiroient s'abaisser, dans leurs vers monstrueux,
 S'ils pensoient ce qu'un autre a pu penser comme eux.
 Evitons ces excès: laissons à l'Italie
 De tous ces faux brillants l'éclatante folie.
 Tout doit tendre au bon sens: mais pour y parvenir
 Le chemin est glissant et pénible à tenir ;
 Pour peu qu'on s'en écarte, aussitôt on se noie.

Умъ часто шесивуетъ одною лишь дорогой.

Иные въ свой разказъ всѣ мысли углубивъ,
Съ предмеша не сойдупъ всего не изшощивъ.

Находящъ ли дворецъ, топчась снимающъ планы:
50. „Тушь зала, тушь крыльцо, — тамъ спальня, тамъ
диваны;

„Вопъ здѣсь среди сполбовъ съ рѣшеткою балконъ, —

„Тамъ рѣзба разная видна со всѣхъ споронъ.“ —

Нашушъ попомъ щипашъ полы и пополоки,

Сквозь окна высоки, гардины какъ широки.

Я дванцашъ вдругъ листовъ переложу назадъ,

И чпобъ доспичъ конца, скорѣй бѣгу сквозь садъ.

Блудитесь сихъ шворцовъ безплоднаго обилья;

Въ пуспыхъ подробносняхъ не дѣлайте усилъя:

Все, въ чемъ излишекъ естъ, постыло, скучно намъ;

60. Имъ пресыщенный умъ его опвергнетъ самъ.

Незнаетъ кто границъ, — не Фебомъ шошъ внушаемъ!

Спрашась нерѣдко зла, мы въ большее впадаемъ!

Сначала спихъ былъ слабъ, — ему шы грубоспъ даль;

Желая крапкимъ бышъ, для всѣхъ я шемень спаль;

Одинъ не споль кудравъ, но Музу обнажаетъ;

Другой боится ползпъ, но въ шучахъ исчезаетъ.

Хопише ль приобрѣсть похвалъ всеобщій гласъ?

Разнообразише рѣчь, — мѣняйтесь каждый часъ.

Себѣ подобный слогъ, — одно и шоже пѣнье

70. Вопще блестящъ очамъ, онъ ввергнетъ въ усыпленъе.

Едва чишающъ ли писателя когда,

La raison pour marcher n'a souvent qu'une voie.

Un auteur quelquefois trop plein de son objet

50. Jamais sans l'épuiser n'abandonne un sujet.

S'il rencontre un palais, il m'en dépeint la face ;

Il me promène après de terrasse en terrasse ;

Ici s'offre un perron; là regne un corridor ;

Là ce balcon s'enferme en un balustre d'or.

Il compte des plafonds les ronds et les ovales ;

„Ce ne sont que festons, ce ne sont qu'astragales. „

Je saute vingt feuillets pour en trouver la fin ;

Et je me sauve à peine au travers du jardin.

Fuyez de ces auteurs l'abondance stérile ;

60. Et ne vous chargez point d'un détail inutile.

Tout ce qu'on dit de trop est fade et rebutant ;

L'esprit rassasié le rejette à l'instant.

Qui ne sait se borner ne sut jamais écrire.

Souvent la peur d'un mal nous conduit dans un pire :

Un vers étoit trop foible; et vous le rendez dur :

J'évite d'être long; et je deviens obscur :

L'un n'est point trop fardé; mais sa muse est trop nue :

L'autre a peur de ramper; il se perd dans la nue.

Voulez-vous du public mériter les amours?

70. Sans cesse en écrivant variez vos discours.

Un style trop égal et toujours uniforme

En vain brille à nos yeux, il faut qu'il nous endorme.

On lit peu ces auteurs, nés pour nous ennuyer ,

У коего одинъ стихирный спрой всегда.

Блаженъ, кто съ легкостью склонитъ умѣешь лиру,
Опъ шушки къ важному, опъ грозной брани къ миру!
Его швореніе угодно небесамъ,
И въ дорогой цѣнѣ на пользу продавцамъ.

О чемъ ни пишешь ты, не будь проспонароденъ:
Равно и слогъ простой бытъ долженъ благороденъ.
Съ безстыдствомъ шуповство уму на перекоръ,
80. Прельстило новостью и обмануло взоръ.

Вдругъ Муза языкомъ базарнымъ овладѣла,
И вольность приемавъ изпорглась изъ предѣла:
Явился Шинкаремъ и Аполлонъ погда,
Сей ядъ сперва обшекъ губернки города;
Опъ спряпчихъ и мещанъ вошелъ Князей въ собранье:
Вездѣ готовилось шумамъ рукоплесканье;
Для каждаго враля потчасъ нашелся чтець.
Но Дворъ, сей презрѣвъ слогъ, опомнясь наконецъ,
И легкою стиховъ наскуча остропою,

90. Въ ней разницу найдя съ невинной простопою,
Даль волю шуповству провинціи смѣшавъ.
Да не дерзнешъ сей слогъ шрудовъ твоихъ сквернить!
Пушь балагуръ лепишь блистанья въ шполъ народной:
Всегда съ пріятностью шуши ты благородной!

Равно спрашишеся гигантскихъ вы слѣдовъ,
Какъ нѣкто воспѣвалъ съ кровавыхъ береговъ:
„Убитыхъ, раненыхъ, стѣнящіе помосны!“

Qui toujours sur un ton semblent psalmodier.

Heureux qui, dans ses vers, sait d'une voix légère
Passer du grave au doux, du plaisant au sévère !
Son livre, aimé du ciel, et chéri des lecteurs,
Est souvent chez Barbin entouré d'acheteurs.

Quoi que vous écriviez, évitez la bassesse :

80. Le style le moins noble a pourtant sa noblesse.
Au mépris du bon sens, le burlesque effronté
Trompa les yeux d'abord, plut par sa nouveauté :
(On ne vit plus en vers que pointes triviales ;)
Le Parnasse parla le langage des haïlles :
La licence à rimer alors n'eut plus de frein ;
Apollon travesti devint un Tabarin.
Cette contagion infecta les provinces ,
Du clerc et du bourgeois passa jusques aux princes :
Le plus mauvais plaisant eut ses approbateurs ;
90. Et, jusqu'à d'Assouci tout trouva des lecteurs.
Mais de ce style enfin la cour désabusée
Dédaigna de ces vers l'extravagance aisée,
Distingua le naïf du plat et du bouffon ,
Et laissa la province admirer le Typhon.
Que ce style jamais ne souille votre ouvrage.
Imitons de Marot l'élégant badinage ,
Et laissons le burlesque aux plaisants du Pontneuf. 1.

Mais n'allez point aussi, sur les pas de Brébeuf,
Même en une Pharsale, entasser sur les rives
100. „De morts et de mourants cent montagnes plaintives.,,

Возьмите свой напѣвъ, съискусствомъ будьте просты;
Изящны съ скромностью, пріятны безъ зашѣй.

100. Чпо нравился, лишь по являйше для очей.
Имѣйше строгій слухъ въ размѣрѣ ударенья,
Чтобъ смыслъ оконча рѣчь и дѣлавъ пресѣченья,
Въ двѣ доли каждый стихъ для роздыха дѣлилъ.
Чтобъ гласныхъ не сливать, насъ попои же слухъ
училъ: 1

Есть благозвучныхъ словъ счастливое смѣшенье!

Противно грубыхъ буквъ въ стихѣ одномъ спеченье;
Хошябъ онъ ясенъ, числъ, глубокомысленъ былъ,—
Не нравился уму, коль ухо раздражилъ.

Когда во Франціи спознались съ Геликономъ,
110. Тогда лишь произволь всеобщимъ былъ закономъ,
И риѣма, на концѣ безъ правилъ взявшихъ словъ,
Щиталась красотою и мѣрою стиховъ.
Вильонъ одинъ умѣлъ въ сей вѣкъ непросвѣщенныхъ,
Искусство дикое распушавъ Бардовъ темныхъ.
Маршовъ острый умъ въ печенье малыхъ лѣвъ,
Баллады изобрелъ, сославилъ шріолетъ,
Условному Рондо подвергъ ошдыхновенью,
И новые слѣды открылъ къ стихосложению.
Ронзартъ идя за нимъ противной избралъ путь:
120. Всѣмъ правилъ, всѣхъ смѣшалъ, желалъ все повер-
нуть,
И долго, всякой разъ имѣлъ успѣхъ желанный.

Prenez mieux votre ton. Soyez simple avec art ,
 Sublime sans orgueil, agréable sans fard.

N'offrez rien au lecteur que ce qui peut lui plaire.
 Ayez pour la cadence une oreille sévère :

Que toujours dans vos vers le sens coupant les mots
 Suspende l'hémistiche, en marque le repos.

Gardez qu'une voyelle à courir trop hâtée }
 Ne soit d'une voyelle en son chemin heurtée. } 1.

Il est un heureux choix de mots harmonieux.

110. Fuyez des mauvais sons le concours odieux :

Le vers le mieux rempli, la plus noble pensée,
 Ne peut plaire à l'esprit quand l'oreille est blessée.

Durant les premiers ans du Parnasse François ,
 Le caprice tout seul faisoit toutes les lois.
 La rime, au bout des mots assemblés sans mesure,
 Tenoit lieu d'ornements, de nombre et de césure.
 Villon sut le premier, dans ces siècles grossiers,
 Débrouiller l'art confus de nos vieux romanciers.
 Marot bientôt après fit fleurir les ballades ,

120. Tourna des triolets, rima des mascarades ,

A des refrains réglés asservit les rondeaux,
 Et montra pour rimer des chemins tout nouveaux.
 Ronsard, qui le suivit, par une autre méthode,
 Régla tout, brouilla tout, fit un art à sa mode ,

Et toutefois long-temps eut un heureux destin.

Но Муза Гальская языкъ взявъ иноспранный,
 Въ педантескомъ жару, чрезъ оборотъ умовъ,
 Съ Латино-Греческихъ упала вскорѣ словъ.
 Кичливый сей пѣвецъ спольбыспрымъ низверженьемъ,
 Депорту и Верпо служилъ нравоученьемъ.

- И наконецъ Малгербъ далъ Франціи примѣръ,
 Въ чемъ шочный состоишь поэзіи размѣръ;
 Словъ силу ей открылъ прилично размѣщенныхъ
 130. И Музъ ввелъ истиннымъ законамъ подчиненныхъ.
 Пишомъ мудрымъ симъ исправленный языкъ
 Щадить разборчивый слухъ каждаго привыкъ.
 Онъ спіансамъ сообщилъ пріятность падашь строино,
 И мысль въ стихъ изъ стиха не прыгаетъ своевольно;
 Все му далъ правила,—и позднихъ лѣтъ пѣвцы
 Творенія его берутъ за образцы.
 Ему послѣдуйте! въ немъ чистоту любите,
 И въ оборотѣ словъ шужъ ясность соблюдайте.
 Коль вашихъ смыслъ стиховъ являясь мѣдлишь намъ,
 140. Ошывкивать его нашъ разумъ мѣдлишь самъ;
 И въ шучѣ словъ пусныхъ уставши пробиваться,
 Нейдетъ съ писателемъ, чшобъ съ нимъ непоператься.

Есть спранные умы; ихъ мысль, какъ бы сквозь сна,
 Иль облакомъ густымъ обвишая шемна.
 Лучами разума проникнуть къ ней не можно!
 Не бравшись за перо учиться мыслить должно.
 По мѣрѣ ясности въ пониманьи о вещахъ,
 Тажъ ясность самая блисшаетъ и въ рѣчахъ.

Mais sa muse, en françois parlant grec et latin ,
 Vit dans l'âge suivant, par un retour grotesque ,
 Tomber de ses grands mots le faste pédantesque.
 Ce poète orgueilleux, trébuché de si haut ,
 130. Rendit plus retenus Desportes et Bertaut.

Enfin Malherbe vint, et, le premier en France ,
 Fit sentir dans les vers une juste cadence ,
 D'un mot mis en sa place enseigna le pouvoir ,
 Et réduisit la muse aux regles du devoir.
 Par ce sage écrivain la langue réparée
 N'offrit plus rien de rude à l'oreille épurée.
 Les stances avec grace apprirent à tomber ,
 Et le vers sur le vers n'osa plus enjamber.
 Tout reconnut ses lois; et ce guide fidele
 140. Aux auteurs de ce temps sert encor de modele.
 Marchez donc sur ses pas; aimez sa pureté ,
 Et de son tour heureux imitez la clarté.
 Si le sens de vos vers tarde à se faire entendre ,
 Mon esprit aussitôt commence à se détendre ;
 Et, de vos vains discours prompt à se détacher ,
 Ne suit point un auteur qu'il faut toujours chercher.

Il est certains esprits dont les sombres pensées
 Sons d'un nuage épais toujours embarrassées ;
 Le jour de la raison ne le sauroit percer.
 150. Avant donc que d'écrire, apprenez à penser.
 Selon que notre idée est plus ou moins obscure ,
 L'expression la suit, ou moins nette, ou plus pure.

Тому, что понялъ самъ, найдешь и объясненья ,
 150. И рѣчи попытайся рѣкой безъ запрудненья.

Чтобъ строго въ числѣхъ всегда имѣя слогъ,
 Ты уважалъ языкъ и въ самый свой воспоргъ.
 Вообще музыкой мнишь прельстишь мое вниманье,
 Коль ложенъ оборотъ, нещочное названье.
 Мнѣ скученъ пышный вздоръ, сложенный на угадъ,
 Словъ соблвденныхъ въ спихъ чужеземельный складъ:
 Незнавъ языка свойспвъ, ись шворческимъ полешомъ,
 Писашель будешь ты всегда презренный свѣшомъ!

Кто бъ какъ ни понуждалъ, трудись коль время есть,
 160. И глупой спѣшности не ставь себѣ за честь.
 Твой быспрый виршей шокъ порывистымъ паденьемъ
 Мнѣ кажется, что въ враждѣ ты съ здоровымъ
 разсужденьемъ.

Я болѣе люблю сей маленькой ручей ,
 Который тихою, прозрачною спурею
 По мѣлкому песку капишь журчащи воды ,
 Чѣмъ быспрый водопадъ, который въ непогоды
 Сшремяся шумно съ горъ все рветъ, все мчишь,
 крушитъ ,

И мушною волной по рышвишамъ бѣжишь.
 Спѣшишь медленно и бодрости не прашьше!

170. Сто разъ одни спихи прочишишь и исправьше ;
 Потомъ спарайшеся ихъ снова вычищатьъ,
 Прибавишь изрѣдка , но чаще убавлять.

Нѣшь славы, гдѣ кишашъ погрѣшности лиспами.

Ce que l'on conçoit bien s'énonce clairement,
Et les mots pour le dire arrivent aisément.

Sur-tout qu'en vos écrits la langue révérée
Dans vos plus grands excès vous soit toujours sacrée.
En vain vous me frappez d'un son mélodieux ,
Si le terme est impropre, ou le tour vicieux :
Mon esprit n'admet point un pompeux barbarisme,
160. Ni d'un vers ampoulé l'orgueilleux solécisme.
Sans la langue, en un mot, l'auteur le plus divin
Est toujours, quoi qu'il fasse, un méchant écrivain.

Travaillez à loisir, quelque ordre qui vous presse,
Et ne vous piquez point d'une folle vitesse :
Un style si rapide, et qui court en rimant,
Marque moins trop d'esprit, que peu de jugement.

J'aime mieux un ruisseau qui, sur la molle arene ,
Dans un pré plein de fleurs lentement se promene,

Qu'un torrent débordé qui, d'un cours orageux ,
170. Roule, plein de gravier, sur un terrain fangeux.

Hâtez-vous lentement; et, sans perdre courage ,
Vingt fois sur le métier remettez votre ouvrage :
Polissez-le sans cesse et le repolissez;
Ajoutez quelquefois, et souvent effacez.

C'est peu qu'en un ouvrage où les fautes fourmillent
Часть. II

Подъ часъ сверкнушь умомъ, разсѣяннымъ мѣсрами.
 Всѣ вещи вы должны по свойствамъ размѣсривъ,
 Съ серединой и съ концемъ начало согласить.
 Чтѣмъ разны отрасли обширнаго шворенья
 Входили въ цѣлое, какъ часпи въ соспавленье,
 Чтѣмъ цѣли уклонясь и руша связи нить,
 180. Вдали не бѣгали словъ громкихъ вы ловить.

Спрашуете ли бытъ въспихахъ своихъ судимы?
 Вы будите сами къ нимъ всегда неумолимы;
 Во всемъ себѣ ласкаете спрасъ однихъ невѣждъ.
 Дурачество всегда исполнено надеждъ.

Вѣрятьшеся друзьямъ гошовымъ на сужденья,
 Пусть васъ они цѣнятъ, не зная снизхожденья;
 Умѣйте снесъ въ себѣ пища побѣждать,
 Но также и льстеца онъ друга опличаетъ:
 Тотъ часъ хвалишь вслухъ, кто шушитъ пайномами,
 190. Прельцайтесь болѣе совѣтомъ, не хвалами.

На каждой льстецъ спрокъ находить тѣмъ красотъ,
 Все нравилося ему: связь словъ, ихъ оборотъ,
 То счастьемъ упоенъ, то слезы проливаетъ,
 Въ восторгъ прелеща васъ лаврами вѣнчаетъ
 И въ будущихъ вѣкахъ гремитъ о васъ молвой:
 У скромной истины языкъ совѣтъ иной.

Разумный другъ всегда и строгъ и непреклоненъ;
 Едва сошли съ стези, онъ потчасъ неспокоенъ,—
 Одной погрѣшности не хочеть вамъ спустить,

Des traits d'esprit semés de temps en temps pétillent:
 Il faut que chaque chose y soit mise en son lieu;
 Que le début, la fin, répondent au milieu;
 Que d'un art délicat les pièces assorties
 180. N'y forment qu'un seul tout de diverses parties;
 Que jamais du sujet le discours s'écartant
 N'aille chercher trop loin quelque mot éclatant.

Craignez-vous pour vos vers la censure publique ?
 Soyez-vous à vous-même un sévère critique:
 L'ignorance toujours est prête à s'admirer.

Faites-vous des amis prompts à vous censurer;
 Qu'ils soient de vos écrits les confidents sincères, }
 Et de tous vos défauts les zélés adversaires : } 1.
 Dépouillez devant eux l'arrogance d'auteur.

190. Mais sachez de l'ami discerner le flatteur :
 Tel vous semble applaudir, qui vous raille et vous joue.
 Aimez qu'on vous conseille, et non pas qu'on vous loue.

Un flatteur aussitôt cherche à se récrier :
 Chaque vers qu'il entend le fait extasier.
 Tout est charmant, divin; aucun mot ne le blesse :
 Il trépigne de joie, il pleure de tendresse :
 Il vous comble par-tout d'éloges fastueux.
 La vérité n'a point cet air impétueux.

Un sage ami, toujours rigoureux, inflexible ,
 200. Sur vos fautes jamais ne vous laisse paisible :
 Il ne pardonne point les endroits négligés ;

200. На каждой малости гофовъ остановить :

То рѣчи по мѣстамъ приличнымъ разсавляетъ ;
 То пышныя слова чернить и выгоняетъ ;
 Тамъ кажется ему мысль главная темна ;
 Тамъ слогъ шарохованъ, завязка не одна ;
 А далѣй стихи нашелъ иль вялымъ, иль небрежнымъ.
 Но будучи къ себѣ писатель часто нѣжнымъ ,
 Всегда и каждую рѣчь съ горячностью любя,
 Беретъ обиженныхъ защиту на себя.

„Возможно ли кричить, — и это выражение

210. „Вамъ низкимъ кажется? Какое заблужденіе! —“

Здѣсь слово холодно, не лучше ли опіянъ?

„Напротивъ — въ немъ весь даръ согласіемъ плѣняшъ.“

Вотъ эти бы мѣста. ... Всѣ ахають надъ ними.“

Итакъ прельсися самъ способностями своими,

Ни въ чемъ себя никакъ не можетъ осуждать ,

Любимый навѣкъ въ немъ: ни слова не марасть.

А ищетъ быть судимъ судьей безприспираснымъ,

И съ лирою своей вамъ хочетъ быть подвласнымъ.

Но всѣ его слова, привѣтствіе и лесть,

220. Сунъ хипрыя силки, чѣмъ вамъ стихи прочесть:

Пошомъ разкланявшись лицомъ самодовольнымъ ,

Бѣжилъ ихъ повторять глупцамъ себѣ подобнымъ,

Копируютъ, по грѣхамъ, вездѣ, всегда не нѣтъ!

Не менѣе шеперь врагами полонъ свѣтъ ,

Какъ и ласкались имъ подлыми обилень:

Не только въ городкахъ, ихъ голосъ также силенъ,

У Графовъ, у Князей, и даже у Дворовъ.

Песнописный дворецъ безмысленныхъ стиховъ,

Il renvoie en leur lieu les vers mal arrangés;
 Il réprime des mots l'ambitieuse emphase ;
 Ici les sens le choque, et plus loin c'est la phrase :
 Votre construction semble un peu s'obscurcir :
 Ce terme est équivoque; il le faut éclaircir.
 C'est ainsi que vous parle un ami véritable.
 Mais souvent sur ses vers un auteur intraitable

A les protéger tous se croit intéressé ,
 210. Et d'abord prend en main le droit de l'offensé.
 De ce vers, direz-vous, l'expression est basse.
 Ah! monsieur, pour ce vers je vous demande grace ,
 Répondra-t-il d'abord. Ce mot me semble froid ;
 Je le retrancherois. C'est le plus bel endroit !
 Ce tour ne me plaît pas. Tout le monde l'admire !
 Ainsi toujours constant à ne se point dédire ,
 Qu'un mot dans son ouvrage ait paru vous blesser,
 C'est un titre chez lui pour ne point l'effacer.
 Cependant, à l'entendre, il chérit la critique :

220. Vous avez sur ses vers un pouvoir despotique.
 Mais tout ce beau discours dont il vient vous flatter
 N'est rien qu'un piège adroit pour vous les réciter.
 Aussitôt il vous quitte; et, content de sa muse,
 S'en va chercher ailleurs quelque fat qu'il abuse :
 Car souvent il en trouve. Ainsi qu'en sots auteurs ,

Notre siècle est fertile en sots admirateurs ;
 Et, sans ceux que fournit la ville et la province ,
 Il en est chez le duc, il en est chez le prince.
 L'ouvrage le plus plat a, chez les courtisans,

Имѣя въ каждый вѣкъ защитниковъ упорныхъ,
230. Поддерживаемъ былъ полною лицъ придворныхъ.
Чшобъ кончить наконецъ Саширою я могъ,
Глупѣйшій опъ глупца легко придетъ въ возшоргъ!

---

230. De tout temps rencontré de zélés partisans;
Et, pour finir enfin par un trait de satire,
Un sot trouve toujours un plus sot qui l'admire.

П'ѢСНЬ II.

Какъ дѣва сельская для праздничнаго дня
Алмазачи себѣ главы не бременя,
И златомъ блеска ихъ еще не множа болѣ,
Нарядный свой уборъ срываешь въ ближнемъ полѣ;
Пріятна образомъ, — но въ слогѣ такъ скромна,
Безъ пышности блистаешь Идилія должна.
Въ ней дѣтска простоша кичливости не знаешь,
Надушымъ гордостью спихомъ пренебрегаешь.
Пусть сладостью своей ласкаешь, нѣжишь духъ,
10. Словами громкими не ужасая слухъ.

Но вышедъ изъ себя риемачъ, въ семь часто слогъ,
Везумно величавъ на зло самой Эклогъ, } 1.
Вросая вдругъ свирель бѣеиъ громко въ барабанъ. }
Чтобъ не слыхашъ его въ просшникъ уходитъ Панъ,
И Нимфы подъ водой скрываются оиъ спрахъ.

Напрошивъ низокъ сей,—челомъ касаясь праха 1.
Влагаешь паспущкамъ кресстьянску рѣчь въ уша:
Чужда ему краса и слога чистоша! 2.

CHANT SECOND.

Telle qu'une bergère, au plus beau jour de fête,
De superbes rubis ne charge point sa tête,
Et, sans mêler à l'or l'éclat des diamants,
Cueille en un champ voisin ses plus beaux ornements;
Telle, aimable en son air, mais humble dans son style,
Doit éclater sans pompe une élégante Idylle.
Son tour simple et naïf n'a rien de fastueux,
Et n'aime point l'orgueil d'un vers présomptueux.
Il faut que sa douceur flatte, chatouille, éveille,
10. Et jamais de grands mots n'épouvante l'oreille.

Mais souvent dans ce style un rimeur aux abois
Jette la, de dépit, la flûte et le hautbois;
Et, follement pompeux, dans sa verve indiscrete, } 1.
Au milieu d'une Eglogue entonne la trompette.
De peur de l'écouter Pan fuit dans les roseaux;
Et les Nymphes, d'effroi, se cachent sous les eaux.

Au contraire cet autre, abject en son langage, 1.
Fait parler ses bergers comme on parle au village.
Ses vers plats et grossiers, dépouillés d'agrément, 2.
20. Toujours baisent la terre, et rampent tristement: 1.

Подобно такъ, Ронзаръ, на дудкахъ деревенскихъ
 20. Жужжать не преспаешь своихъ Идилій жесткихъ,
 И превращать,—не лѣспя ни уху, ни уму
 Ирису въ Феклушку, и Тирсиса въ Фому.

Среди сихъ крайностей шропа едва пробита.
 Въ примѣръ Virgilіа бери и Θεοκριτα.
 Ихъ пѣсни нѣжныя, внушеніе Музъ самихъ,
 И день и ночь изъ рукъ не выпускай своихъ.
 Они шебѣ внушаютъ искусствомъ образцовымъ,
 Какъ просшу быть не бывъ ни подлымъ, ни суровымъ;
 Какъ Флору пѣшь, поля, журчанье ручейковъ,
 30. На брань свирельную возжечь двухъ паспушковъ;
 Какъ сладкій ядъ любви превозносишь хвалою,
 Нарциса пѣшь въ цвѣткѣ, иль Дафну подъ корою,
 И шайною какой видъ рощей и полей
 Эклога дѣлаешь достойными Царей:
 Вотъ въ чемъ заключены краса ея и сила!

Важнѣе нѣсколько Елегія уныла,
 Вступаешь, черною повиза пеленой,
 Власы разбросаны надъ урной гробовой,
 Стѣнная, — но храня печальное смиренье. } I.

40. Въ усахъ ея воспоргъ, надежда, сокрушеніе:
 Вдругъ шаешь и горюшь, любовію полна;
 То гнѣвъ, шо ласка ей къ прельщенію нужна. } I.
 Но чтобы выразить въ ней спроси столь премѣнны,
 Пѣшомъ мало бышь,—бышь надобно влюбленнымъ.

On diroit que Ronsard, sur ses pipeaux rustiques,
 Vient encor fredonner ses idylles gothiques,
 Et changer, sans respect de l'oreille et du son,
 Lycidas en Pierrot, et Philis en Toinon.

Entre ces deux excès la route est difficile.

Suivez, pour la trouver, Théocrite et Virgile :

Que leurs tendres écrits, par les Graces dictés,

Ne quittent point vos mains, jour et nuit feuilletés.

Seuls, dans leurs doctes vers, ils pourront vous apprendre

30. Par quel art sans bassesse un auteur peut descendre ;

Chanter Flore, les champs, Pomone, les vergers ;

Au combat de la flûte animer deux bergers ;

Des plaisirs de l'amour vanter la douce amorce ;

Changer Narcisse en fleur, couvrir Daphné d'écorce

Et par quel art encor l'Eglogue quelquefois

Rend dignes d'un consul la campagne et les bois.

Telle est de ce poëme et la force et la grace.

D'un ton un peu plus haut, mais pourtant sans audace,)

La plaintive Elégie, en longs habits de deuil, } 1.

40. Sait, les cheveux épars, gémir sur un cercueil.

Elle peint des amants la joie et la tristesse ;

Flatte, menace, irrite, apaise une maîtresse. 2.

Mais, pour bien exprimer ces caprices heureux,

C'est peu d'être poëte, il faut être amoureux.

Несносенъ мнѣ пѣвецъ, кто нудитъ Піеридъ,
 О жарѣ пѣшь души, которымъ не горишь;
 Кноправильно грустишь,—безумствуешь приспойно,
 Влюбленъ лишь для спиха, и испуленъ покойно.
 Воспорги всѣ его наборъ ненужныхъ словъ!

50. Онъ только бременемъ стягиваешь себя оковъ;
 Благословляешь скорбь,—неволю обожаешь,
 И чувство съ разумомъ opinionю не соглашается.
 О! сколь былъ древнихъ гласъ опличенъ для меня,
 Тогда, какъ нѣжнаго Тибула воспаменя
 Любовь въ уста его урокъ влагала сладкой,
 Или Овидію внушала пѣснь украдкой:
 Лишь сердце говорить въ Елегии должно!

Слогъ Оды громокъ, быстръ; но полонъ силъ равно.
 Паряща къ небесамъ беспрашными крылами,
 60. Пріавъ языкъ боговъ бесѣдуетъ съ богами;
 Въ ошверзшомъ поприщѣ на циркъ ведетъ борцовъ;
 Вѣнчаетъ випязя во мзду его трудовъ;
 Дымящся кровію зрѣтъ Фпійскаго владыку;
 Склоняетъ Шельды шокъ подъ иго Людовику.
 Иль, вдругъ, какъ бы пчела, рѣвнивая къ трудамъ,
 Сбираетъ дань цвѣтшвъ по злчнымъ берегамъ;
 Рисуетъ пиршества и рѣзвосты премѣнны;
 Возноситъ поцѣлуй съ успѣмъ Дафны похищенный,
 Небрежно что себя спараясь защищать,
 70. Лишь споришь для того, чѣмъ въ спорѣ проиграть.
 Слогъ оды иногда порывистъ и не гладокъ;
 Въ ней верхъ искуства есть прекрасный безпорядокъ.

Je hais ces vains auteurs dont la muse forcée,
M'entretient de ses feux, toujours froide et glacée ;
Qui s'affligent par art, et, fous de sens rassis,
S'érigent, pour rimer, en amoureux transis.

Leurs transports les plus doux ne sont que phrases vaines :

50. Ils ne savent jamais que se charger de chaînes ,
Que bénir leur martyre, adorer leur prison,
Et faire quereller le sens et la raison.
Ce n'étoit pas jadis sur ce ton ridicule
Qu'Amour dictoit les vers que soupairoit Tibulle ,
Ou que, du tendre Ovide animant les doux sons,
Il donnoit de son art les charmantes leçons.
Il faut que le coeur seul parle dans l'Elégie.

L'Ode, avec plus d'éclat, et non moins d'énergie ,
Elevant jusqu'au ciel son vol ambitieux ,

60. Entretient dans ses vers commerce avec les dieux.
Aux athletes dans Pise elle ouvre la barriere,
Chante un vainqueur poudreux au bout de la carriere,
Mene Achilles sanglant aux bords du Simois ,
Ou fait fléchir l'Escaut sous le joug de Louïs.
Tantôt, comme une abeille ardente à son ouvrage,
Elle s'en va de fleurs dépouiller le rivage ,
Elle peint les festins, les danses, et les ris;
Vante un baiser cueilli sur les levres d'Iris,
Qui mollement résiste, et, par un doux caprice,
70. Quelquefois le refuse, afin qu'on le ravisse.
Son style impétueux souvent marche au hasard:
Chez elle un beau désordre est un effet de l'art.

Робѣющій рѣмачъ съ медлительнымъ умомъ ,
 И въ гнѣвѣ говоришь учебнымъ языкомъ.
 Героя ль подвиги блестящи воспѣваешь ,
 Онъ сухъ какъ лѣтопись,—лишь числа подбираешь!
 Не смѣешь ни на мигъ предмета потерять :
 „Чтобъ городъ осадишь, нужна воинска рать!“ —
 И почный стихъ его, какъ самая осада,
 80. Вдругъ вмѣстѣ падаетъ съ спѣною полисада.
 Фебъ искры пламенной въ его не бросилъ слогъ!

Однажды, говоряшь, сей своенравный богъ ,
 Мученье рѣмачей имѣющій въ предметѣ ,
 Всю строгость изпощилъ законовъ на Сонетѣ.
 Чѣмъ однородныхъ два четверостишія тамъ,
 Въ двухъ рѣмахъ восемь разъ являлися очамъ;
 Чѣмъ шесть попомъ стиховъ, по правиламъ согла-
 снымъ
 На два приписиія дѣлились смысломъ яснымъ.
 Онъ вольность изъ него особенно изгналъ ,
 90. Изчислилъ стопы самъ и мѣру предписалъ;
 Спрожайше запретилъ вводитьъ въ его сложенъе,
 Равно иль слабый стихъ, иль слова повторенье:
 Снабдилъ всѣ части въ немъ обиліемъ красотъ.
 Столь правильный сонетъ не легче длинныхъ одъ.
 Но щедно тысячи доспичъ къ нему въ надеждѣ!
 Понинѣ Фениксъ сей не вѣдомъ, какъ и прежде.
 Едва ли у проихъ, спяжавшихъ лирой чesть
 На тысячу дурныхъ два при хорошихъ есть ;
 Другіежъ Пелестъ творенью равносильны

Loin ces rimeurs craintifs dont l'esprit flegmatique
 Garde dans ses fureurs un ordre didactique ;
 Qui, chantant d'un héros les progrès éclatants,
 Maigres historiens, suivront l'ordre des temps.
 Ils n'osent un moment perdre un sujet de vue :
 Pour prendre Dole, il faut que Lille soit rendue ;
 Et que leur vers exact, ainsi que Mézeray,
 80. Ait fait déjà tomber les remparts de Courtray.
 Apollon de son feu leur fut toujours avare.

On dit, à ce propos, qu'un jour ce dieu bizarre ,
 Voulant pousser à bout tous les rimeurs françois ,
 Inventa du sonnet les rigoureuses lois ;
 Voulut qu'en deux quatrains de mesure pareille
 La rime avec deux sons frappât huit fois l'oreille ;
 Et qu'ensuite six vers artistement rangés

Fussent en deux tercets par le sens partagés.
 Sur-tout de ce poëme il bannit la licence :
 90. Lui-même en mesura le nombre et la cadence ;
 Défendit qu'un vers foible y pût jamais entrer,
 Ni qu'un mot déjà mis osât s'y remontrer.
 Du reste il l'enrichit d'une beauté suprême :
 Un Sonnet sans défaut vaut seul un long poëme.
 Mais en vain mille auteurs y pensent arriver ;
 Et cet heureux phénix est encore à trouver.
 A peine dans Gombaut, Mainard et Malleville,
 En peut-on admirer deux ou trois entre mille :
 Le reste, aussi peu lu que ceux de Pelletier ,

100. Изъ книжныхъ лавочекъ прыгнули въ москолпильны.
 Чшобъ мысли заключить въ предѣлахъ даннѣхъ намъ
 Размѣръ всегда иль малъ, иль длиненъ по спонамъ.

Въ свой Эпиграмма рядъ смѣла, но сокращенна,
 Есть часто оспропта въ двѣ риѣмы облеченна,
 Сія запѣйливостъ въ начальны времена
 Была во Францію изъ Рима призвана.
 Невѣжды ослѣпясь пріишностью поддѣльной
 На новостъ бросились шолпою безпредѣльной,
 И сошни оспрыхъ словъ, родяся каждый часъ }
 110. Средь плесковъ и похвалъ лепѣли на Парнасъ. }^{1.}
 Явился Мадригалъ по вкусу ихъ одѣшый;
 Погразли шотчасъ въ нихъ надмѣнные сонеты;
 Трагедія брала и жаръ и силу съ нихъ;
 Елегія красу упрямыхъ слезъ своихъ.
 Спѣшилъ облечься въ нихъ герой на рашномъ полѣ;
 Вдыхашъ безъ оспрыхъ словъ не смѣлъ любовникъ
 болѣ.

Всѣ стали паспушки по новому ропшашъ,
 И болѣ оспрошу, чѣмъ милыхъ обожащъ.
 Два лика всякой разъ одно имѣя слово,
 120. И въ прозѣ, какъ въ стихахъ являлося гошовой.
 Въ палатѣ спряпчій самъ кудрявилъ ея слогъ,
 И проповѣди попъ безъ ней сказать не могъ.

Но умъ обиженный вспрынулъ ошъ усыпленья,
 Изгнавъ сей блескъ пусшой изъ важнаго пворенья,

100. N'a fait de chez Sercy qu'un saut chez l'épicier.
 Pour enfermer son sens dans la borne prescrite
 La mesure est toujours trop longue ou trop petite.

L'Epigramme, plus libre en son tour plus borné,
 N'est souvent qu'un bon mot de deux rimes orné.
 Jadis de nos auteurs les pointes ignorées
 Furent de l'Italie en nos vers attirées.
 Le vulgaire, ébloui de leur faux agrément,
 A ce nouvel appât courut avidement.

La faveur du public excitant leur audace , }
 110. Leur nombre impétueux inonda le Parnasse : } 1.
 Le Madrigal d'abord en fut enveloppé;
 Le Sonnet orgueilleux lui-même en fut frappé;
 La Tragédie en fit ses plus cheres délices;
 L'Elégie en orna ses douloureux caprices;
 Un héros sur la scene eut soin de s'en parer ,
 Et sans pointe un amant n'osa plus soupirer;

On vit tous les bergers, dans leurs plaintes nouvelles,
 Fideles à la pointe encor plus qu'à leurs belles;
 Chaque mot eut toujours deux visages divers :
 120. La prose la reçut aussi-bien que les vers;
 L'avocat au palais en hérissa son style,
 Et le docteur en chaire en sema l'évangile.

La raison outragée enfin ouvrit les yeux ,
 La chassa pour jamais des discours sérieux;
 Часть II

Во всѣхъ своихъ трудахъ равно поспыднымъ счель,
 Лишь Эпиграммѣ далъ изъ жалосши въ удѣль,—
 Но съ шѣмъ чѣшбъ шонкосш въ ней блиспая всю-
 ду кспашѣ,

Не словъ была игрой, но мыслями богатѣй.

Пресѣкса письменный и съ нимъ изуспный вздоръ;
 130. Однако у двора онъ вкрался въ разговоръ
 Тупыхъ забавниковъ, шушовъ спаринна вѣку,
 Кшпоры словъ игру берутъ въ свою опеку.
 Пріятно иногда, чѣшбъ тонкій Музъ языкъ,
 Словами съ легкосшью рѣзвившся пріобыкъ,
 Незаппный оборотъ, давъ мысли обоудной.
 Но бойся пресѣупинш черпу средины трудной!
 Безплодной оспропы не спавъ на край спихамъ,
 Желая завосприпш смыслъ плоскихъ Эпиграмъ.

Всѣ роды собшвеннымъ обилують искусствомъ.
 140. Опъ Галловъ произшедъ Рсндо невинно чувствомъ.
 Баллада въ правилахъ спаринныхъ бывъ шверда,
 Заимспивуетъ свой блескъ опъ риемы иногда.
 Простѣ Мадригаль,—онъ въсвойсшвѣ благородень,
 Весь дышетъ крошосшью, къ любви нѣжнѣйшей сро-
 день.

Сшрасшъ высшавиш себя, а не язвиш другихъ
 Одѣла испину Саширы въ колкій спихъ.
 Луцилій основаш дерзнулъ ее всѣхъ прежде;
 За доблесш робкую богашому невѣждѣ, 2.
 И плушу конному за пѣшихъ чесш опмстилъ, 3.

Et, dans tous ces écrits la déclarant infâme,
 Par grace lui laissa l'entrée en l'Epigramme,
 Pourvu que sa finesse, éclatant à propos,

Roulât sur la pensée, et non pas sur les mots.
 Ainsi de toutes parts les désordres cessèrent.

130. Toutefois à la cour les turlupins restèrent,
 Insuperbes plaisants, bouffons infortunés,
 D'un jeu de mots grossier partisans surannés.
 Ce n'est pas quelquefois qu'une muse un peu fine
 Sur un mot, en passant, ne joue et ne badine,
 Et d'un sens détourné n'abuse avec succès :
 Mais fuyez sur ce point un ridicule excès :
 Et n'allez pas toujours d'une pointe frivole
 Aiguiser par la queue une Epigramme folle.

Tout poëme est brillant de sa propre beauté.

140. Le Rondeau, né gaulois, a la naïveté.
 La Ballade, asservie à ses vieilles maximes,
 Souvent doit tout son lustre au caprice des rimes.
 Le Madrigal, plus simple, et plus noble en son tour,
 Respire la douceur, la tendresse et l'amour.

L'ardeur de se montrer, et non pas de médire,
 Arma la Vérité du vers de la Satire.
 Lucile le premier osa la faire voir ;
 Aux vices des Romains présenta le miroir ; 1.
 Vengea l'humble vertu, de la richesse altière, 2.

150. Пороки согражданъ, какъ въ зеркалѣ явилъ. 1.

Гораций въ колкость шу вмѣшалъ насмѣшки жи-
вось;

Нешла безданно съ рукъ ниглуность, ни болшливось,
И горе было всѣмъ, удобнымъ судъ навлечь,
Чье имя въ стихъ могло не портя мѣры лѣчь.

Темнѣ Персій ихъ: онъ сжашъ и докучаешь;
Но мыслей болѣе, чѣмъ словъ въ себѣ вмѣщаешь.

Въ шуму училища, возросши Ювеналь,
Предѣловъ дерзостной Гиперболѣ не зналъ.
Саширы всѣ его, бывъ полны правды ѣдкой,
160. Не менѣе чрезъ то красой сверкають рѣдкой.
Тогда ль, какъ по письму, таящему обманъ,
Сеяна чпимаго онъ рушишь испуканъ;
Тогда ли, какъ въ сенатъ велишь бѣжашъ съ при-
вѣшомъ,
Тирана подлаго робѣющимъ клевершамъ:
Иль роскошь выводя онъ Римлянъ изъ границъ,*)
Вдругъ городъ продаешь носильщику шрепицъ:
Огнисный слогъ его вездѣ блискаешь въ очи.

Ренье знакомя насъ съ Саширою короче }
Есть шонкій ученикъ сихъ славныхъ образцовъ, } 1.
170. И слогомъ усшарѣвъ, поднесъ красами новъ.
Щасливъ,—когдабъ его(невинныхъ страхъ) рѣченъ
Не отзывалися мѣшмами посѣщенъ;
И ешьлибъ приемами Циническими онъ

*) Сей и слѣдующій стихъ я предоставляю самому чшашелю перевести согласно съ подлинникомъ.

150. Et l'honnête homme à pied, du faquin en litière. 3.

Horace à cette aigreur mêla son enjouement:

On ne fut plus ni fat ni sot impunément;
Et malheur à tout nom qui, propre à la censure,
Put entrer dans un vers sans rompre la mesure.

Perse, en ses vers obscurs mais serrés et pressants,
Affecta d'enfermer moins de mots que de sens.

Juvénal, élevé dans les cris de l'école,
Poussa jusqu'à l'excès sa mordante hyperbole.
Ses ouvrages, tout pleins d'affreuses vérités,

160. Etincellent pourtant de sublimes beautés;

Soit que sur un écrit arrivé de Caprée
Il brise de Séjan la statue adorée;
Soit qu'il fasse au conseil courir les sénateurs,

D'un tyran soupçonneux pâles adulateurs;
Ou que poussant à bout la luxure latine,
Aux portefaix de Rome il vende Messaline.
Ses écrits pleins de feu par-tout brillent aux yeux.

De ces maîtres savants disciple ingénieux, }
Regnier, seul parmi nous formé sur leurs modèles, } 1.

170. Dans son vieux style encore a des graces nouvelles.

Heureux, si ses discours, craints du chaste lecteur,
Ne se sentoient des lieux où fréquentoit l'auteur;
Et si du son hardi de ses rimes cyniques

Приличію вреда, не гналь спыдливостъ вонъ.

Лашинецъ на словахъ учтивствомъ презираешъ;

У насъ въ почтеніи читатель быть желаетъ.

Нечиспыхъ мыслей рѣчь ему наносишь спыдъ,

Коль скромностію словъ не умягченъ ихъ видъ.

Духъ цѣломудрія меня въ Сатирѣ манишь :

180. Я наглеца бѣгу, кошорой скромность хвалишь.

Французы любящи Сатиры оспроту

Сложили Водевиль въ ней главну взявъ черпу.

Болшливость милая свободнымъ направленьемъ

Изъ устъ лешись въ уша и возрастаетъ пѣньемъ:

Французской вольности лежишь на немъ печашъ.

Сей плодъ утѣхъ, средь игръ желаетъ жизнь начашъ.

Однако, святошашъ! и здѣсь спрашися равно

Ты божество низвесь на поприще безславно.

Игра, кошорую безбожіе родинъ ,

190. Изроешь пропасти и гробъ тебѣ отккрышь!

И въ пѣснѣ мастерство и мысли нужны зрѣлы!

Хоть случай и вино бывали сполько смѣлы,

Чтобъ Музу грубую нечаянно внушить,

Линьера безъ даровъ куплетишкомъ снабдить ;

Но въ щастіе суепиномъ съ Пѣнтами спать рядомъ,

Не отправи себя безумной спѣси ядомъ.

Скропавши пѣсенку иной о славѣ мнишь :

Тотчасъ себѣ права писателя вручишь.

Онъ пишенъ спать ложась одинъ или два сонета,

200. И шесль экспромшовъ вдругъ при появленьи свѣта.

Не диво, чю въ недугъ онъ спихотворсшва злой,

Il n'alarmoit souvent les oreilles pudiques !

Le latin, dans les mots, brave l'honnêteté :
 Mais le lecteur françois veut être respecté ;
 Du moindre sens impur la liberté l'outrage ,
 Si la pudeur des mots n'en adoucit l'image.
 Je veux dans la satire un esprit de candeur ,
 18c. Et fuis un effronté qui prêche la pudeur.

D'un trait de ce poëme, en bons mots si fertile ,
 Le François, né malin, forma le Vaudeville ;
 Agréable indiscret , qui, conduit par le chant ,
 Passe de bouche en bouche , et s'accroît en marchant.
 La liberté françoise en ses vers se déploie :
 Cet enfant de plaisir veut naître dans la joie.
 Toutefois n'allez pas, goguenard dangereux ,
 Faire Dieu le sujet d'un badinage affreux :
 A la fin tous ces jeux, que l'athéisme élève ,
 190. Conduisent tristement le plaisant à la greve.
 Il faut, même en chansons, du bon sens et de l'art :
 Mais pourtant on a vu le vin et le hasard
 Inspirer quelquefois une muse grossiere ,
 Et fournir, sans génie, un couplet à Liniere.
 Mais pour un vain bonheur qui vous a fait rimer ,
 Gardez qu'un sot orgueil ne vous vienne enfumer.
 Souvent l'auteur altier de quelque chansonnette
 Au même instant prend droit de se croire poëte :
 Il ne dormira plus qu'il n'ait fait un sonnet ;
 200. Il met tous les matins six impromptus au net.
 Encore est-ce un miracle, en ses vagues furies ,

Тиснѣнемъ сонный бредъ увѣковѣча свой,
Прикажешъ вырѣзатьъ себя въ заглавьи пома,
Вѣнчання лаврами,—безсмертья въ храмъ ведома.

Si bientôt, imprimant ses sottes rêveries ,
Il ne se fait graver au-devant du recueil ,
Couronné de lauriers, par la main de Nanteuil.

П Ъ С Н Ъ III.

Нѣтъ злыхъ чудовищей, ни змій извѣстныхъ намъ,
Чтобъ въ подражаніи не правились очамъ.
Искуснаго рѣзца плѣнищельныя силы,
Гнуснѣйшій всѣхъ предметъ перемѣняетъ въ милый.
Къ прельщенію нашему, трагедія въ слезахъ
Опщеубійцы намъ, Ореста, кажется спрахъ; 2.
Окровавленному Эдипу спонъ внушаетъ: 1.
Чтобъ насъ увеселить, намъ слезы изпоргаетъ.

О, вы! которые, храня для зрѣлицъ жаръ,
10. Въ блистательныхъ снѣгахъ являете свой даръ:
Хотите ли когда представить намъ пиворенье,
Сзирающее въ дань столицы удивленье,
Чѣмъ болѣе зримое, шѣмъ болѣе въ похвалахъ,
И вызванное вновь по дваццати годахъ;
Старайтесь, чтобъ вездѣ языкомъ спроситъ владѣла,
Пусть къ сердцу проложатъ, его бы двигла, грѣла!
Смяшенія милаго, пріятныхъ коль тревогъ,
Средь сладкихъ ужасовъ я ощушить не могъ, —
Иль радостно въ душѣ не двигся сожалѣньемъ:
20. Вошше ты хвалишься ученымъ изложеніемъ!
Отъ холода умствія хладѣешь зришель самъ,

CHANT TROISIEME.

Il n'est point de serpent, ni de monstre odieux ,
Qui, par l'art imité, ne puisse plaire aux yeux :
D'un pinceau délicat l'artifice agréable
Du plus affreux objet fait un objet aimable.
Ainsi, pour nous charmer, la Tragédie en pleurs
D'OEdepe tout sanglant fit parler les douleurs, 1.
D'Oreste parricide exprima les alarmes, 2.
Et, pour nous divertir, nous arracha des larmes.

Vous donc qui, d'un beau feu pour le théâtre épris,
10. Venez en vers pompeux y disputer le prix ,
Voulez-vous sur la scene étaler des ouvrages
Où tout Paris en foule apporte ses suffrages,
Et qui, toujours plus beaux plus ils sont regardés,
Soient au bout de vingt ans encor redemandés?
Que dans tous vos discours la passion émue
Aille chercher le coeur, l'échauffe et le remue.
Si d'un beau mouvement l'agréable fureur
Souvent ne nous remplit d'une douce terreur ,
Ou n'excite en notre ame une pitié charmante ,
20. En vain vous étalez une scene savante :
Vos froids raisonnemens ne feront qu'attiédir

Природно будучи лѣнивымъ къ похваламъ;
 Съ Реторикой швоей въ усиліи успаломъ,
 Онъ спитъ, иль на тебя насмѣшекъ мѣшинъ жаломъ.
 Вся тайна,—выучись и прогати и прельщанъ:
 Пружину опысавъ не трудно управлятъ!

Чтобъ топчасъ дѣйствій ходъ гошовило начало
 И къ содержанію вспуленъе облегчало.
 Безвѣстный лицедѣй на зрѣлищѣ смѣшонъ,
 30. Когда не говоришь, чего желаетъ онъ, —
 Иль худо выразя запушанные нравы,
 Приносишь скуку мнѣ изъ самыя забавы.
 Пусть лучше скажешя: я именемъ Ореситъ, —
 Я царь Агамемнонъ,—Эдипъ, глава сихъ мѣспъ, —
 Чѣмъ мысли нагрузивъ безъ связи чудесами,
 Не говоря уму шрещашъ въ ушахъ словами.
 Мнѣ ясность ранняя не повредишь собой!

Означъ вѣрнѣй мѣспа, гдѣ случай былъ какой.
 Испанія не чтепъ за важно преспуленъе
 40. Въ единый день явишь лѣпъ многихъ продолженъе:
 Тамъ грубыхъ зрѣлищей нерѣдко главный ликъ
 При входѣ опрокъ былъ,—съ опшесшвиемъ спарикъ.
 Но мы приемлющи въ законъ разсудокъ здравый,
 Желаетъ предписатъ событіямъ успавы:
 День, мѣспо, дѣйствіе въ единствѣхъ шрехъ хранимъ,
 И зрѣлищъ покидашь пусшыми не велимъ.

Дать представленія спрашисъ невѣрояшна.
 Нерѣдко истина бытъ можетъ не понятна;

Un spectateur toujours paresseux d'applaudir ,
 Et qui, des vains efforts de votre rhétorique
 Justement fatigué, s'endort, ou vous critique.
 Le secret est d'abord de plaire et de toucher :
 Inventez des ressorts qui puissent m'attacher.

Que dès les premiers vers l'action préparée
 Sans peine du sujet applanisse l'entrée.

Je me ris d'un acteur qui, lent à s'exprimer ,
 30. De ce qu'il veut, d'abord, ne sait pas m'informer ;
 Et qui, débrouillant mal une pénible intrigue ,
 D'un divertissement me fait une fatigue.
 J'aimerois mieux encor qu'il déclînât son nom ,
 Et dit, je suis Oreste, ou bien Agamemnon ,
 Que d'aller, par un tas de confuses merveilles ,
 Sans rien dire à l'esprit, étourdir les oreilles :
 Le sujet n'est jamais assez tôt expliqué.

Que le lieu de la scene y soit fixe et marqué.

Un rimeur, sans péril, delà les Pyrénées ,
 40. Sur la scene en un jour renferme des années :
 Là souvent le héros d'un spectacle grossier ,
 Enfant au premier acte, est barbon au dernier.
 Mais nous, que la raison à ses regles engage ,
 Nous voulons qu'avec art l'action se ménage ;
 Qu'en un lieu, qu'en un jour, un seul fait accompli
 Tienne jusqu'à la fin le théâtre rempli.

Jamais au spectateur n'offrez rien d'incroyable :
 Le vrai peut quelquefois n'être pas vraisemblable.

Но чудотворный вздоръ не силенъ насъ прельстишь;
 59. Умъ холоденъ къ тому, что станешь ложью чпшшь.

Чего не должно зрѣшь, пускай разказъ предложшь,
 Хоть лучше судишь взоръ, коль самъ онъ видишь
 можешь;

Однако, вещи ешь, которыя должны
 Сокрышы бышь опъ глазъ и слуху внушены.

Чтобъ возрастающа шреваго постепенна,
 На верхню вшедь черпу вдругъ спала объясненна.
 Умъ болѣй пораженъ, когда въ узлу одномъ,
 Сокрытомъ хипростью, обманомъ, плутовствомъ,
 Предстанешь истина, изпоргшися изъ шайны, —
 60. Вдругъ все перемѣнишь, — все муда съвидѣ нежданный.

Родясь грубою, безъ признака красотъ,
 Трагедія была лишь просто хораводъ,
 Гремящій Вакху пѣснь средъ плясокъ и скаканій,
 Для шумныхъ, пляшущихъ, въ домахъ виноспяжаній.
 Веселіе и хмѣль бодрили всѣхъ сердца,
 И мздою былъ козель искуснаго пѣвца.

Оспись, обрызганный дрожжами винограда,
 Щасшливу глупостъ шу возилъ въ предвѣрьи града,
 И пѣвчихъ въ рубищѣ навьюча на воза,
 70. По новости одной увеселялъ глаза.

Эсхиль ввелъ дѣйствіе средъ пляски хораводной,
 Скрылъ каждое лице, личиною благородной;

Une merveille absurde est pour moi sans appas :
 50. L'esprit n'est point ému de ce qu'il ne croit pas.

Ce qu'on ne doit point voir, qu'un récit nous l'expose:
 Les yeux en le voyant saisiroient mieux la chose;
 Mais il est des objets que l'art judicieux
 Doit offrir à l'oreille et reculer des yeux.

Que le trouble, toujours croissant de scene en scene,
 A son comble arrivé se débrouille sans peine.
 L'esprit ne se sent point plus vivement frappé
 Que lorsqu'en un sujet d'intrigue enveloppé
 D'un secret tout-à-coup la vérité connue
 60. Change tout, donne à tout une face imprévue.

La Tragédie, informe et grossiere en naissant ,
 N'étoit qu'un simple choeur, où chacun en dansant,
 Et du dieu des raisins entonnant les louanges ,
 S'efforçoit d'attirer de fertiles vendanges.
 Là, le vin et la joie éveillant les esprits ,
 Du plus habile chantre un bouc étoit le prix.

Thespis fut le premier qui, barbouillé de lie ,
 Promena par les bourgs cette heureuse folie ;
 Et, d'acteurs mal ornés chargeant un tombereau ,
 70. Amusa les passants d'un spectacle nouveau.

Eschyle dans le choeur jeta les personnages,
 D'un masque plus honnête habilla les visages ,

Возвышенный помоспѣ сложа въ видѣнныя всѣмъ,
Велѣлъ героямъ быть въ сандаліяхъ на немъ.

И наконецъ Софокль, свой Геній къ ней направилъ,
Въ ней роскошь прираспилъ,—согласія прибавилъ;
Искусно подчинилъ случаямъ самый хоръ,
Отъ грубо-жесткихъ словъ очистишь разговоръ,—
Даль въ Греціи ему сіи красы обильны,
80. До коихъ не дошли Лапинцы слабосильны.

У Галловъ набожныхъ, до позднихъ даже лѣтъ,
Щиталось зрѣлище соблазновъ за предметъ.
Кочующей толпы нескладны лицедѣи
Въ Парижъ перенесли прагматически запѣи;
Безумно-рѣвноспины въ понятіяхъ проспыхъ,
Изъ благочестія предъставили свяшыхъ.
Познанье наконецъ, невѣжесство изгнало,
И набожности шой всю лживость показало.
Смѣшенье кончилось небеснаго съ земнымъ!
90. Воскресли Випязи, Ишака, Пафось, Римъ;
Остались какъ сперва лишь подъ личиной лица,—
На мѣсто голосовъ вошла въ обрядъ скрипица.

Немедленно любовь, бывъ сладкихъ чувствъ полна,
Какъ въ сказкѣ, въ зрѣлище явилася одна.
Сей спроси пламенной повѣспивованьи нѣжны,
Чтобъ сердце уловишь имѣющъ путь надежный!
Предъставъ мнѣ випязя слѣпой любви рабомъ;
Но сладко-пришторнымъ не сдѣлай паспушкомъ.

Sur les ais d'un théâtre en public exhaussé,
Fit paroître l'acteur d'un brodequin chaussé.

Sophocle enfin, donnant l'essor à son génie,
Accrut encor la pompe, augmenta l'harmonie,
Intéressa le choeur dans toute l'action,
Des vers trop raboteux polit l'expression.
Lui donna chez les Grecs cette hauteur divine
80. Où jamais n'atteignit la foiblesse latine.

Chez nos dévots aïeux le théâtre abhorré
Fut long-temps dans la France un plaisir ignoré.
De pèlerins, dit-on, une troupe grossiere,
En public à Paris y monta la premiere;
Et, sottement zélée en sa simplicité,
Joua les Saints, la Vierge, et Dieu, par piété.
Le savoir, à la fin dissipant l'ignorance,
Fit voir de ce projet la dévote imprudence.
On chassa ces docteurs prêchant sans mission;
90. On vit renaître Hector, Andromaque, Iliou.
Seulement les acteurs laissant le masque antique,
Le violon tint lieu de choeur et de musique.

Bientôt l'amour, fertile en tendres sentiments,
S'empara du théâtre ainsi que des romans.
De cette passion la sensible peinture
Est pour aller au coeur la route la plus sûre.
Peignez donc, j'y consens, les héros amoureux;
Mais ne m'en formez pas des bergers doucereux :
Часть. II.

Пусть любишь Ахиллесь, не шакъ, какъ любишь Хлоя,
 100. И Кира не одѣнь въ Аспреина героя;
 Вмѣшавъ ему въ любовь разскаанье и сшѣдъ,
 Не добродѣтели,—дай слабости ей видъ.

Ошбрось всѣ мѣлочи, героямъ сказокъ сродны;
 Но слабость зарони и въ души благородны.
 Не нравилсѣбъ Ахиллъ, не бывъ горячъ и скоръ:
 Пускай онъ слезы льетъ, что наглый снесъ презоръ.
 По симъ погрѣшностямъ, въ немъ зримымъ много-
 крапно,

Законы естества уму познашь пріятно.
 Старайся наблюдать и пы природы ходъ!
 110. Пускай Агамемнонъ приспраспенъ, пышенъ, гордъ;
 Эней пусть строго чшипъ боговъ своихъ уставы.
 Дай каждому лицу его обычны нравы:
 Печать временъ и царствъ носить они должны;
 Ошпѣнки разны свойствъ зависящъ ошъ спраны.

Спрашисъ, какъ въ Клеліи, для собственной забавы,
 Въ Римъ древній принести Французскій умъ и нравы;
 Назвавъ Ипаліей съ Парижа сколокъ сняшь:
 Заспавишь Брута пѣшь,—Кашона щеголяшь.
 Все въ сказкѣ суешной проспишисъ добровольно:
 120. Заняпенъ вымыселъ,—мнѣ и того довольно!
 Въ ней спрососъ лишняя по смыслу не важна;
 Но почносъ въ зрѣлищѣ всемѣстная нужна,
 И цѣнь приличія должна быть сохраненна.

Qu'Achille aime autrement que Thyrsis et Philene;
 100. N'allez pas d'un Cyrus nous faire un Artamene;
 Et que l'amour, souvent de remords combattu,
 Paroisse une foiblesse et non une vertu.

Des héros de roman fuyez les petitesse:
 Toutefois aux grands coeurs donnez quelques foiblesse.
 Achille déplairoit, moins bouillant et moins prompt:
 J'aime à lui voir verser des pleurs pour un affront.
 A ces petits défauts marqués dans sa peinture,

L'esprit avec plaisir reconnoît la nature.
 Qu'il soit sur ce modele en vos écrits tracé:
 110. Qu'Agamemnon soit fier, superbe, intéressé;
 Que pour ses dieux Enée ait un respect austere.
 Conservez à chacun son propre caractere.
 Des siecles, des pays, étudiez les moeurs:
 Les climats font souvent les diverses humeurs.

Gardez donc de donner, ainsi que dans Clélie,
 L'air ni l'esprit françois à l'antique Italie;
 Et, sous des noms romains faisant notre portrait,
 Peindre Caton galant, et Brutus dameret.
 Dans un roman frivole aisément tout s'excuse;
 120. C'est assez qu'en courant la fiction amuse;
 Trop de rigueur alors seroit hors de saison:
 Mais la scene demande une exacte raison;
 L'étroite bienséance y veut être gardée.

Съ введеніемъ лица, побою вымышленна,
Пошщись, чѣтобъ сходное съ собой оно самимъ,
Въ началѣ и концѣ являлося однимъ.

Не мысля иногда, пѣвецъ самолюбивый
Всѣхъ вишней кроишь на обликъ свой щастливый:
Гасконцы вылились съ Гасконскаго рѣзца;
130. У Тиша съ Плиніемъ одно, не два лица.

Природа насъ мудрѣй,—дала всѣмъ разны лики;
Всѣ спраши говорящъ на собствены языки.
Высокомѣренъ гнѣвъ, внушитъ онъ ищетъ страхъ;
Увыніе въ просныхъ являешся рѣчахъ.

Предъ Троей пламенной Гекуба огорченна,
Чѣтобъ не мѣшала въ плачъ рошанья напыщенна,
Ни щечныхъ повѣстей, какъ Понть свирѣпсва
полнь,
Семью горпанями глопаешъ жадно Донъ.
Громада пышная рѣчей несообразныхъ
140. Есть даръ разкащиковъ, влюбленныхъ въ звуки праздны.

Ты долженъ въ горести унизишься своей;
Чѣтобъ слезы извлекашъ, самъ шоки слезъ пролей.
Тѣ громкіе слова, кошоры грусть слагала,
Не въ сердцѣ пронумомъ,—въ устахъ берушъ начало.

Въ приспращныхъ зрѣлище обилуя судьяхъ,
Есть мѣсто подвига на терновыхъ спезяхъ.
Не шакъ писашелю легки завоеванья!
Ему гошоваются уста для освистанья;

D'un nouveau personnage inventez-vous l'idée ?
 Qu'en tout avec soi-même il se montre d'accord,
 Et qu'il soit jusqu'au bout tel qu'on l'a vu d'abord.

Souvent, sans y penser, un écrivain qui s'aime
 Forme tous ses héros semblables à soi-même :
 Tout a l'humeur gasconne en un auteur gascon ;
 130. Calprenede et Juba parlent du même ton.

La nature est en nous plus diverse et plus sage ;
 Chaque passion parle un différent langage :
 La colere est superbe, et veut des mots altiers ;
 L'abattement s'explique en des termes moins fiers.

Que devant Troie en flamme Hécube désolée
 Ne vienne pas pousser une plainte ampoulée ,
 Ni sans raison décrire en quel affreux pays

Par sept bouches l'Euxin reçoit le Tanaïs.
 Tous ces pompeux amas d'expressions frivoles
 140. Sont d'un déclamateur amoureux des paroles.
 Il faut dans la douleur que vous vous abaissiez :
 Pour me tirer des pleurs, il faut que vous pleuriez.
 Ces grands mots dont alors l'acteur emplit sa bouche
 Ne partent point d'un coeur que sa misere touche.

Le théâtre, fertile en censeurs pointilleux ,
 Chez nous pour se produire est un champ périlleux.
 Un auteur n'y fait pas de faciles conquêtes ;
 Il trouve à le siffler des bouches toujours prêtes :

Невѣждой и глупцомъ честишь его народъ,

150. Купившій голосъ свой, плащя въ дверяхъ за входъ.

Чшобънрависься,—сто разъ онъ долженъ изгибаться;

То къ небу воскриляшъ; шо духомъ унижашъся.

Чтобъ въ чувствахъ доблестныхъ лѣсь какъ вод-
ный шокъ,

Онъ легко, важенъ былъ, любезенъ и глубокъ ;

Чшобъ насъ незапношью всечасно пробуждая

Сквозь обласпи чудесь, носился въ край изъ края;

Чтобъ каждый спихъ могли мы вспомня безъ труда,

Творенье цѣлое хранишь въ умѣ всегда.

Таковъ прагедій ходъ, языкъ и цѣпь союза.

160. Съ большей надмѣнностью Эпическая Муза,

Въ пространной повѣсти дѣяній многихъ лѣтъ,

Крѣпится баснею и вымысломъ живеть.

Въ ней къ чарованью насъ всѣ дѣйствуютъ пружины;

Пріемлешъ все шѣла, умъ, души и личины.

Всѣ добродѣтели берутъ боговъ черты :

Минервой мудрость чшимь,—Венерой красоты!

Сгусшились ли пары и громъ грохочепъ ярой:

То Дій въ оружїи грозишь преслупныхъ карой!

Взревѣлъ ли бурный Понтъ на пагубу пловцамъ;

170. То гнѣваясь Нептунъ бьетъ скиптромъ по волнамъ;

Дрожишь ли въ воздухѣ звукъ ошголоска мѣрный,

То Нимфа скорбная пѣняеть за измѣны.

Въ сей грудѣ вымысловъ и благородныхъ словъ,

Иъвецъ чрезъ тысячу переходя садовъ,

Творить, цвѣтишь, расходишь, вливаешь жизнь въ
предметы:

Chacun le peut traiter de fat et d'ignorant ;

150. C'est un droit qu'à la porte on achete en entrant.

Il faut qu'en cent façons, pour plaire, il se replie ;

Que tantôt il s'élève et tantôt s'humilie ;

Qu'en nobles sentiments il soit par-tout fécond ;

Qu'il soit aisé, solide, agréable, profond ;

Que de traits surprenants sans cesse il nous réveille ;

Qu'il coure dans ses vers de merveille en merveille ;

Et que tout ce qu'il dit, facile à retenir ,

De son ouvrage en nous laisse un long souvenir.

Ainsi la Tragédie agit, marche, et s'explique.

160. D'un air plus grand encor la poésie épique ,

Dans le vaste récit d'une longue action,

Se soutient par la fable, et vit de fiction.

Là pour nous enchanter tout est mis en usage ;

Tout prend un corps, une ame, un esprit , un visage.

Chaque vertu devient une divinité :

Minerve est la prudence, et Vénus la beauté ;

Ce n'est plus la vapeur qui produit le tonnerre,

C'est Jupiter armé pour effrayer la terre ;

Un orage terrible aux yeux des matelots ,

170. C'est Neptune en courroux qui gourmande les flots ;

Echo n'est plus un son qui dans l'air retentisse ,

C'est une nymphe en pleurs qui se plaint de Narcisse.

Ainsi, dans cet amas de nobles fictions ,

Le poète s'égaie en mille inventions ,

Orne, élève, embellit, agrandit toutes choses ,

Гдѣ ступишь, всѣ пупи зришь розами одѣшы!

Что въшры буйные Энея корабли,

Въ предѣлы Африки невольно занесли :

Сіе бы дѣйствіе умы не удивляя ,

180. Казалось игрой одинаго случая;

Но что Юнона бывъ опмщенія полна ,

Преслѣдуешь въ моряхъ Троянски племена ;

Что ей служба Эолъ мчишь въ обласи ихъ новы ,

Съ мяшежныхъ въпровъ снялъ заклепы и оковы ;

Что въ ярости Нептунъ возсѣлъ на глубину ,

Кипѣшь ей запретилъ и вызвавъ пишину ,

Срываетъ корабли съ хребтовъ песчаной суши :

Сіе дивишь , разишь , и возвышаешь души .

Безъ украшенія стихъ помень и уныль , —

190. Поэзія мертва, иль ползаетъ безъ силъ ;

Самъ спихомворецъ спалъ лишь випій уроблен-
ный ,

Лишь басни пришорной разкащикъ охлажденный .

Напрасно умспивуя писатели у насъ

Бѣгутъ въспихахъ своихъ сихъпринятыхъприкрасъ ,

И мняшь , что правѣдныхъ и Божество неложно

Заставишь дѣйствовать , какъ вымышленныхъ
можно .

Сводя чипашеля на каждомъ шагѣ въ адъ ,

Лишь Вельзевула памъ и Люцифера зряшь !

Свяпыхъ таинспва Небесныхъ опкровеній ,

200. Суть выше и честнѣй всѣхъ бренныхъ украшеній .

Къ намъ слово Божіе гремишь судомъ на злыхъ ,

- Et trouve sous sa main des fleurs toujours écloses.
 Qu'Enée et ses vaisseaux, par le vent écartés ,
 Soient aux bords africains d'un orage emportés ;
 Ce n'est qu'une aventure ordinaire et commune,
 180. Qu'un coup peu surprenant des traits de la fortune.
 Mais que Junon, constante en son aversion ,
 Poursuive sur les flots les restes d'Ilion ;
 Qu'Eole, en sa faveur, les chassant d'Italie ,
 Ouvre aux vents mutinés les prisons d'Eolie;
 Que Neptune en courroux s'élevant sur la mer
 D'un mot calme les flots, mette la paix dans l'air ,
 Délivre les vaisseaux, des syrtes les arrache :
 C'est là ce qui surprend, frappe, saisit, attache.
 Sans tous ces ornements le vers tombe en langueur ;
 190. La poésie est morte, ou rampe sans vigueur ;
 Le poète n'est plus qu'un orateur timide ,
 Qu'un froid historien d'une fable insipide.

C'est donc bien vainement que nos auteurs déçus,
 Bannissant de leurs vers ces ornements reçus ,
 Pensent faire agir Dieu, ses saints et ses prophètes
 Comme ces dieux éclos du cerveau des poètes;

- Mettent à chaque pas le lecteur en enfer ;
 N'offrent rien qu'Astaroth, Belzébuth, Lucifer.
 De la foi d'un chrétien les mystères terribles
 200. D'ornements égayés ne sont point susceptibles:
 L'évangile à l'esprit n'offre de tous côtés

Влечешь къ разкаянью и ужасаешь ихъ;
 Но вымысловъ твоихъ виновное смѣшенье,
 Тѣ даже испины подводишь подъ сомнѣнье.
 Какой желаешь ты изобразить предметъ?
 Что Сашана возспалъ на Божескій совѣтъ,
 Что вишазей твоихъ унизишь алчешь славу,
 И могъ поколебашъ Небесную державу.

Тассъ, скажущъ мнѣ, умѣлъ съ успѣхомъ то свер-
 шить.

210. Я не хочу съ нимъ здѣсь въ судебный споръ входить;
 Но пусть хвала ему въ нашъ будущъ вѣкъ всемѣстнѣй,
 Онъ не прославилъ бы Италіи сей пѣсней,
 Когдабъ его герой, вездѣ равно мудрецъ,
 Не ввелъ и Демона въ разсудокъ, наконецъ,
 И естли бы Ринальдъ, Арганъ, Танкредъ, Армида,
 Печальна зрѣлища не усладили вида!

Я не того ищу, чтобъ въ подвигъ Христіанъ
 Безумно вмѣшанъ былъ Непшунъ, Миносъ иль Панъ;
 Но свѣтской и живой карпинѣ вображенья,
 220. Не смѣшь заимствовать у басни украшенья,
 Очистишь ошъ Наядъ прозрачныхъ шоковъ дно,
 Ошнѣшь у Марса мечъ, у Парки вершено,
 Харону воспретишь чрезъ Спиксову пучину
 Возишь Царя съ рабомъ, вмѣспя въ ладью едину:
 Сіе бы значило робѣшь своей мечты,
 И нравишься хотѣшь лишеньемъ красоты.
 Быть можешь запрещаешь иносказаній виды;

Que pénitence à faire et tourments mérités ;
 Et de vos fictions le mélange coupable
 Même à ses vérités donne l'air de la fable.
 Et quel objet enfin à présenter aux yeux,
 Que le diable toujours hurlant contre les cieux ,
 Qui de votre héros veut rabaisser la gloire ,
 Et souvent avec Dieu balance la victoire !

Le Tasse, dira-t-on, l'a fait avec succès.

210. Je ne veux point ici lui faire son procès :
 Mais, quoi que notre siècle à sa gloire publie,
 Il n'eût point de son livre illustré l'Italie ,
 Si son sage héros, toujours en oraison ,
 N'eût fait que mettre enfin Satan à la raison ;
 Et si Renaud, Argant, Tancrede et sa maîtresse ,
 N'eussent de son sujet égayé la tristesse.

Ce n'est pas que j'approuve, en un sujet chrétien,
 Un auteur follement idolâtre et païen.

Mais, dans une profane et riante peinture ,

220. De n'oser de la fable employer la figure ;
 De chasser les tritons de l'empire des eaux ;
 D'ôter à Pan sa flûte, aux Parques leurs ciseaux ;
 D'empêcher que Caron, dans la fatale barque ,
 Ainsi que le berger ne passe le monarque :
 C'est d'un scrupule vain s'alarmer sottement ,
 Et vouloir aux lecteurs plaire sans agrément.
 Bientôt ils défendront de peindre la Prudence ,

Повязку и вѣсы опымутъ у Ѡемиды ;
 Иль мѣдное чело у грозныя войны ,
 230. Часы, что времени бѣгущему даны ,
 И въ ложной свящоспи, почтя догматомъ вѣры, }
 Изгоняшъ изъ рѣчей подобья и примѣры. } 1.
 Оспавимъ хвасашъ ихъ лженабожностію шой ;
 Но мы уклонимся отъ робоспи пусшой ;
 Спавъ баснословы вдругъ и купно Христіане ,
 Чшобъ Бога истинна не изказишъ въ обманѣ.

Баснь тысячу пріятствъ уму сулишъ одна :
 Въ ней будшо для стиховъ даны всѣмъ имена ;
 Улисъ, Агамемнонъ, Орешъ, Пиладъ , Дидона ,
 240. Елена, Менелай, сопутники Язона.
 О, мысль забавная! кто предпочтя имъ всѣмъ, }
 Вдругъ Хильдебрана взялъ въ невѣжесствѣ своемъ! } 1.
 Нерѣдко именемъ, лишь приданнымъ герою ,
 Поэму дѣлаютъ иль грубой, иль смѣшною.

Чшобъ долго нравиться и вѣкъ не упомляшъ ,
 Найди мнѣ выпязя удобнаго заняшъ.
 Опличенъ мужесствомъ, дѣлами превосходенъ,
 Онъ въ самыхъ слабостяхъ бытъ долженъ благороденъ :
 Таковъ, какъ Александръ, иль Титъ, иль Людовикъ ; 2.
 250. Но не таковъ какимъ представлень Полинникъ.
 Изящныя дѣла, лишь спюютъ бытъ извѣстны : 1.
 Героевъ площадныхъ профей намъ не лесны !

Изъ сложныхъ дѣйствіе не соспавляй пружинъ.
 Веденный бережно Ахилла гнѣвъ одинъ,

De donner à Thémis ni bandeau ni balance ,
 De figurer aux yeux la Guerre au front d'airain ,
 230. Ou le Temps qui s'enfuit une horloge à la main;
 Et par-tout des discours, comme une idolâtrie , }
 Dans leur faux zele iront chasser l'allégorie. } 1.
 Laissons-les s'applaudir de leur pieuse erreur.
 Mais pour nous, bannissons une vaine terreur ;
 Et, fabuleux chrétiens, n'allons point, dans nos songes,
 Du Dieu de vérité faire un Dieu de mensonges.

La fable offre à l'esprit mille agréments divers:
 Là tous les noms heureux semblent nés pour les vers,
 Ulysse, Agamemnon, Oreste, Idoménée ,
 240. Hélène, Ménélas, Pâris, Hector, Enée.
 Oh! le plaisant projet d'un poète ignorant , }
 Qui de tant de héros va choisir Childebrand! } 1.
 D'un seul nom quelquefois le son dur ou bizarre
 Rend un poëme entier ou burlesque ou barbare.

Voulez-vous long-temps plaire et jamais ne lasser?
 Faites choix d'un héros propre à m'intéresser ,
 En valeur éclatant, en vertu magnifique ;
 Qu'en lui, jusqu'aux défauts, tout se montre héroïque;
 Que ses faits surprenants soient dignes d'être ouïs; 1.
 250. Qu'il soit tel que César, Alexandre, ou Louis; 2.
 Non tel que Polynice et son perfide frere:
 On s'ennuie aux exploits d'un conquérant vulgaire.

N'offrez point un sujet d'incidents trop chargé.
 Le seul courroux d'Achille, avec art ménagé ,

Сначала до конца снабдилъ повѣствованье.

Въ избыткѣ иногда скудѣеть содержанье.

Будь живъ и быстръ, когда предпринялъ ты разказъ;

Богатъ и роскошенъ, коль пишешь что для глазъ.

Вопъ случай показашъ красу стиховъ созвучныхъ!

260. Но бойся въ нихъ карпинъ иль мѣлкихъ, или скучныхъ.

Не подражай глупцу, которой средь морей,

Являя въ челюстяхъ разверзшихся зыбей,

Израильскій народъ опъ ига свободенный,

Сажаетъ къ окнамъ рыбъ, смошрѣшь сей полкъ свя-
щенный:

Рисуешь малчика, какъ пляшетъ онъ, бѣжитъ,

Нашедши камушки ихъ маминькѣ дарить.

Не спрашъ ты времени на мѣлочи споль праздны!

Поэмѣ дай своей предѣлы сообразны.

Сначала изложи мысль просто, безъ прикрасть;

270. Не закричи въ жару, взмошся на Парнасъ

„Пою вождя вождей, вселенну побѣдившихъ!“—2.

Изъсихъ великихъ словъ, какъ громомъ оглушившихъ, 1.

Что сдѣлаешь попомъ возгорженный пѣпъ?

Чреватая гора незапно мышъ родить.

О! сколь писатель топъ исполненъ дарованій,

Что пышныхъ не даетъ сначала общаній;

Но легкоспью простой стихъ нѣжный улада

Начнешъ: „пою войну и набожность вождя,

„Которой опъ бреговъ оппорженный Фригійскихъ,

280. „Спаль первый на поля въ Авзоніи Лавински“.—

Вдругъ Муза у него не губишь все въ огнѣ,

Remplit abondamment une Iliade entière :
Souvent trop d'abondance appauvrit la matière.

Soyez vif et pressé dans vos narrations :
Soyez riche et pompeux dans vos descriptions.
C'est là qu'il faut des vers étaler l'élégance :
260. N'y présentez jamais de basse circonstance.
N'imitiez pas ce fou qui, décrivant les mers ,
Et peignant, au milieu de leurs flots entr'ouverts ,
L'Hébreu sauvé du joug de ses injustes maîtres ,
Met, pour le voir passer, les poissons aux fenêtres ;

Peint le petit enfant qui va, saute, revient,
Et joyeux à sa mère offre un caillou qu'il tient.
Sur de trop vains objets c'est arrêter la vue.

Donnez à votre ouvrage une juste étendue.
Que le début soit simple et n'ait rien d'affecté.
270. N'allez pas dès l'abord, sur Pégase monté ,
Crier à vos lecteurs d'une voix de tonnerre : 1.
„Je chante le vainqueur des vainqueurs de la terre,, 2.
Que produira l'auteur après tous ces grands cris ?
La montagne en travail enfante une souris.
Oh ! que j'aime bien mieux cet auteur plein d'adresse
Qui, sans faire d'abord de si haute promesse,
Me dit d'un ton aisé, doux, simple, harmonieux :
„Je chante les combats et cet homme pieux
„Qui, des bords phrygiens conduit dans l'Ausonie ,
280. „Le premier aborda les champs de Lavinie,, !
Sa muse en arrivant ne met pas tout en feu ,

И много чшобъ свершишь сулишь не много мнѣ;
 Но вскорѣ средѣ чудесъ не обычныхъ зрима:
 Въ успа Оракула влагаешь жребій Рима,
 Влечешь по Таршару клубящійся Коцишь,
 И души Цесарей съ блаженными селишь.

Фигуры не щадя, дай ими жизнь пворенью,
 Чшобъ каждый образъ въ немъ предспаль игриво
 зрѣнью.

Бышь вмѣспѣ можешь пы шупливъ и величавъ:
 290. Томишь высокое шяжелымъ, скучнымъ спавъ.
 Васнь Аріосшову съ перомъ его шупливымъ,
 Я предпочшу пѣвцамъ холоднымъ и груспливымъ,
 Кошорые себѣ поспавяють шо за спыдъ,
 Когда имъ Грація чело развеселишь.

Помысляшь, будшобы съ природою условясь,
 Гомеръ, чшобъ нравишься украль Венеринъ поясъ.
 Его поэма есть сокровищей соборъ;
 Все дышешь нѣжностью,—все въ ней прельщаешь
 взоръ; 2.

Къ чему коснулся онъ все въ злашо прешворяешь; 1.
 300. Повсюду веселишь,—нигдѣ не ушомляешь.
 Вездѣ щаспливый жаръ разлишь въ его рѣчахъ!
 Онъ не шеряется въ извивиспыхъ пушяхъ!
 Порядкомъ правильнымъ не связанъ онъ всечасно:
 Сама ложися мысль порядочно и ясно.
 Припасовъ не видашь, гошово все безъ нихъ:
 Тамъ къ главной повѣсти и рѣчь ведешь и спихъ
 Люби Гомера пы своихъ пвореній болѣ:

Et, pour donner beaucoup, ne nous promet que peu;
 Bientôt vous la verrez, prodiguant les miracles ,
 Du destin des Latins prononcer les oracles;
 De Styx et d'Achéron peindre les noirs torrents ,
 Et déjà les Césars dans l'Elysée errants.

De figures sans nombre égayez votre ouvrage;
 Que tout y fasse aux yeux une riante image ;

On peut être à-la-fois et pompeux et plaisant;
 290. Et je hais un sublime ennuyeux et pesant.
 J'aime mieux Arioste et ses fables comiques ,
 Que ces auteurs toujours froids et mélancoliques
 Qui dans leur sombre humeur se croiroient faire affront,
 Si les Graces jamais leur déridaient le front.

On diroit que pour plaire, instruit par la nature,
 Homere ait à Vénus dérobé sa ceinture.
 Son livre est d'agrémens un fertile trésor:
 Tout ce qu'il a touché se convertit en or ; 1.

Tout reçoit dans ses mains une nouvelle grace ; 2.
 300. Par-tout il divertit, et jamais il ne lasse.

Une heureuse chaleur anime ses discours :
 Il ne s'égare point en de trop longs détours.
 Sans garder dans ses vers un ordre méthodique,
 Son sujet de soi-même et s'arrange et s'explique :
 Tout, sans faire d'apprêts, s'y prépare aisément ;
 Chaque vers, chaque mot court à l'évènement.

Aimez donc ses écrits, mais d'un amour sincère :

Любя прекрасное съ прекраснымъ будешь въ долѣ.

Поэма, коей связь взаимная дана

310. Не есть не зрѣлый плодъ, гдѣ прихоть лишь видна.
 Ей нужны время, трудъ, и подвигъ сей тяжелой,
 Не могъ ученика быть пробой скороспѣлой.
 Но временнымъ иной успѣхомъ обольстясь, }
 Гремилъ воинску пѣснь, ниномъ не родясь: } 1.
 Пустымъ щеславіемъ надмья свой разумъ лживой,
 Хватаешь онъ трубу рукою горделивой:
 Тушь Муза у него подѣмлясь въ висоу, }
 Лешишь порывами и скачешь на лешу, } 1.
 И пламень коимъ онъ сгораешь споль напрасно,
320. Не бывъ пипаемымъ, въ немъ гаснешъ повсечасно,
 Но щепнобы желалъ, въ сужденьяхъ спрогій свѣтъ
 Ошкрышь ему, что въ немъ прямаго дара нѣтъ!
 Онъ Геній пощій свой превознося хвалою,
 Кадитъ себѣ въ лицо самъ собственной рукою.
 Виргилій передъ нимъ въ изобрѣтеньяхъ шупъ;
 Гомеръ на вымысль не благороденъ, грубъ:
 Когдажъ противъ сего возстануть приговора, —
 Къ попомству онъ потчасъ вызываетъ среди спора.
 Но между пѣмъ, пока, смыслъ здравый въ свой чередъ,
330. Творенья въ свѣтъ его со славой низведетъ,
 Ихъ груда въ кладовой, сокрытая поньмами,
 Печально борется и съ пылью и съ червями.
 Дадимъ свободу имъ другъ съ другомъ воевать,
 И чтобъ не сбились намъ, то спанемъ продолжатъ.

C'est avoir profité que de savoir s'y plaire.

- Un poème excellent, où tout marche et se suit,
 310. N'est pas de ces travaux qu'un caprice produit:
 Il veut du temps, des soins; et ce pénible ouvrage
 Jamais d'un écolier ne fut l'apprentissage.
 Mais souvent parmi nous un poète sans art ,
 Qu'un beau feu quelquefois échauffa par hasard , } I.
 Enfant d'un vain orgueil son esprit chimérique,
 Fièrement prend en main la trompette héroïque :
 Sà muse dérégée, en ses vers vagabonds , } I.
 Ne s'élève jamais que par sauts et par bonds ;
 Et son feu, dépourvu de sens et de lecture ,
320. S'éteint à chaque pas faute de nourriture.
 Mais en vain le public, prompt à le mépriser,
 De son mérite faux le veut désabuser;
 Lui-même, applaudissant à son maigre génie ,
 Se donne par ses mains l'encens qu'on lui dénie :
 Virgile, au prix de lui, n'a point d'invention ;
 Homere n'entend point la noble fiction.
 Si contre cet arrêt le siècle se rebelle,
 A la postérité d'abord il en appelle :
 Mais attendant qu'ici le bon sens de retour
330. Ramene triomphants ses ouvrages au jour ,
 Leurs tas au magasin, cachés à la lumière ,
 Combattent tristement les vers et la poussière.
 Laissons-les donc entre eux s'escrimer en repos ;
 Et, sans nous égarer, suivons notre propos.

На славномъ поприщѣ прагическихъ явленій
 Въ Аѳинахъ родился комедій древнихъ геній.
 Подъ видомъ шутокъ въ нихъ къ злорѣчью склон-
 ный Грекъ,

Излилъ насмѣшекъ ядъ на современный вѣкъ.

Въ потворство буйности, пройдя веселья мѣру,
 340. Дерзали посягать на умъ, честь, мудрость, вѣру;
 И самъ Аристофанъ средь плесковъ и похвалъ,
 Шутя достоинствомъ, себя обогащаль;
 И даже въ хорѣ онъ своемъ замысловахомъ,
 Чтوبъ чернью веселишь дерзнулъ шутить Сократомъ.
 Сей вольности потомъ пути преграждены.
 Законъ, къ которому прибѣгли старшины
 Указомъ положи писателямъ границы,
 Имъ мѣшить запрещилъ на имена и лица.
 Престало зрѣлище, какъ прежде буйнымъ бышь;

350. Безъ злобы начала комедія смѣшить,
 Учить и вразумлять безъ желчи и безъ яда,
 Въ Менандрѣ нравиться не оскорбляя взгляда.
 Въ семъ новомъ зеркалѣ всякъ образъ свой встрѣ-
 чаль,

И весело глядясь себя не узнавалъ;
 Скупой карпиною скупаго возхищался,
 Не мысля, что съ него черпещъ ея сымался;
 И съ шонкосью спо разъ явленный Селадонъ
 Свой видѣлъ образецъ; но думалъ то не онъ.

Природа чтобъ одна была швоимъ ученьемъ,
 360. Коль хочешь славенъ бытъ комическимъ швореньемъ.

Des succès fortunés du spectacle tragique
 Dans Athenes naquit la Comédie antique.
 Là le Grec, né moqueur, par mille jeux plaisants

Distilla le venin de ses traits médisants.

Aux accès insolents d'une bouffonne joie

340. La sagesse, l'esprit, l'honneur, furent en proie,

On vit par le public un poète avoué

S'enrichir aux dépens du mérite joué ;

Et Socrate par lui, dans un chœur de nuées

D'un vil amas de peuple attirer les huées.

Enfin de la licence on arrêta le cours :

Le magistrat des lois emprunta le secours,

Et, rendant par édit les poètes plus sages ,

Défendit de marquer les noms et les visages.

Le théâtre perdit son antique fureur ;

350. La Comédie apprit à rire sans aigreur ,

Sans fiel et sans venin sut instruire et reprendre ,

Et plut innocemment dans les vers de Ménandre.

Chacun, peint avec art dans ce nouveau miroir ,

S'y vit avec plaisir, ou crut ne s'y point voir :

L'avare, des premiers, rit du tableau fidele

D'un avare souvent tracé sur son modele ;

Et mille fois un fat finement exprimé

Méconnut le portrait sur lui-même formé.

Que la nature donc soit votre étude unique ,

360. Auteurs qui prétendez aux honneurs du comique.

Кто можешь проникать въ наклонности людей,
 И въ пайну ихъ сердець, сокрытыхъ опъ очей;
 Опшѣнки знаетъ кто скупаго, моша, шуша,
 Рѣвнивца, чудака, повѣсы, или плуша;
 Съ успѣхомъ въ зрѣлищѣ шопъ можешь ихъ явишь,—
 Дашь жизнь имъ, дѣйствию, и рѣчь въ успа вложишь.
 Природы съ простошой учись бышь согласны!
 Чтوبъ краски вашихъ лицъ, какъ въ ней ложились
 ясны.

Она обилуя въ преспранныхъ образцахъ,
 370. Кладешъ особую печашъ на ихъ лицахъ:
 Бездѣлка иногда, лишъ служишь ей признакомъ;
 Но чтобъ ее ошкрыть умъ зорокъ не во всякомъ.

Мѣняешь время все, мѣняемся и мы:
 Свой у возраста забавы и умы.

Подобенъ юноша бурливыхъ водъ потоку,
 Кипишь въ спрасяхъ своихъ, поползновень къ
 пороку,—
 Въ забавахъ упоень,—въ желаньяхъ прихошливъ,—
 Поспѣшень осуждашь, не швердъ, пуспорѣчивъ.

Мужъ возрастный зрѣлѣй и вдаль кидаетъ взоры;
 380. Щадишь себя, хитришь,—льстишь сильнымъ для
 опоры;
 Въ ударахъ рока онъ ихъ ищетъ опразишь,—
 Не въ наспоящихъ дняхъ; но въ будущихъ мнишь
 жить.

Quiconque voit bien l'homme , et, d'un esprit profond,
 De tant de coeurs cachés a pénétré le fond;
 Qui sait bien ce que c'est qu'un prodigue , un avare,
 Un honnête homme, un fat, un jaloux, un bizarre ,
 Sur une scene heureuse il peut les étaler,
 Et les faire à nos yeux vivre, agir et parler. /
 Présentez-en par-tout les images naïves ;
 Que chacun y soit peint des couleurs les plus vives.

La nature, féconde en bizarres portraits ,
 370. Dans chaque ame est marquée à de différents traits;
 Un geste la découvre, un rien la fait paroître:
 Mais tout esprit n'a pas des yeux pour la connoître.

Le temps, qui change tout, change aussi nos humeurs:
 Chaque âge a ses plaisirs, son esprit et ses moeurs.

Un jeune homme, tujours bouillant dans ses caprices,
 Est prompt à recevoir l'impression des vices ;

Est vain dans ses discours, volage en ses desirs,
 Rétif à la censure, et fou dans les plaisirs.

L'âge viril, plus mûr, inspire un air plus sage,
 380. Se pousse auprès des grands, s'intrigue, se ménage,

Contre les coups du sort songe à se maintenir ,
 Et loin dans le présent regarde l'avenir.

Спарикъ всегда грусливъ, — прудишся, приращаетъ,
 Хранишь сокровища, что для другихъ скопляешь, —
 Идешь къ мѣстѣ своей холодною спопой;
 Возносишь спарый вѣкъ съ ропшаніемъ на свой:
 Согбенный бременемъ лѣтъ унесшихъ наслажденье }
 Порочишь юноши въ забавахъ пресыщенье. } 1.

Чтобъ старецъ говоришь, какъ юноша не спалъ,
 390. Ни юноша себя за спарца не казалъ.

Всѣ тайны проникашь учись двора и свѣща;
 Въ нихъ сыщешь образцы для каждого предмета;
 И ими — шо Мольеръ обогатилъ себя,
 Могъ первенство снѣжашъ, когда бы чернь любя, }
 Свои искусныя и вѣрныя картины } 1.
 Кривляньемъ частымъ лицъ не порпилъ безъ причины,
 На жертву шутовства ума не приносилъ, —
 Съ Полишинелями Теренція не слилъ.
 Мѣшокъ его, куда Скапина онъ сажаетъ,
 400. Мнѣ Мизантропова шворца узнать мѣшаешь.

Комедія и бѣда и горести чужда,
 И слезъ трагическихъ не шерпишь никогда.
 Но цѣль ея не въ томъ, чтобъ рѣчью непристойной
 Прельщать простой народъ, къ рѣчамъ подобнымъ
 сродной.
 Всѣ лица въ ней должны съ приличіемъ шушпшъ.
 Чтобъ узелъ разрѣшася опкрылъ завязки нить;
 Чтобъ самыхъ дѣйствій ходъ, шелъ истины слѣдами,

La vieillesse chagrine incessamment amasse ;
 Garde, non pas pour soi, les trésors qu'elle entasse ;
 Marche en tous ses desseins d'un pas lent et glacé ;
 Toujours plaint le présent et vante le passé ;
 Inhabile aux plaisirs dont la jeunesse abuse ,
 Blâme en eux les douceurs que l'âge lui refuse. } I.

Ne faites point parler vos acteurs au hasard ,
 390. Un vieillard en jeune homme, un jeune homme en vieillard.

Etudiez la cour, et connoissez la ville :
 L'une et l'autre est toujours en modèles fertile.
 C'est par-là que Molière, illustrant ses écrits ,
 Peut-être de son art eût remporté le prix ,
 Si, moins ami du peuple, en ses doctes peintures } I.
 Il n'eût point fait souvent grimacer ses figures ,
 Quitté, pour le bouffon, l'agréable et le fin,
 Et sans honte à Térence allié Tabarin :
 Dans ce sac ridicule où Scapin s'enveloppe
 400. Je ne reconnois plus l'auteur du Misanthrope.

Le Comique, ennemi des soupirs et des pleurs,
 N'admet point en ses vers de tragiques douleurs ;
 Mais son emploi n'est pas d'aller, dans une place,
 De mots sales et bas charmer la populace :

Il faut que ses acteurs badinent noblement ;
 Que son noeud bien formé se dénoue aisément ;
 Que l'action, marchant où la raison la guide,

И въ зрѣлище пустомъ не исчезалъ предъ нами.
 Чшобъ скромный слогъ ея гдѣ нужно возвышенъ,
 410. Быль острыхъ словъ игрой въ рѣчахъ обогащенъ;
 Чшобъ полная спрасшей, ведя ихъ ушонченно,
 Имѣла дѣйствіе одно съ другимъ сцѣпленно.

Иди не уклонясь пупями еспешива, 2.
 И смысла не неси на жертву шушовсхва. 1.
 Въ Теренціи замѣть опца съ влюбленнымъ сыномъ,
 Какъ учипъ онъ его бышь спрасши господиномъ;
 Какъ спрасшный юноша, едва спарикъ умолкъ
 Лещипъ къ возлюбленной забышь его урокъ.
 Не списки вижу съ лицъ; но лица неподложны:
 420. То испинный ошець,—любовникъ, сынъ неложный.

Любезны въ зрѣлищѣ писатели мнѣ шѣ,
 Которы языка и слога въ чистотѣ
 И здравый смыслъ храня, лишь имъ однимъ прель-
 щаюшъ.

Но шѣ забавники, которы только знаютъ, }
 Нечиспо пошупипъ въ двусмысленныхъ словахъ, } 1.
 Пускай себѣ идущъ блисшатъ на площадяхъ:
 Пущъ въ плоской остротѣ бармочашъ ахиною,
 Смѣшатъ и веселяшъ лакеевъ праздныхъ ею.

Ne se perde jamais dans une scene vuide;
 Que son style humble et doux se releve à propos;
 410. Que ses discours, par-tout fertiles en bons mots,
 Soient pleins de passions finement maniées,
 Et les scenes toujours l'une à l'autre liées.

Aux dépens du bon sens gardez de plaisanter : 1.
 Jamais de la nature il ne faut s'écarter. 2.
 Contemplez de quel air un pere dans Térence
 Vient d'un fils amoureux gourmander l'imprudence ;
 De quel air cet amant écoute ses leçons,
 Et court chez sa maîtresse oublier ces chansons.
 Ce n'est pas un portrait, une image semblable ;
 420. C'est un amant, un fils, un pere véritable.

J'aime sur le théâtre un agréable auteur
 Qui, sans se diffamer aux yeux du spectateur ,
 Plaît par la raison seule, et jamais ne la choque ;

Mais pour un faux plaisant à grossiere équivoque, }
 Qui pour me divertir n'a que la saleté , } 1.
 Qu'il s'en aille, s'il veut, sur deux treteaux monté,
 Amusant le Pont-neuf de ses sornettes fades ,
 Aux laquais assemblés jouer ses mascarades.

П Ъ С Н Ъ IV

Когда то говоряшь въ Флоренціи былъ врачъ,
Искусный лжець, болпунъ,—извѣстный всѣмъ палачъ,
И ужась разливалъ, какъ язва моровая!
Здѣсь шребоваль опца, сиропіка сынъ рыдая;
Тамъ плакаль брашъ, вдовецъ, бродящій средь могилъ;
Въ помъ кровь всю выпустиль,—шѣхъ хиной окор-
милъ.

- Грудная боль при немъ мѣнялась въ водяную,
Мигрень въ безуміе, насморкъ въ чахошку злую.
Повсюду проклятый, онъ сей бросаешь кругъ.
10. Опъ всѣхъ друзей въ гробахъ, одинъ оставшись другъ
Везешь его въ свой домъ огромный и прекрасный.
Тобыль богачъ Аббашъ, любитель зданій спраспный.
Вдругъ медикъ къ зодчесиву природный кажешъ даръ,
О замкъ говоритъ, какъ испинный Манзаръ;
Порочишь залы въ немъ передовую спѣну,
Чшобъ не былъ темень ходъ назначилъ перемѣну;
Совѣшуешь крыльцу иной дашь оборонъ.
- Другъ шлетъ за масперомъ, и самый масперъ шонъ }
Внимаешь, слушаешь,—ошибки правилъ всюду. }¹
20. Но чшобы дашь конецъ сему смѣшному чуду:

CHANT QUATRIEME.

Dans Florence jadis vivoit un médecin,
Savant hableur, dit-on, et célèbre assassin.
Lui seul y fit long-temps la publique misere;
Là le fils orphelin lui redemande un pere ;
Ici le frere pleure un frere empoisonné:
L'un meurt vuide de sang, l'autre plein de séné

Le rhume à son aspect se change en pleurésie ,
Et par lui la migraine est bientôt frénésie.
Il quitte enfin la ville, en tous lieux détesté.

10. De tous ses amis morts un seul ami resté
Le mene en sa maison de superbe structure.
C'étoit un riche abbé, fou de l'architecture.
Le médecin d'abord semble né dans cet art,
Déjà de bâtimens parle comme Mansard :
D'un salon qu'on élève il condamne la face :
Au vestibule obscur il marque une autre place ;
Approuve l'escalier tourné d'autre façon.
Son ami le conçoit, et mande son maçon.
Le maçon vient, écoute, approuve, et se corrige. } 1.
20. Enfin, pour abrégér un si plaisant prodige ,

Убійца лѣкаръ нашъ больнымъ уже не въ страхъ,—
 Уже не съ шнеперомъ; но съ циркулемъ въ рукахъ,
 Науку врачевства въ удѣлъ оставляя прочимъ,
 Изъ мерзкаго врача порядочнымъ спалъ зодчимъ.

Его примѣръ для насъ прекрасный естъ урокъ!
 Будь лучше каменщикъ, коль въ дѣлѣ семъ знашокъ.
 Нужнѣй знать масперство полезнаго искусства,
 Чѣмъ быть писателемъ безъ разума и чувства.
 Естъ лѣсвица во всѣхъ познаніяхъ другихъ,
 30. И не бесчестно быть второстепеннымъ въ нихъ;
 Но чтобъ идти путемъ поэзіи опаснымъ,
 Нѣтъ среднихъ степеней между дурнымъ съ прекра-
 снымъ.

Клю пишешь холодно, писательшъ тошъ дурной;
 Я спавлю всѣхъ дурныхъ на степеніи одной.
 Коль два писателя наносяшъ скуку шуже,
 Къ чему мнѣ раздробляшъ: *сей худѣ, а этотѣ хуже!*
 То правда, что дуракъ смѣшонъ и веселишъ;
 Холодной же рѣмачъ со скуки уморилъ,
 И сноснѣй вялости уродливая смѣлосъ.
 40. Стихъ сонный сообщитъ свою мнѣ онѣмѣлосъ.

Не возхищай себя льсщцовъ шѣхъ похвалою,
 Которые бѣгушъ усердною толпой
 Съ рѣшишельнымъ въ устахъ опредѣленьемъ: *диво!*
 Стихи, что ты прочелъ ложились въ слухъ щасливо;
 Они въ печаши тѣжъ,—но въ лучшемъ спавъ свѣту
 При взорахъ знашока теряюшъ красому.

Notre assassin renonce à son art inhumain;
 Et désormais, la regle et l'équerre à la main ,
 Laissant de Galien la science suspecte ,
 De méchant médecin devient bon architecte.

Son exemple est pour nous un précepte excellent.
 Soyez plutôt maçon, si c'est votre talent ,
 Ouvrier estimé dans un art nécessaire,
 Qu'écrivain du commun, et poète vulgaire.
 Il est dans tout autre art des degrés différents,
 30. On peut avec honneur remplir les seconds rangs;
 Mais, dans l'art dangereux de rimer et d'écrire,
 Il n'est point de degrés du médiocre au pire :

Qui dit froid écrivain dit détestable auteur.
 Boyer est à Pinchène égal pour le lecteur ;
 On ne lit guère plus Rampale et Ménardière ,
 Que Magnon, du Souhait, Corbin, et la Morlière.
 Un fou du moins fait rire, et peut nous égayer:
 Mais un froid écrivain ne sait rien qu'ennuyer.
 J'aime mieux Bergerac et sa burlesque audace
 40. Que ces vers où Motin se morfond et nous glace.

Ne vous enivrez point des éloges flatteurs
 Qu'un amas quelquefois de vains admirateurs
 Vous donne en ces réduits, prompts à crier: Merveille!
 Tel écrit récité se soutint à l'oreille ,
 Qui, dans l'impression au grand jour se montrant ,
 Ne soutient pas des yeux le regard pénétrant.

Ихъ жребій иногда бываетъ самый жалкій:
Сначала славяшся, попомъ нейдушь изъ лавки.

Рачительно внимай совѣщамъ всѣмъ равно ;
50. Не рѣдко и дуракъ промолвится умно.
Но съ одою, хошябъ внушенной Аполлономъ ,
Не кинься на того, кпо мимо шель съ поклономъ;
Примѣра не бери съ пѣвцовъ азаршныхъ пѣхъ,
Которые вездѣ, неволей ловяшъ всѣхъ
И всѣмъ свои спихи чипаюшъ велегласно.
На перекресткахъ имъ попасъ въ глаза опасно;
Въ судахъ, на торжищѣ, — и можноль? даже самъ
Укрыть ошъ Музы ихъ не силенъ Божій храмъ!

Люби судимымъ бышъ я повшоряю снова. —
60. Послушный разуму исправъ не прекословя ;
Однакоже не будь невѣжества игрой!

Не рѣдко возгордясь невѣжда мѣлочной
Находишъ все дурнымъ, по прихоти упорной;
Порочишъ лучшихъ мѣстъ слогъ смѣло-благородной:
Весь смыслъ перевернешъ! напраснобъ споришъ съ
нимъ!

Въ сужденьяхъ ложныхъ онъ споишъ неколебимъ.
Довольный самъ собой въ разсудкѣ недалекомъ ,
Мнишъ видѣшъ всѣхъ яснѣй онъ близорукимъ окомъ.
Не вѣрь словамъ его тебѣ во вредъ онѣ:
70. Ошъ мѣли бѣгая ушонешъ въ глубинѣ!

On sait de cent auteurs l'aventure tragique :
Et Gombaud tant loué garde encor la boutique.

Ecoutez tout le monde, assidu consultant :

50. Un fat quelquefois ouvre un avis important.

Quelques vers toutefois qu'Apollon vous inspire,
En tous lieux aussitôt ne courez pas les lire.
Gardez-vous d'imiter ce rimeur furieux
Qui, de ses vains écrits lecteur harmonieux,
Aborde en récitant quiconque le salue,
Et poursuit de ses vers les passants dans la rue.
Il n'est temple si saint des anges respecté
Qui soit contre sa muse un lieu de sûreté.

Je vous l'ai déjà dit, aimez qu'on vous censure,

60. Et, souple à la raison, corrigez sans murmure.

Mais ne vous rendez pas dès qu'un sot vous reprend.

Souvent dans son orgueil un subtil ignorant
Par d'injustes dégoûts combat toute une pièce,
Blâme des plus beaux vers la noble hardiesse.
On a beau réfuter ses vains raisonnements;

Son esprit se complait dans ses faux jugements ;
Et sa foible raison, de clarté dépourvue,
Pense que rien n'échappe à sa débile vue.

Ses conseils sont à craindre; et, si vous les croyez,
70. Pensant fuir un écueil, souvent vous vous noyez.

Полезенъ судія разборчивый, сшепенный,
 Ведомый разумомъ, ученьемъ озаренный,
 Чшобъ вѣрный взглядъ его ошибки шѣ опкрылъ,
 Кшоры видя самъ ты въ гордосши шайлъ.
 Лишь онъ рѣшишь швои сомнѣнїя незрѣлы
 И духу робкому дасъ шочные предѣлы.
 Лишь онъ шаспливый сей внушишь тебѣ возшоргъ,
 Кшорымъ иногда опшажный умъ возмогъ
 Суровыя въ пуши преодолѣшь препоны:

80. Сшѣсненнй правиломъ, шмягчишь его законы.
 Но здравый судія естъ самый рѣдкїй кладъ;
 Тотъ пишеть съ легкосшью; но судишь на угадъ;
 Тотъ Лирою своею вездѣ себя прославиль:
 Но славныхъ Лириковъ съ дурными рядомъ шпавиль.

Склонише слухъ къ моимъ, писашели, словамъ!
 Угодноль въ вымыслахъ блишашъ богашыхъ вамъ?
 Уроки ушладя познаниемъ всюду зрѣлымъ
 Сшяжише прочное, полезное съ веселымъ!

- Чшашель мыслящїй бѣжишь забавъ пусшыхъ:
 90. Онъ пользу мнишь извлечъ и изъ забавъ своихъ.

Чшобъ нравовъ и души, какъ вѣрныя скрижали,
 Твоимъ достшшншвомъ спихи швои дышали.
 Я краснорѣчїя не уважаю въ шомъ,
 Кшо чесши измѣня пресшупнѣйшимъ перомъ,
 Врагъ добродѣтели! въ свои виновны шпроки,
 Лиеть опасный ядъ, украся мнѣ пороки.

Но я и не въ числѣ суровыхъ сихъ умовъ,

Faites choix d'un censeur solide et salutaire
 Que la raison conduise et le savoir éclaire,
 Et dont le crayon sûr d'abord aille chercher
 L'endroit que l'on sent foible, et qu'on se veut cacher.
 Lui seul éclaircira vos doutes ridicules,
 De votre esprit tremblant levera les scrupules.
 C'est lui qui vous dira par quel transport heureux
 Quelquefois dans sa course un esprit vigoureux
 Trop resserré par l'art sort des regles prescrites ,
 80. Et de l'art même apprend à franchir leurs limites.
 Mais ce parfait censeur se trouve rarement.
 Tel excelle à rimer qui juge sottement:
 Tel s'est fait par ses vers distinguer dans la ville,
 Qui jamais de Lucain n'a distingué Virgile.

Auteurs, prêtez l'oreille à mes instructions.
 Voulez-vous faire aimer vos riches fictions?
 Qu'en savantes leçons votre muse fertile
 Par-tout joigne au plaisant le solide et l'utile.
 Un lecteur sage fuit un vain amusement,
 90. Et veut mettre à profit son divertissement.

Que votre ame et vos moeurs, peintes dans vos ouvrages,
 N'offrent jamais de vous que de nobles images.
 Je ne puis estimer ces dangereux auteurs
 Qui de l'honneur, en vers, infâmes déserteurs ,
 Trahissant la vertu sur un papier coupable,
 Aux yeux de leurs lecteurs rendent le vice aimable.

Je ne suis pas pourtant de ces tristes esprits

Что спрасить любовную, изгнавши изъ стиховъ,
 Лишающъ зрѣлище убранствъ пріятныхъ взору,
 100. Смертоубійцами Алонза чпущъ и Кору.

Любовь порочная, пріемля скромный видъ,
 Поспѣдныхъ помысловъ въ душѣ не возродитъ.
 Миѣ прелестъ не спрашна опчаянной Дидоны;
 Равно ее виню и раздѣляя споны.

Писашель, чымъ перомъ, лишь водишь честъ сама,
 На душу дѣйствуя не развратишь ума,
 И отъ огня его не вспыхнушь вредны спраси.
 Чпи добродѣтели,—будь весь у нихъ во власти!
 Вошчетвойбудешъумъсь доспоинспивомъблисашъ;
 110. Стихъ сердца низосшю не престаешь дышашъ.

Чтобъ подлой зависши, разсудковъ слабыхъ жала, }
 Всегда душа швоя съ презрѣніемъ бѣжала. } 1.

Не спрашенъ сей порокъ изящному уму:
 Одна посредственностъ впадаетъ въ сѣнь къ нему.
 Таланшовъ скрытый врагъ, она въ пронырствахъ
 шайныхъ,

Ихъ въ подозрѣніе приводишь у случайныхъ, —
 И щещно сися возвыситься до нихъ,
 Чтобъ спашъ имъ на равнѣ унизишь ищещъ ихъ.
 Да будущъ презрѣны сіи крамолы нами;

120. Къ честямъ да не взойдемъ предапельсхва спезями!

Не чпи поэзію за промыслъ свой одинъ;
 Будь вмѣстѣ вѣрный другъ и честный гражданинъ.
 Любезнымъ въ книгѣ слышь не верхъ еще побѣды!

Qui, bannissant l'amour de tous chastes écrits,
 D'un si riche ornement veulent priver la scene;
 100. Traitent d'empoisonneurs et Rodrigue et Chimene.
 L'amour le moins honnête exprimé chastement
 N'excite point en nous de honteux mouvement.
 Didon a beau gémir et m'étaler ses charmes;
 Je condamne sa faute en partageant ses larmes.

Un auteur vertueux, dans ses vers innocents,
 Ne corrompt point le coeur en chatouillant les sens:
 Son feu n'allume point de criminelle flamme.
 Aimez donc la vertu, nourrissez-en votre ame:
 En vain l'esprit est plein d'une noble vigueur;
 110. Le vers se sent toujours des bassesses du coeur.

Fuyez sur-tout, fuyez, ces basses jalousies ,   }
 Des vulgaires esprits malignes frénésies.   } 1.
 Un sublime écrivain n'en peut être infecté;
 C'est un vice qui suit la médiocrité.
 Du mérite éclatant cette sombre rivale

Contre lui chez les grands incessamment cabale;
 Et, sur les pieds en vain tâchant de se hausser ,
 Pour s'égalér à lui cherche à le rabaisser.
 Ne descendons jamais dans ces lâches intrigues :
 120. N'allons point à l'honneur par de honteuses brigues.

Que les vers ne soient pas votre éternel emploi.
 Cultivez vos amis, soyez homme de foi:
 C'est peu d'être agréable et charmant dans un livre;

Равно и жишь учишь и услаждашь бесѣды.

Пиши не изъ наградъ, для славы твоей,
И подлаго въ виду прибышка не имѣй!
Я мню, что безъ снѣда, и гордый разумъ вправѣ
Спяжашъ несому дань достоинствамъ и славѣ;
Но не могу шерпѣшь, кто даръ пускаешъ въ торгъ,
130. По лавкамъ носишь Музъ на куплю иль въ залогъ, 2.
Пресыпшася почесью, спремись какъ зла пущъ жаромъ, 1.
И Геніемъ своимъ владѣешь, какъ товаромъ.

Пока словесныхъ умъ былъ въ рѣчь не облеченъ,
И ихъ не озарялъ закономъ изъ письменъ;
Всякъ правился тогда насиліемъ природы.
Разсѣянны въ лѣсахъ для добычи народы,
За данныя права щипали крѣпость силъ:
Убийца ужасы безъ казни разносилъ.
Но рѣчь явилася и сладостъ вшевши въ слово,
140. Смягчила имъ какъ медъ по качеству сурово,
По дебрямъ смершныхъ родъ сзывала на дѣла,
Возвысила града, стѣною обвела,
И буйство усмиря мученьемъ спрашнымъ взору,
Въ законахъ подала невинности опору.
Порядокъ сей стиховъ, какъ говорящъ, былъ плодъ.
Отсюда перешло преданіе въ народъ,
Что нѣжность ощуща, на гласы Муссикійски,
Къ Орфеевымъ споамъ спекались львы Фракійски,
Что Амфіону внявъ, подъ звучный арфы спрой,
150. Въ порядкѣ камни шли, вокругъ Фивъ ложась стѣной.
Согласіе чудесъ великихъ бывъ начало,

Il faut savoir encore et converser et vivre.

Travaillez pour la gloire, et qu'un sordide gain
Ne soit jamais l'objet d'un illustre écrivain.

Je sais qu'un noble esprit peut, sans honte et sans crime,
Tirer de son travail un tribut légitime :

Mais je ne puis souffrir ces auteurs renommés

130. Qui, dégoûtés de gloire, et d'argent affamés, 1.

Mettent leur Apollon aux gages d'un libraire, 2.

Et font d'un art divin un métier mercenaire.

Avant que la raison, s'expliquant par la voix,
Eût instruit les humains, eût enseigné des lois,
Tous les hommes suivoient la grossière nature,
Dispersés dans les bois couroient à la pâture;
La force tenoit lieu de droit et d'équité;
Le meurtre s'exerçoit avec impunité.

Mais du discours enfin l'harmonieuse adresse

140. De ces sauvages moeurs adoucit la rudesse,

Rassembla les humains dans les forêts épars,

Enferma les cités de murs et de remparts,

De l'aspect du supplice effraya l'insolence,

Et sous l'appui des lois mit la foible innocence.

Cet ordre fut, dit-on, le fruit des premiers vers.

De là sont nés ces bruits reçus dans l'univers,

Qu'aux accents dont Orphée emplît les monts de Thrace

Les tigres amollis dépouilloient leur audace;

Qu'aux accords d'Amphion les pierres se mouvoient,

150. Et sur les murs Thébains en ordre s'élevoient.

L'harmonie en naissant produisit ces miracles.

- Попомъ въ Оракулахъ боговъ языкомъ спало.
 Изъ лона, препеномъ объемлемыхъ жрецовъ,
 Стихами Аполлонъ судьбу рѣшилъ градовъ.
 Подъема изъ гробницъ минувшихъ лѣтъ героевъ,
 Гомеръ возпламенялъ на подвигъ храбрыхъ воевъ;
 Къ прудамъ вель Изіодъ, ученьемъ озаривъ,
 И жашву ускорилъ лежащихъ праздно нивъ.
 Такъ мудросшъ изходя писашелей усшами,
 160. Предстала смертному одѣшая стихами;
 Какъ вишязъ шествуя среди однѣхъ побѣдъ,
 Вшекая черезъ слухъ, снискала къ сердцу слѣдъ.
 За блага Музами столь щедро проліянны,
 Къ богамъ причислили ихъ Греки благодарны.
 Поборники наукъ во всѣхъ концахъ земли,
 Воздвигнувъ олтари, имъ жершвы понесли.
 Но бѣднотъ шощая съ ярмомъ явилась нужды:
 Величіе и честъ Парнасу спали чужды.
 Корысшъ зависшый взоръ бросаю на сребро,
 170. Къ сплешенью грубой лжи направила перо,
 Ничтожныхъ пысячу швореній породила,
 Сосшавя шоргъ изъ словъ въ продажу рѣчь пушила.

Не унижай себя порокомъ подлымъ симъ!
 Кошь золото избралъ шы идоломъ своимъ,
 Бѣги опъ зланныхъ мѣспъ Пермесь гдѣ прошекаетъ!
 Не на его брегахъ богашство обитаешъ!
 Съ героемъ доблешный равняешъ піишъ:
 Безсмертіе и лаврь имъ шолько Фребъ сулишъ!

Depuis, le ciel en vers fit parler les oracles ;
 Du sein d'un prêtre, ému d'une divine horreur,
 Apollon par des vers exhala sa fureur.
 Bientôt, ressuscitant les héros des vieux âges,
 Homere aux grands exploits anima les courages.
 Hésiode à son tour, par d'utiles leçons ,
 Des champs trop paresseux vint hâter les moissons.
 En mille écrits fameux la sagesse tracée

160. Fut, à l'aide des vers, aux mortels annoncée ;
 Et par-tout des esprits ses préceptes vainqueurs,
 Introduits par l'oreille, entrèrent dans les coeurs.
 Pour tant d'heureux bienfaits les muses révérees
 Furent d'un juste encens dans la Grece honorées
 Et leur art, attirant le culte des mortels ,
 A sa gloire en cent lieux vit dresser des autels.
 Mais enfin, l'indigence amenant la bassesse,
 Le Parnasse oublia sa premiere noblesse.
 Un vil amour du gain, infectant les esprits,
 170. De mensonges grossiers souilla tous les écrits ;
 Et par-tout, enfantant mille ouvrages frivoles ,
 Trafiqua du discours et vendit les paroles.

Ne vous flétrissez point par un vice si bas.
 Si l'or seul a pour vous d'invincibles appas,
 Fuyez ces lieux charmants qu'arrose le Permesse :
 Ce n'est point sur ses bords qu'habite la richesse.
 Aux plus savants auteurs, comme aux plus grands guerriers,
 Apollon ne promet qu'un nom et des lauriers.

Но Муза изпостяся и голодомъ помима ,
 130. Не можешъ, говоряшъ, насыпиться опъ дыма!
 Въ нашъ вѣкъ писатели гнѣшомы нуждой злой,
 Встрѣчаясь на пощакъ съ вечернею звѣздой ,
 Прогулкѣ на Парнасъ, едвали будущъ рады!
 Горацію обѣдъ гошовили Менады.
 Въ свободѣ опъ забошъ, грызущихъ бѣдняка,
 Не бѣгалъ по домамъ для хлѣба онъ куска.
 О, Муза! ободрись, и грубой презри чернью !
 На тронѣ слышу гласъ, зовущій къ просвѣщенью.

Mais quoi ! dans la disette une muse affamée
 180. Ne peut pas, dira-t-on, subsister de fumée ;
 Un auteur qui, pressé d'un besoin importun ,
 Le soir entend crier ses entrailles à jeun,
 Goûte peu d'Hélicon les douces promenades :
 Horace a bu son soul quand il voit les Ménades ;
 Et, libre du souci qui trouble Colletet ,
 N'attend pas pour dîner le succès d'un sonnet.

Il est vrai : mais enfin cette affreuse disgrâce
 Rarement parmi nous afflige le Parnasse.
 Et que craindre en ce siècle, où toujours les beaux arts
 190. D'un astre favorable éprouvent les regards ;
 Où d'un prince éclairé la sage prévoyance
 Fait par-tout au mérite ignorer l'indigence ?

Muses, dictiez sa gloire à tous vos nourrissons :
 Son nom vaut mieux pour eux que toutes vos leçons.
 Que Corneille, pour lui rallumant son audace ,
 Soit encor le Corneille et du Cid et d'Horace :
 Que Racine, enfantant des miracles nouveaux ,
 De ses héros sur lui forme tous les tableaux :
 Que de son nom, chanté par la bouche des belles ,
 200. Benserade en tous lieux amuse les ruelles :
 Que Segrais dans l'églogue en charme les forêts ;
 Que pour lui l'épigramme aiguisse tous ses traits.
 Mais quel heureux auteur, dans une autre Enéide ,
 Aux bords du Rhin tremblant conduira ces Alcide ?
 Quelle savante lyre au bruit de ses exploits
 Fera marcher encor les rochers et les bois ;

Chantera le Batave, éperdu dans l'orage ,
 Soi-même se noyant pour sortir du naufrage;
 Dira les bataillons sous Mastricht enterrés ,
 Dans ces affreux assauts du soleil éclairés?

210. Mais tandis que je parle, une gloire nouvelle
 Vers ce vainqueur rapide aux Alpes vous appelle.
 Déjà Dole et Salins sous le joug ont ployé;
 Besançon fume encor sous son roc foudroyé.
 Où sons ces grands guerriers dont les fatales ligues
 Devoient à ce torrent opposer tant de digues?
 Est-ce encore en fuyant qu'ils pensent l'arrêter,
 Fiers du honteux honneur d'avoir su l'éviter?
 Que de remparts détruits! que de villes forcées!
220. Que de moissons de gloire en courant amassées!

Auteurs, pour les chanter redoublez vos transports:
 Le sujet ne veut pas de vulgaires efforts.

- Pour moi, qui, jusqu'ici nourri dans la satire,
 N'ose encor manier la trompette et la lyre ,
 Vous me verrez pourtant, dans ce champ glorieux ,
 Vous animer du moins de la voix et des yeux;
 Vous offrir ces leçons que ma muse au Parnasse
 Rapporta, jenne encor, du commerce d'Horace ;
 Seconder votre ardeur, échauffer vos esprits ,
230. Et vous montrer de loin la couronne et le prix.
 Mais aussi pardonnez, si, plein de ce beau zele,
 De tous vos pas fameux observateur fidele,
 Quelquefois du bon or je sépare le faux ,

Et des auteurs grossiers j'attaque les défauts:
Censeur un peu fâcheux, mais souvent nécessaire ,
Plus enclin à blâmer, que savant à bien faire.

ПАДЕНІЕ ФАЕТОНА.

БАСНОСЛОВНАЯ ПОВѢСТЬ.

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

Милостивому Государю

НИКОЛАЮ СЕМЕНОВИЧУ

МОРДВИНОВУ,

Въ знакъ глубочайшаго почтенія и преданности посвящаетъ Сочинительница.

П Ъ С Н Ъ 1.

Хочу продерзость пѣть младаго Фаетона ,
Одну
Премногихъ бѣдъ вину,
Причину опческаго спона,
Роппанья на боговъ ,
Погибели градовъ,
Его съ высотъ паденья,
И міру цѣлому грозяща разрушенья.

О вы ! копорыми подлунный славень свѣпъ,
Съ моимъ чпо Фаетономъ сходны, —
Копорые всегда на подвигъ, на совѣпъ,
Къ кормилу, къ посоху, къ броздамъ равно пригодны :
Сберишеса ко мнѣ, для васъ пою.
Но ахъ ! шакіе вамъ прошивны сказки !
Вы дѣлапъ ищете привязки ,
На пѣснь мою,
За грубость, сухость содержанья,
За мрачну пѣнь картинъ ,
За множеспиво причинъ ,
И сиюющихъ, и нѣпъ пѣвицѣ нареканья ;

Для слуха вашего напѣвъ ея суровъ!
 Ни вы, покорные любви всемогущей власни,
 Млѣшь, паяшь, пламенѣшь, привыкшіе средь спрасши,
 Сердечныхъ въ пѣсни сей не найдете оковъ!
 Съ моей цѣвницы вамъ повѣяшь сонъ гошовъ!

Тебѣ, и опышомъ, и свѣшомъ умудренный,
 Прешекшему лѣша несбычивыхъ химеръ,
 Любви родительской предшавлю я примѣръ:
     Ты сердцемъ ближе къ ней!
     Тебя кипучихъ ядъ спрасшей
     Не оправляешь болѣ,
 И цѣпи миршовой не увлекушь къ неволѣ!

Воззри, о дневное, воззри ко мнѣ свѣшило!
 Когда намѣренье предпринимаемое мной
     Тебя не раздражило,
 Пролей свой яркій лучъ на темный разумъ мой,
     И возблиспай ярче!
 А ты, что силой успѣ громовъ громче,
 Крошчае ручейка текуща средь луговъ,
 Спрасниче горлиники, въ глухой спѣвающей чащѣ,
     Медовъ Гимешскихъ слаще,
     Прияшнѣй вѣшперковъ,
 Ельвирѣ, въ знойной день прилегшей къ водопаду,
     На грудь свѣвающихъ прохладу
 И рѣзвыя вокругъ ней собирающихъ мечты,
     Назовъ! себя я призываю!
     Твои преданья пѣшь желаю;

Творецъ ихъ ты!

Дай спройность своего и проспошу мнѣ гласа!

Чтобъ я, вознесшись въ высошы

Двухолмага Парнасса

Харить не привела на гнѣвъ,

И робкой пѣсни сей нехипроспный напѣвъ

Соопчицей моихъ спяжать могъ одобренье!

Вѣнецъ мой: ихъ хвала; а цѣль: ихъ утѣшенье.

*

Во мракѣ древности сѣдой,

Какъ Скиѣски, Гречески, Египетскіе боги

Бѣжали въ дальнія съ мірянами дороги,

И съ ними пищею пиналися одной;

Какъ всякой могъ ласкаться

Имѣшь чesнь божеской побихымъ бышь рукой;

И самъ взаимно съ нимъ подрашься;

Какъ боги у людей, и порознь и шолпой;

На пиръ изволили собираться:

Кшо конной, — кшо пѣшкомъ,

Со всякимъ говоря понятнымъ языкомъ;

Тогда, въ спранѣ роскошнаго востока,

Сшоялъ блестящій Солнцевъ домъ.

Вода прозрачнаго потока,

Его подножный холмъ

Изъ шрехъ ручьевъ поила.

Въ одномъ, пророческа хранилась сила;

Въ другомъ, даръ къ пѣнію и мыслей чистота;

А шрешымъ, немощей цѣлилась пягоша.

Чишатель вѣдаетъ богатство спранъ восточныхъ;

Но сей каковъ былъ уголокъ,
 Чтوبъ данъ о немъ исправный толкъ,
 И словъ не приберу я почныхъ;
 Да въ Рускомъ даже ихъ не сыщешь словарь:
 За тѣмъ, что здѣсь, по разности климата,
 Вещей подобныхъ нѣтъ и при дворѣ,
 Какими ша земля изъ края въ край богата;
 Чего же мы не можемъ знать,
 Не можемъ и назвать.

Но чпобы не было и мѣста къ нареканью,
 Припомню я, что Фебъ, по древнему преданью,
 Считался спройности общеспвенной виной,
 И зримаго всего согласія пружиною;
 Чшо Солнце и у насъ считается причиной
 Распишельности шѣлъ бездушныхъ и съ душой.

Теперь уразумѣть не трудно,
 Колико Солнцевъ былъ споличный градъ
 Соспроенъ чудно,
 И съ прочими на разный ладъ.
 И шакъ, чишателью не въ гнѣвъ и не въ досаду,
 Прейду молчаніемъ сборъ дивныхъ всѣхъ вещей,
 Представя взгляду,
 Чшо только попросишь;
 Но вкращѣ, мимоходомъ.

Тамъ юная весна
 Въ союзѣ съ круглымъ годомъ
 Повсюду зрѣлася одна.

Тамъ розы, ландыши, лилеи и жасмины,
 Съ зарею каждою являясь на долины
     Цвѣли чрезъ всѣ годичны дни;
     И блющъ, лобзая павилику,
         Вѣнчалъ угрюмы пни,
 Ихъ скудоспи въ покровъ, а не въ улику.
 Тамъ легки бабочки вѣясь въ кругахъ,
     Со златомъ на крылахъ,
 Лазурныхъ, сребренныхъ,—иной какъ здѣсь породы,
     Какихъ шеперь и на воспокѣ нѣшъ,
         Хозяину въ привѣшъ
 Водили въ воздухѣ веселы короводы.
     Тамъ малые звѣрки
 Спадами бѣгали съ долинъ на бугорки,
 Какъ всѣ одной семьи, хошъ были разнородны.
     Тамъ шоки водны,
     Въ прозрачныхъ обласпахъ своихъ,
     Пипали рыбъ цвѣпныхъ,
     Большой и малой мѣры,
 Копоры спаями гуляя по волнамъ
     Являлись шамъ,
 Тѣ съ алой чешуей, а тѣ голубоперы;
 Одиѣ, какъ въ радугѣ; другія какъ въ звѣздахъ.
     Повсюду въ рощахъ и лѣсахъ
 Согласно пѣніе пернатыхъ раздавалось,
     Прибрежнымъ эхомъ повторялось,
     Съ журчаньемъ ручейковъ сливалось,
         И не глушило ихъ.
 Природа въ ужасахъ нѣмѣла шамъ своихъ!

Борей не пѣня водъ сѣдыхъ
     Дремаль, въ цвѣсточныхъ сѣпкахъ;
 И водопадъ шумѣшь не смѣль.
 Тамъ звонкій голосъ Филомель,
 Былъ тише голоса, поющихъ здѣсь на вѣпкахъ,
     И даже въ клешкахъ.
 Но былъ ли отъ того дурнѣй?
 Нѣшь, нѣшь! онъ былъ приянѣ, милѣй;
 Онъ сердце,—такъ скажешь,—не явно бралъ, украдкой;
     Развѣживаль, томилъ,
     Унынье, шрепешъ лилъ,
     Воспоргъ мѣшая съ ними сладкой,
 И вяшно выражалъ: люблю—люблю себя!
     Тамъ лозы съ лозами шепшали;
     Другъ друга листики ласкали,
     Какъ будто бы любя.
     Тамъ вѣпры съ вѣпрами свивались,
     Предъ Солнцемъ падши усмирялись;
 Тамъ словомъ, нѣгой все и крошостью дыша,
 Въ холодный даже умъ вливая умиленье,
     Являло, что во всемъ швореньѣ
 Одна согласія хранилася душа.

*

Въ сіи-то обласни щастливы,
 Постыдный на челѣ неся упрекъ,
     Младый, неопытный, кичливый,
 Съ продерзкимъ Фасшономъ намѣренъеъ пришекъ.

Чшо Фаешонъ былъ гордъ, властипшелецъ, опшважентъ.
Да будешъ нѣсколько чшпашелемъ уважентъ

Его къ шому предлогъ:

Онъ родомъ полубогъ;

А роду и у насъ не измѣнились цѣны.

Сей Фаешонъ рожденъ опъ Солнца и Климены,

Одной изъ Еѳіопскихъ дѣвъ,

Кшпора по словамъ писателей всѣхъ шстрогихъ, —

Россійскимъ дѣвамъ не во гнѣвъ, —

Была изъ нихъ бѣлѣе многихъ,

И рѣдкой красоты.

Извѣстно, что и всѣ Арабски поколѣнья

До Фаешонова паденья

Не знали черноты.

И такъ, раненько Фаешонъ
Провѣдалъ, что его родитель

Есть свѣшлый небожитель;

Раненькожъ онъ

И приобыкъ гордиться,

Шумѣть, бранишься,

Въ ничто сосѣдей чшишь;

А кшо поспоришь, и побить.

Привычка та была имъ не находка.

Одинъ царіѡкъ, шогоже околѡдка,

По имени Эпафъ,

Щипаясь Зевсовымъ рожденьемъ,

И Фаешона самъ не ниже поколѣньемъ,

Желая укротить его упорный нравъ ,

Сказалъ ему въ упрекъ и всенародно :

„Ты мыслишь, юноша, бышь Солнцевъ сынъ ;

„Но ахъ! пакъ мыслишь шы одинъ :

„Иное Небесамъ во славу ихъ угодно !

„Опець швой естъ Меропсъ , супругъ смиренный сей

„Климены, машери швоей ;

„Не пошь, что яркій свѣтъ на землю проливаетъ,—

„Нась грѣшь, озаряетъ ,

Течетъ, какъ Исполинъ надъ швердью, надъ луной ; —

„Но съ нами что ходишь изволишь долу“.—

Умолкъ,—и рѣчь свершилъ улыбкой злой;

А Фаешонъ, какъ будто бы нѣмой ,

Попуя въ землю взоръ, подобно женску полу ,

Смиряся, — отъ спыда и гнѣва покраснѣлъ.

Онъ знаковъ своего рожденья не имѣлъ ,

То чѣмъ же опразишь обидныя могъ рѣчи?

О Фаешонъ! забудь неправедный укоръ !

Намъ собсшвенны дѣла,—не чужда брань въ позоръ !

Но ахъ! и гнѣвъ, и спѣсь,—золъ будущихъ предшечи ,

Въ опшажномъ юношѣ похишили покой !

Грызомый люпою поской ,

И въ думу мрачну погруженный ,

Въ дремучихъ онъ лѣсахъ скипаетъ одинъ .

Тамъ гнѣвъ,—душъ слабыхъ власшелинъ ,

Сварливостью возженный ,

Какъ пламенникъ въ груди его горитъ ;

Съ покрышыхъ блѣдношью ланишь ,

Надменность падшая льетъ горькихъ слезъ попоки;

Спыдъ раны сердцу вновь даетъ глубоки ,

А месъ ослабшій духъ бодрить.

„Пойду, онъ говоритъ , вонжу кинжалъ злодѣю. . .

„Но смерть Эпафова не смоешь спыдъ съ чела !

„Омытъ его возмогутъ лишь дѣла !

„Породу доказавъ, оправданъ буду ею.

„Принужу! . . но увы ! несчастный я !

„Что спанется со мной, когда Климена,

„Прелестна мать моя“

Тупъ мыслей новая родилась въ немъ премѣна ;

Не къ меспи,—къ подвигамъ спремится мой герой.

Наполняя мыслью шой ,

Идетъ къ Клименѣ онъ въ ея чертоги царски ,

И падаетъ на выю къ ней.

Когда же испошилъ, какъ водился, всѣ ласки ,

Которыхъ каждая мать желаетъ опъ дѣшей ;

Какъ въ перси, и въ уста; и въ очи, и въ ланишы

Онъ рождшую его несчетно цѣловаль ,

Тогда со вздохомъ ей сказалъ :

„Я! сынъ швой Фаспонъ, переносу обиды!

„О мать моя! швой сынъ покрывъ спыдомъ!

„Униженъ я врагомъ :

„И спыдъ мой кровію врага сего не смою!

„И врагъ сей презираетъ мною!

„Позоръ! позоръ!

„Почто толико посрамленной

„Я не былъ поглощенъ Геенной?

„Почто еще къ тебѣ могу возвестъ я взоръ?

„Почто не на берегахъ я мрачнаго Коциша?

„Но ахъ! безславыю край

„Не можешь положишь ни Лепша знамениша!

„То Фаешонъ ли былъ? — Внимай:

„Постыднымъ я молчаньемъ,

„Какъ будто бы признаньемъ

„Безчестью своему самъ истины даль видъ!

„Войдя въ сообщество съ моими самъ врагами,

„На опраженіе обидъ

„Я двинушь не посмѣлъ усами,

„И жду, когда ихъ ты изволишь разрѣшишь!

„Эпифъ, что мнишь себя опъ Дія бышь,

„Языкъ свой изоцря злословной,

„Не только Солнцевымъ рожденьемъ не назвалъ:

„Но даже изъ его блестящей родословной

„Какъ чуждаго меня изгналъ!

„Чтожь сдѣлалъ я тогда? — смолчалъ.

„Но ты, коль точно я обязанъ жизнью богу,

„Яви, о мать моя! того неложный знакъ!

„И съ небожипелемъ открывъ свой бракъ

„Открой къ опмщенью мнѣ дорогу!

„Представъ меня сему сомнительну опцу,

„Да узрю разъ хопя лицомъ его къ лицу“. —

Тутъ слезъ два теплые пошока

Изъ глазъ у юноши пустились съ быспрошой.

Климена нѣжною оперши ихъ рукой,

И видя сколь печаль его жестока,

Взведя на Солнце взоръ, шакъ слово начала: —

„Свѣпиломъ блещущимъ съ горящаго чела
 „Вѣнцемъ въ Эфирѣ благошворнымъ,
 „Ліющимъ свѣшъ
 „Къ благимъ и злобнымъ :
 „Симъ вѣрнымъ мѣриломъ часовъ и лѣтъ,
 „Которо отъ вѣковъ печешъ не упомляясь,
 „Дробится на струи не умаляясь,
 „И несгараемо горитъ!
 „Свѣпиломъ міру равноденнымъ,
 „Но юнымъ въ образѣ, и въ сущности неплѣннымъ,
 „Которо съ высошы на насъ ничтожныхъ зрѣтъ!
 „Свѣпиломъ симъ, мой сынъ! клянусь:
 „Оно твоихъ виновникъ дней!
 „Коль истину скрываю лжей,
 „Да слова не сверша я зрѣнія лишуся,
 „Боговъ неправдой оскорблю,
 „И казнь себѣ успрою скору!
 „На прозбу я твою благоволю.
 „Иди,—предстань опеческому взору:
 „Пускай неложный сей отецъ,
 „Сомнѣньямъ положи конецъ,
 „Во славу для тебя, — Клименъ для защиты,
 „Твой родъ ошкроешь знаменитый,
 „И свяжешь клеветѣ языкъ.
 „Иди! сей пушъ великъ,
 „Но полонъ красоты! невѣдомъ, но не трудень!
 „Къ востоку отъ полудень,
 „Предѣлъ моей земли
 „Граничишь съ Солнцевой столицей.

„Въ предлѣжной зрѣнію дали,
 „За сей границей,
 „Споишь опъ вѣка Солнцевъ домъ ,
 „Рукою Діевой созданный.
 „Туда, опець швой лучезарный ,
 „Авророй предъидомъ,
 „По пыгоспныхъ шрудахъ склоняеишя къ покою.
 „Иди, мой сынъ! иди, благословенный мною!“

Свершила,—и еще единый разъ,
 Два перла выроня изъ 'глазъ,
 У сердца юношу въ объятіяхъ спѣснила ;
 Къ ушамъ его свои горящи прилѣпила
 Еще единый разъ :
 Единый,—и увы! послѣдній ;

О мать! несчастна мать!
 Когдабъ могла познашь
 Безумство шы его хопѣній ;
 Когдабъ его постигшій рокъ
 Твой умъ предвидѣшь могъ ;
 На сердцѣ, гдѣ его такъ крѣпко прижимала,
 Тыбъ долѣи удержала! —
 И какъ произошелъ обманъ шакой,
 Чшо сердце маиери родной,
 На ту бѣду смолчало:
 Изъ вѣщаго, невѣщимъ спало?
 Но видно было такъ угодно Небесамъ!
 Чишашель! вѣдаешъ шы самъ,
 Какъ часшо къ собшвенной спремимся мы напасти,

И въ равной, два пущи имѣя власпи:
Одинъ ко счасію, — другой къ бѣдамъ
Беремъ съ веселоспью для насъ копорый хуже?

Климена въ учасъ впала шуже,
И милова сынка пустила погибать.

А онъ опъ радоспи безмѣрной,
И руку матери забывъ поцѣловать,
И взрослыхъ съ нимъ друзей въ любви нелицемѣрной,
И связанныхъ родствомъ изъ памяти изгнавъ,
Бѣжитъ къ гибели пущами славы шумной,
Прощальныхъ никому поклоновъ не отдавъ,
Какъ будшо полоумной.

П Ъ С Н Ы П.

На мѣлкихъ, какъ песокъ, сыпучихъ хрушалахъ,

О равныхъ чешырехъ бокахъ,

Чертогу Солнцеву служащій основаньемъ,

Лишь Солнца одного скуднѣй блистаньемъ,

Изъ лапа былъ помостъ искусивенно сліянъ,

Съ семью ступенями, со всѣхъ чешырехъ спранъ

Ведущими въ присѣны.

Отъ самаго помоста до верховъ,

Слонова чиста кость, бѣлѣйшая снѣговъ,

Чертога составляла спѣны,

И лоскомъ Солнечный переломляя лучъ

Бросала по въ хрусталь, по въ бьющій близко ключъ,

Глядясь въ прозрачны воды.

Изъ лапа вылипые своды

Безъ выпусковъ, рѣзбы, въ возможной простотѣ,

Вершили спѣны пѣ

Подобно полушару.

Ступеней на концѣ, одинъ другому въ пару,

Шестнадцать каждой бокъ въ ряду имѣлъ сполповъ,

Минервы мудрыя прудовъ,

Изъ цѣльнаго алмаза изсѣченныхъ;

Но гладкихъ, неграненыхъ. —

Такою зримою повсюду проспектою,
 Художники, я мню, условясь межъ собой,
     Потворствовашъ другъ другу,
     Чтобы другъ другу не вредить,
     Спарались просты бышь,
 Взаимную себѣ являя пѣмъ услугу.
 Иль, можешь, предпріявъ искусство ушайшь,
 Надѣялись они поддѣлаться къ природѣ,
     Пустишь молву въ народѣ,
 Что спѣны, сводѣ, столпы, спупени и помощъ,
 Есть дивная игра единого случая,
 А случай и въ игрѣ всегда бываетъ простъ.
 Одинъ лишь тамъ себя опъ прочихъ опличая,
     Казалъ на выставку Вулканъ
     Въ прехипростной работѣ.
 За пѣмъ ли, чѣмъ вознесъ кузнечный санъ;
 За славоюль гонясь, иль просто по охотѣ;
     Въ досаду ли врагу,
     Я вѣдашь почно не могу;
 Лишь знаю, что не всѣ, кто славою гремяли,
     Ко славѣ пламеняли:
     Ихъ кисти, молошны, рѣзцы,
     Для разной избирались цѣли;
 И зодчіе, ваятели, пѣвцы,
     Каменосѣки,
 Руководилися во всѣ, какъ въ наши вѣки,
     Различіемъ пружинъ.
 Стремясь прославиться одинъ;
     Другой рѣшъ скуки;

Иной любя науки ;
 Иной металла звуки ;
 Тотъ спалъ художникомъ, чшобъ многихъ превзойтишь ;
 А тотъ, чшобъ милой угодишь,
 Иль нѣсколько ея прибавишь славы.
 У всякаго свой вкусъ, свои и нравы !
 Но время рѣчь опяшь къ Вулкану обратишь
 На дивныя его работы.

Къ чертогамъ на воспокъ самъ богъ сей изваялъ
 Серебрены врапа, шиликія доброшы,
 Чшо вещью низшею счишался въ нихъ металль.

Вселенная, съ земнымъ богатымъ шаромъ ,
 Съ луной, съ звѣздами въ небесахъ,
 Ваятеля пречуднымъ даромъ
 Была на шѣхъ представлена врапахъ ,
 Какъ будшо міръ двоякій.

Полшара правая казала врашь спрана :

Надъ нимъ склоненна швердь, луна,
 Небесна зодіака знаки ,
 Числомъ раздѣльнымъ шесшь ;

Полшара лѣвая, — въ такомъже чинѣ.

Людей, пернашыхъ, скошъ, и самыхъ рыбъ въ пучинѣ
 Рука художника умѣла произвесшь.

Тамъ зрѣлись всѣ земныя царшва ;
 Безсмершвыхъ олшари, въ величїи своемъ,
 (Едины смершнаго незыблемы богашшва)

Курились жершвеннымъ огнемъ :
 Народъ толпился къ нимъ чрезъ разныя дороги.

Въ лѣсахъ и по полямъ,
 Съ приличной важностью богамъ,
 Повсюду сельскіе присуществовали боги.
 У ногъ ихъ въ кошницахъ поставлены плоды,
 И съ медомъ сопы.
 Средь рощей съ Нимфами рѣзвились Эрошы.
 Пропея ложный ликъ казался изъ воды,
 И силился еще принявъ различны виды.
 Гадашельный Нерей, Дорида, Нерейды,
 Копорыхъ Греція считаешь болѣй спа,
 Тамъ были собраны на зыби Океана.
 Сихъ видны лишь главы; пѣ зрѣлися въ полспана;
 Тѣ въ дальни плавали мѣспа,
 Гдѣ громогласные служили имъ Тришоны;
 Тѣ къ рыбамъ на хребты садились безъ препоны.
 Иныя кроясь въ камышахъ,
 Сушили волосы лежащи на плечахъ.
 Борей, Эоль, Зефиры, Эвры, Ношы,
 Стрегли скалы и грошы, —
 И каждый въ собственномъ изваянь былъ лицѣ.

Клименивъ сынъ, по странствіи премногомъ,
 Явился на крыльцѣ
 Предъ Солнцевымъ чершогомъ.
 Сей богъ, гошовась въ путь, средь храмины сидѣлъ
 На тронѣ алаго рубина.
 Всѣ боги, меньшаго по качеству ихъ чина,
 Кошорымъ рабска часпъ назначена въ удѣлъ,
 Для разныхъ собранные дѣлъ,

Порядокъ въ спаршииситѣ равно хранили нѣкии.
 Стояли пущь: часы, день, мѣсяць, годы, вѣки,
 Съ заботой на челѣ, и крыльями у ногъ.

Стояла осень полногруда,
 Держа обилья рогъ,
 И бьющій пѣну сокъ изъ полного сосуда.
 Превыше всѣхъ по юной красотѣ,

Въ вѣнцѣ изъ розъ весна спояла,
 И съ дѣвской простотой цвѣшны во кругъ бросала.

Стояло лѣто въ наготѣ,
 Снопы имѣя за плечами,
 Съ горящими какъ огонь очами.

Стояла сторбившись зима,
 Несуща хладъ другимъ,—дрожущая сама;
 Суровый ликъ ея угрюмили морщины,
 Косматые власы ея сковали льдины;
 Въ устахъ рождаются снѣгъ и иней былъ гошовъ.

Сѣдяще въ сонмѣ сихъ служителей боговъ,

Съ блистательнаго прона

Узрѣло Солнце Фаешона;

А Фаешонъ себя не помня самъ,

Дивясь двору опца, чершогамъ и вращамъ,

На чудны шѣ явленья,

(Не могли свѣта снести) смошрѣлъ изъ опдаленья.

Въ лицѣ у юноши желанье, радость, спыдъ,

Румянецъ съ бѣлизной мѣшали:

То рдянымъ пламенемъ ланишь,

То робостью очей себя казали.
 Онъ всѣ имѣлъ rodiшеля красы:
 Волнами свѣшлые власы,
 Прияшность успѣ,—послупку величаву.
 Какъ шощъ голубоокъ,
 Прямя, спашень, и высокъ;
 Какъ шощъ любилъ онъ славу;—
 Успавишь лишь себѣ цѣны
 Не могъ онъ настоящей.

Отецъ съ умильностью на юношу смотрящій,
 Пришесствія его не вѣдая вины,
 Когда насыпился любезнымъ сердцу зрѣньемъ,
 Такъ началъ говорить попомъ:
 „Что привело тебя въ мой домъ,
 „О гость! достойный быть моимъ рожденьемъ?
 „Иди! какая бы причина ни была, —
 „Объятія ошца тебѣ ошверсны!“ —
 Тушь огненны лучи сложа съ чела,
 Въ составъ таинственный онъ омочивши персты,
 Спѣвшишь горящее лице свое омышь,
 Спрашася юношу лобзая опалишь.

Чипашель скажетъ мнѣ: я встрѣпилъ ложну вспавку:
 Нигдѣ ошецъ сей сына не видалъ,
 То какъ незнаема узналъ?
 Прошу чипашеля съ началомъ сдѣлашь справку:
 Изъ повѣсти отецъ сей богъ;
 Къ шому же, предрѣкать сокрышу волю рока

По собственному дару могъ
 Но ешьли опъ его разумнаго споль ока
 Укрылася вина
 Сыновняго прихода ,
 Загадка прежде та была мной рѣшена ,
 Чшо каждому своя невѣдома невзгода.
 Законъ судьбы храня такой,
 Невѣденіемъ нашъ блюдушъ покой.

Приемомъ Солнца ободренной ,
 Такъ юноша съ покорностію рекъ :
 „О свѣша богъ ! краса и жизнь вселенной !
 „Безславіемъ покрышь мой вѣкъ,
 „И духъ мяшешъ недоумѣнье !
 „Климена придаетъ мнѣ пышное рожденье ;
 „А я, въ позоръ себѣ, въ обиду ей ,
 „Ничѣмъ счишаюсь у людей !
 „Какъ отрокъ шканію мишурной облеченный
 „Надменно юношей проходитъ сонмъ,
 „Незрѣлостью ума ведомъ
 „Въ богашствѣ ложно убѣжденный ,
 „И мнишь изъ лапа бышь сопканнымъ свой хипонъ;
 „Но юношамъ содѣлавшись въ забаву,
 „Свою поступку величаву ,
 Теряешъ онъ.
 „Такъ убѣжденный я, гордясь внималъ Климену ;
 „Быль щаспливъ и вкусилъ величія премѣну;
 „Игрушкой спалъ царей ,
 „А можешъ, и вселенны всей!

„Тебя, свѣшило лучезарно !

„Разсудка въ слѣпошѣ моимъ ошцемъ я чпиль ;

„И казнъ за сладкую мечпу сію вкусилъ ,

„Незапно зря мое надменіе попрано !“ —

Умолкъ,—почтительный ошдавъ ошцу поклонъ.

Такою хитрою уловкой Фаетонъ ,

Что будшо машери сказанію не вѣришь ,

Разнѣжишь болѣе любовь ошца хопѣлъ ;

А пошъ, что юноша спошь смѣло лицемѣришь ,

Разнѣжась какъ ошець, шого не усмошрѣлъ.

Улыбкой Солнцевы успа вдругъ просіяли,

Когда пошпигъ онъ суешу ,

Сыновниной печали ,

И радость ошущя, поспѣшно радость ту

Излилъ къ нему въ такомъ рѣченьи:

„Прерви неправедны сомнѣнны !

..Не обезславилъ Клименины уша

„Безбожна клевета !

„Виновныхъ наказанъ я самъ возму всѣ мѣры ;

„Тебѣ жъ, для большей вѣры ,

„Чтобъ щещныхъ не было къ сомнѣнію причинъ ,

„Рожденья швоего свидѣтельсшва дамъ ясны.

„Среди сокровищей, которы мнѣ подвласшны ,

„Назначъ себѣ въ удѣлъ прельстившее швой взоръ ;

„Пущъ дивныхъ рѣдкостей соборъ

„Твоимъ счишается имѣньемъ ,

„Какъ часпъ наслѣдшвенна швоя ;

„И въ томъ, что я

„Отецъ тебѣ, неложнымъ подтвержденьемъ.

„Коль слабымъ приговоръ, мой сынъ! находишь сей,

„Во власти собственной твоей

„Другіе положишь завѣсы.

„Въ томъ клятву адскою рѣкой тебѣ даю,

„Что прозбу выполняю твою :

„Проси!“ и Фаэтонъ достигши мещы,

Не мѣря съ подвигами силъ,

У Солнца испросилъ

Его вседневной колесницы;

А съ ней

Въ управу, безъ возницы,

Крылатыхъ четырехъ коней,

Чтобъ Солнечну подобно лику

Въ лучахъ единожды по небу проскакать.

Позналъ отецъ, повергшись въ скорбь велику,

Что прежде клятвъ пошребно размышлялъ.

Попшворствовавъ сыновней волѣ?

Въ погибель явную его вовлечь;

Прошивишься?—не время болѣ :

Языкъ свершилъ ужасну рѣчь.

Въ Олимпѣ у боговъ, въ чемъ Спиксомъ кто поклялся,

То дѣлать обязался.

Для выгоды, иль нѣтъ,

На радость, иль къ печали,

Во всѣ равно случаи

Онъ долженъ выполнить обѣтъ.

Фебъ, первую побѣда тревогу,
 О средспвахъ началъ размышлять,
 Какъ сына не пусшитъ въ опасную дорогу

И кляшвѣ не солгасть.

„Что,—мыслишь,—опдано обѣиомъ,

„То можно премѣнишь совѣшомъ :

„Еще бѣда не свершена !

„Открою сыну я опасность безъ пришворсшва.

„Гдѣ истина сама собой ясна,

„Тамъ должно ли спрашиться непокорсшва?“—

Ошибся Фебъ: глухому говорилъ !

О людяхъ слишкомъ онъ высоко мнилъ :

На правду смелливы не многи !

Сочни имъ дѣло по перспамъ; —

Нѣшъ ! все пойдущъ свои ишogi :

Твой счешъ, какъ нуль къ нулямъ.

Ты скажешь: берегись! змѣи здѣсь подъ цвѣшами;

Вопъ шопъ и шопъ ошъ нихъ погибли между нами !

А онъ тебѣ въ ошвѣшъ :

„Они—не я!“ — и кончился совѣшъ.

Клименинъ сынъ споля въ желаніяхъ упорно.

Вопще отецъ его опасностью спращаль;

Доводами и прозьбой улещаль.

Опъ замысла опсшашъ, онъ мнилъ, ему позорно.

И пакъ,—не швой я сынъ! опцу онъ говорилъ.

На крѣпость я своихъ надеженъ силъ ;

Но что отецъ шы мнѣ, лишь былъ въ надеждѣ лживой!—

„Уже ли,—возразиль отецъ несчастный сей;

„Уже ли по моей

- „Ты горести краснорѣчивой,
 „Не узнаешь отца, котораго искалъ?
 „Смотри, — въ какой я ужасъ впалъ!
 „Какъ духъ во мнѣ спираданіемъ мящется!
 „Не видишь, о мой сынъ! на грудь мнѣ упади
 „И грудью собственною сочини,
 „Сколь сердце сильно бьется!
 „Иной языкъ у клеветы!
 „Гдѣ кровь не говоришь,—иные тамъ примѣты!
 „Видалъ ли ты,
 Чтось самые когда содружные клеветы
 „Болѣли споль душой единый по другомъ?
 „Чтось чуждый къ чуждому подобно былъ влекомъ?
 „Видалъ ли ты когда пошное смятеніе,
 „Толикую любовь, толикій страхъ,
 „На чуждаго очяхъ,
 „И о судьбѣ твоей поль нѣжно попеченіе?
 „Разсудокъ твой тебѣ оповѣстываетъ, что *нѣтъ*!
 „Но что отецъ я твой: *все громко вопіетъ*.
 „Сей гласъ прерывистый, дрожащій,
 „Сіи попоки слезъ, сей взоръ тебя молящій,
 „Спешанья, вздохи, страхъ, мертвеніе ланитъ,
 „И сама рѣчь сія, пошное плодовита:
 „Все, все со мной гласишь,
 „Что истина тебѣ Клименою открыва.
 „Отбрось сомнѣніе: оно ,
 „При вопляхъ сердца шакъ поспѣшно исчезаетъ,
 „Какъ ледъ отъ пламенника шаетъ.
 „Тебѣ ль единому по сердце не дано?

- „Ужели ты единъ ,
 „Природы къ озлобленью,
 „Покоренъ бышь ея упорствуюешь влеченью?
 „Часть лучшая меня! безцѣнный, милый сынъ!
 „Смягчись! дай мѣсто ощущенью!
 „Тогда какъ власть его однажды познаемъ ,
 „Въ душевный сонъ мы не впадемъ. —
 „Ты все упорствуюешь! жестокий!
 „Что болѣе скажу?
 „И чѣмъ отца въ себѣ я докажу?
 „Ни ласки, ни мольбы, ни слезъ пошoki.
 „Несчастный я!
 „На каменный утесъ упала скорбь моя!
 Иди! спремись! пропившись не спану!
 Не сыну, — исшукану
 „Я ласки разпочаль! —
 „Когда бы смерть съ рожденьемъ ты пріялъ!
 „Когда бъ! гонись за гибелью своею!
 „Я сына болѣе въ тебѣ не признаю!
 „Нѣпъ, сынъ мой! нѣпъ! я смерть твою .
 „Спокрапно бъ опразилъ моею!
 „Но ахъ! боговъ удѣлъ иной!
 „Не къ смерти я рождень,—на скорбь и на мученья!
 „Коль искра сожаленья,
 „Удобна духъ согрѣшь суровый твою ;
 „По силамъ подвиги избрать склонися ,
 „И дерзкаго желанья опрекися!
 „Трудамъ, гдѣ сила неравна ,
 „Успѣха чаешь безразсудно!

„Ужель въ желаніяхъ твое споль сердце скудно, —

„Иль мнишь, вселенная сокровищами скудна,

„Что дара для себя безбѣдственна не просишь?

„Брось взоры на моря, на сушу, къ небесамъ,

„Проси и дамъ,

„Что въ нѣдрѣ ихъ дражайшаго находишь.

„Гдѣ блеска болѣй, — тамъ

„Забошь, опасностей, трудовъ и скорби болѣй!

„Спрахъ смѣненъ съ пышною, — безпечность съ скром-
ной долей.

„Ко славѣ ты завистный мещешь взглядъ,

„И мнишь оцъ ней себѣ наградъ!

„Что слава смертнаго? рѣчей бездушны звуки!

„Чтобъ звукомъ симъ однажды слухъ польстишь,

„Потребно тысячю напасшей побѣдишь :

„Извѣдашь ядъ спрасей, предашь себя на муки.

„Взвѣсь славу и печаль разсудка на вѣсахъ :

„Одна въ чужихъ слагается успахъ,

„Другая внутрь души и сердца обихаетъ, —

„Уносишь здравіе и духъ перзаешь :

„Гдѣжъ сихъ награда желанный перевѣсъ?

„Уже ли смертныхъ жизнь; ужель сей даръ Небесъ

„Благій, — и купно преходимый,

„Низпосланъ на одни пруды неупомимы?

„Ужель ты Небо оскорбишь,

„Коль радости невинныя вкусишь?

„Кто алчешь именемъ правителя назвашься;

„Учишься долженъ шопъ сначала подчиняшься!

„И естли духъ къ правленью сей

„Верховнымъ благомъ чпипшъ надъ благами земными :

„Онъ долженъ начинатьъ съ своихъ спраспей,

„И бытъ правишелемъ надъ ними.

„Чьи силы немощны въ господствѣ надъ собою, —

„Броды правленія шому безплодно бремя!

„Тому господствовашъ надъ волею чужой

„Прямое не приспѣло время!

„На поприщѣ, гдѣ честь и слава смерпныхъ ждущъ,

„Повсюду шернія вспрѣчаются распуши ;

„А пущъ къ нему ведущій

„Печалень, скользокъ, мрачень, крушъ!

„Къ шому жъ, соблазны

„И камни препкновенья разны

„Со всѣхъ споронъ его спрегущъ.

„Я самъ въ спезяхъ моихъ чрезъ опышъ ушвердился!

„Ты младъ, и опышомъ еще не умудрился, —

„Какъ чаешь одолѣть толикія шруды?

„Какъ пропасши минешь, пожрашъ себя гошovy?

„Уже минулъ; но вдругъ незапно случай новый

„Похипишъ всѣхъ шрудовъ въ единый мигъ плоды!

„Надеждой упоень, ихъ зрѣль преодолѣнны;

„Уже близъ цѣли былъ,—и вдругъ. о ужась! палъ“....

Опецъ, печалію внушенный,

Еще бы продолжалъ ;

Но время не споишъ, и Солнце въ пущъ склоняешъ.

„Пускай пропа сія скользка,

„Пускай я упаду, сынъ Солнцу опшѣчаешъ; —

„Лишь шолько бы упаль я съ высока.

П Ъ С Н Ы III.

Вѣгущи звѣзды въ поникъ
Гоня ошъ Солнечнаго взора,
Уже дочь Солнцева, румяная Аврора,
Усплала розами восточный горизонтъ.
Уже явилася стояща предъ врачами;
Уже ихъ алыми коснулася перстами,
И убѣливъ серебро опливомъ багреца
Отверзла къ шестивію опца.
Уже и призраки разсѣялись окружны,
И мракъ за мракомъ оплешали прочь,
И ризу совлекла съ природы ночь.
Уже часы досужны
Рѣшивыхъ Солнцевыхъ ошъ сна воззвавъ коней
Впрягли въ блестящу колесницу
Уже природы гуль, хоръ пшиць, и рѣвъ звѣрей,
Дрожали въ воздухъ, привѣшсшвуя денницу,
И всхода Солнечно желанный мигъ наспаль.
Узря упорство Фаешона,
Фебъ болѣй словъ не распочаль.
Кому въ желаніяхъ и гибель не препона,
Предъ шѣмъ слова напрасный звукъ!
Слѣпцу что живопись искусныхъ рукъ,

То рѣчь мудрѣйшая глупцамъ самонадежнымъ !
 И шакъ, не вновь грозить паденьемъ неизбѣжнымъ,
     Не съ воли соврашишь;
     Но правишь научишь
 Предпринялъ Фебъ отвергшаго совѣты;
     И какъ доспигнуть мешы,
 Въ чешырехъ объяснилъ ему законахъ шѣхъ:

„Не опускайся внизъ,—и не вносятся вверхъ ;
     „Держись середины ;
     „Не ослабляй брозды на мигъ единый ;
 „И окомъ бодрствственнымъ гляди всегда впередъ !
 „Наукѣ сей, мой сынъ, другихъ законовъ нѣтъ“.

„Поклялся юноша ученью быть покорнымъ ;
 А Фебъ, спеня, шоскуя, и грустя,
 На гибель снаряжать шущъ спалъ свое дшпя.
 Сперва составомъ онъ, огню прошивоборнымъ ,
     Уста его и очи оросилъ;
     Потомъ лучи на шея возложилъ ;
 Потомъ съ раменъ своихъ совлекши червленицу,
     Одѣлъ его хламидой сей ;
     Потомъ возсѣсть велѣлъ на колесницу ;
     Даль вожжи и коней ;
     Потомъ шерзаяся, рыдая,
     Вдохъ вздохомъ заглушая,
 И отвратя лице сказалъ ему: *ступай!*

О Муза! подкрѣпи, дай швердость слогу ,
 Съ земнаго пренесшись въ небесный край,
 И съ юношей всшущишь въ ээирную дорогу !

Воздушный путь мнѣ вовсе новъ !

Съ какихъ начну я словъ ?

Какимъ себя обогащу примѣромъ ?

Ни съ Гарнеренемъ мнѣ, ни съ славнымъ Монгольфьеромъ

По воздуху въ свой вѣкъ проплыть не удалось ;

А былъ рассказывать неловко на авось.

Не спорно, — всякихъ въ мірѣ много :

Иной судя не слишкомъ спрого

Такихъ чудесъ наскажешь вамъ ,

Что вянушь слушателей уши !

Вошь шамъ-шо, по его словамъ ,

Кишы не сходящъ съ суши ;

А шамъ, на днѣ морскомъ

Живушь по году водолазы !

Другой, прослыть бояся чудакомъ ,

Опъ сей воздержитъ ся проказы ;

Но васъ самихъ онъ проведетъ ,

И въ дураки введетъ .

Въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Кишаѣ, въ Геркуланѣ :

Вездѣ , вамъ скажетъ , былъ

И пользу приносилъ .

У Турокъ, при Султанѣ

Два года жилъ ,

Ведя расходъ безсмѣшны .

Кишайцамъ онъ давалъ къ правленію совѣщны ;

Бришанцевъ научилъ торги водить ,

Француженокъ наряды шить ,

Бышь понкими Евреевъ .

У Гошфовъ, Скиювъ и Халдѣвъ, —

Вездѣ онъ побываль,
 Все опышомъ узналъ.
 Опишешъ всѣ вамъ пропки,
 Куда снопы его неробки
 Въ кошорой занесли и день, и часъ.
 Такой вы слушая расказъ:

Вошъ, мыслише, мудрецъ межъ мудрецами!
 А онъ, шѣ земли, вамъ кошоры описаль,
 Съ училелемъ по каршѣ пробѣжалъ.
 Но я, чшобъ наровнѣ не спашъ между лжецами,
 Ни легковѣрія другихъ не уловишь,
 Чипашеля хочу заранѣ предварить,
 Въ воздушномъ чшо пупи, безъ всякаго обману,
 Преданій древнихъ я держашься шолько спану.

„О радость! о восторгъ!
 „Щаспливый Фаефонъ конями править,
 „Кошорыми лишь могъ
 „Единый править богъ!
 „Щаспливый Фаефонъ на вѣкъ себя прославишь!
 „Щаспливый Фаефонъ въ лучахъ!
 „Во образѣ свѣшила!
 „Вселенна вся предъ нимъ колѣвна преклонила!
 „Щаспливый Фаефонъ явился въ небесахъ,
 „И примешъ за шруды безсмертія награды!“ —

Такъ мнилъ Клименинъ сынъ, бросая окрешъ взоръ,
 Когда стоялъ онъ у преграды,
 Кошора опъ небесъ дѣлила Солнцевъ дворъ.

Гордящійся Іось, шажелой гривой,
 Волнами падающей внизъ:
 Флегонъ репивой,
 Бѣлѣйшій свѣга Пироисъ,
 Эеонъ высококовойной :
 Четыре Солнцевы коня ,
 Съ горящими очми опъ внушрєннєя огня,
 Еще держимые спремєлись въ пушь эеирной.
 Какъ мечєтся на добычь лєвъ ,
 И мощный, и нєсышый,
 Пуская спрашний рѣвъ ;
 Такъ кони Солнцевы, внося къ грудямъ копышы,
 Бїють рѣшєтку врагъ ,
 На мѣстѣ прєдая въ порывѣ къ бѣгу ярємъ.
 Хребты ихъ съ рьяности дрожащъ;
 Главы дымящєя парємъ ;
 Звєнящъ брозды сребрємъ ;
 Грызомы удила въ кольцо бїють кольцємъ ;
 И воздухъ зыблєя опъ ржанїй голосиспыхъ,
 Разносишь ихъ въ спранахъ эеира чиспыхъ ,
 Чшобъ Солнца предваришь приходъ.
 Часы, у сїхъ споящїє ворошъ ,
 Опшєрзли ихъ въ насшавшє время.
 Тупъ кони радуясь, что болѣй нѣшъ прєградъ ,
 Быстрѣ вѣшра въ пушь лєшащъ ;
 Но легкимъ ошущєя вєзємє брємя,
 И направлєнїє не шє вожжєй,
 Прямый бросає пушь, по прихоши своєй ,
 Въ прєспраншва мечущєя небєшь небозримы.

Клименинъ сынъ, во всѣ спраны носимый,

Восчувствоваль смертельный страхъ.

Хотя броды держаль въ рукахъ,

Но правилъ онъ коньми безъ всякаго ушава.

Не вѣдая ихъ нрава,

Которой поводливъ рѣшивѣй, иль смѣлѣй, —

Огнискъ иль съ норовомъ,—пужливой ли породы :

Онъ будто съ умысла и къ пагубѣ своей,

Спроптивымъ болѣе даешъ еще свободы ;

Послушныхъ осаждаешъ взадъ.

Тогда-то въ нихъ наспаль вдругъ безпорядокъ общій!

Тогда-то Фаешонъ и дару спаль не радъ!

Тогда-то изнуря свои онъ силы шощи,

За гордоспъ самъ себя спокрапно клялъ :

Почто Меропсовымъ быть сыномъ возгнушался,

При взорахъ матери спокойно не оспался ;

Почто труды не по себѣ подъялъ!

Тѣмъ менѣй Фаешонъ являлъ въ себѣ испуска,

Чѣмъ ближе бышь опасность мнилъ!

И силы малились опъ конскаго въ немъ буйска,

И буйство ихъ расло съ его потерей силъ!

Нещасный! думаешъ,—твой спрахъ доспигъ предѣла!

Длань рока на тебѣ вполнѣ ошягошѣла,

И ужась вспаль на верхнюю черпу!

Ахъ, нѣтъ! пожди еще! люшѣшую шревогу,

За дерзки замыслы ты вспрѣшишь попремногу,

Чшобъ свѣдать гордости шщепу.

Хранящій Фаешонъ опцево наспавленье,

Еще изъ рукъ не выпускалъ вожжей ,
 И шѣмъ, хоть в малѣ бѣгъ обуздывалъ коней;
 Но вдругъ, незапно приключенье,
 Господство юноши, для новыхъ мукъ,
 Исхишило изъ рукъ.
 Извѣстно, — по пупи,
 Гдѣ Солнцу каждый день назначено идти ,
 Разсѣяны пречудны знаки,
 Которые у насъ зовущся зодіаки,
 И спавшая вездѣ во всѣхъ календаряхъ.
 Столь ихъ уродливы личины,
 Что, можешь, робкаго и опъ печашныхъ страхъ
 Возметъ не безъ причины;
 Но въ небѣ шамъ,
 Хоша и всѣ они пригвождены къ мѣстамъ ,
 Однако живы всѣ,—глядяшъ и шевеляшся.
 Ну какъ чудовищей такихъ не испужашся ,
 Кшо даже былъ бы и храбрець !
 А бѣдный Фаеонъ, къ несчастью , изъ шрусливыхъ.
 Какъ! скажете вы мнѣ,—шоль храбрый молодець,
 Что къ славѣ въ помыслахъ ревнивыхъ
 Цвѣтущаго себя не пощадилъ,
 И вѣкъ свой на зарѣ скосилъ;
 Что розѣ Маршовой подобенъ былъ красою,
 И жизни крашкосью сравнялся съ шою:
 Толь храбрый молодець за шруса выданъ здѣсь !
 Гдѣ слыхана такая смѣсь !
 Не споръ, чипашель мой; а паче
 Ты храбрость съ дерзосью не числи за одно !

Наглець при маленькой самъ спрусишь неудачѣ
Не кончишь,—начинашь ему лишь суждено.

Кто храбрось испинну имѣешь,
Тотъ дѣла не начавъ робѣешь;
Медлительно берешь со всѣхъ его споронъ:
Не лучше ль оплочишь,—смирено мыслишь онъ!
Когда же начашо о! зрѣлице преславно!
Что часъ онъ Божества,—тогда—то будешь явно!
Тогда—то онъ въ себѣ духъ Творческій явишь,
И даръ безцѣнный сей Творца не постыдишь!
Но время къ повѣспи, оконча споры скушны.—

Незапно пушникъ нашъ воздушный
Увидѣлъ въ зонѣ знакъ:
Кошорой имянно? съ какой спраны? и какъ?
Преданіе смолчало;
Спрѣлецъ ли, дѣва ли,—иное ль было что?
Никто не говоритъ про то;
Но что-то юношу смершельно испугало.
Съ испуга онъ, какъ мершвой охладѣлъ;
Спалъ блѣдень, обомлѣлъ:
Не движется въ немъ кровь,—не бьющая жилы;
Ни духа жизненна, — ни сердца нѣтъ;
Померкъ во взорахъ свѣтъ,
Изсякли всѣ душевны силы,
И вожжи выпали изъ рукъ.
Прощай безсмертіе,—и прубный славы звукъ!
Досада, мщеніе: все забылось,—
Все спрахомъ усемирилось,

Чтобъ спрахъ явишь сей вполнощъ,
Лишь ярость прирасла коней безмѣрно. —

Почуя вожжи на хребтѣ,
(Свободы средство вождѣнно)

Какъ бурный понтъ,

Отъ вѣка прущій въ гору,

Едва постижну взору,

Кипитъ опъ гнѣва на оплошь,

И ушекаетъ вспяшь безъ силы;

Но вдругъ, сквозь земныя прорвавшись жилы

Несется въ доль,—крушитъ, реветъ,

И гору, съ трескомъ что упала,

Съ собой несетъ.

Такъ и они познавъ, что болѣ власпи нѣтъ,

Котора ими управляла,

Несутся въ небеса, безъ цѣли на угадъ:

Вертятъ кругомъ, впередъ, и взадъ;

Цѣпляють звѣзды неподвижны;

На тучи спрядываютъ нижны,

И Фаэтона, въ казнь вины,

Какъ вихри мча коловращають.

Лежащи къ полюсамъ спраны

Впервый зной Солнца ощущають;

Впервые пѣхъ морей окованна вода

Возспала изо-льда;

Впервые сребреннымъ хребтомъ блеснула,

Въ скалы безплодная волной плеснула; —

Но въ хладныхъ ощушя вдругъ нѣдрахъ жаръ,
По часѣ бышя, изникла въ паръ.

Снеслись въ бугры погибши рыбы.
Упали съ шумомъ снѣжны глыбы,
Что горни края вышины
Копилися въ слояхъ опъ сотворенья міра,
И шѣхъ числомъ лѣшъ бышности равны.

Расчислилась вся пвердь до самого Ээира;
Не спало облаковъ, ни шучъ,
Чтобъ Солнца заслонить палящій лучъ:
Раждаясь влага изсыхала.

То пламя шонкое, что воздухъ разожгло,
Багровымъ заревомъ на землю налегло,
И огненную пещь земля собой являла.

Подъ градусомъ однимъ Югъ, Западъ, Нордъ шеперь.
Камчатскій и Лапландскій звѣрь
Опъ жара въ первый разъ сокрылся въ норы, —
Сокрывшись въ нихъ вошще!

Но толь еще? —
Дымящясь помалу горы
Въ единый запылали часъ.
Пылаеть Тавръ, Кавказъ, Гошардъ, Хишера, Осса,
Родона, Аппенинь, Аплантъ, Рифей, Эльфоса;
Прошяжный Пириней: о двухъ холмахъ Парнасъ.
Сія послѣдняя всѣхъ прежде запылала,
Всѣхъ прежде жершвою пожара сшала,

За тѣмъ, что съ низа до верховъ
 Была завалена сѣхами ,
 И что (будь сказано межъ нами) ,
 Въ соборѣ помъ сѣховъ
 Иные были суховапы ;

Сухіе же скорѣй зажгущся и сѣхи !

И шакъ, Парнасъ, подпопкою богашый
 За наши вмигъ сгорѣлъ грѣхи !

Но шоль еще? . . . горятъ съ посявомъ нивы;
 Герцинскій лѣсъ пылаеть горделивый ;
 Всѣ роци,—всѣ луга горятъ;
 Всѣ рѣки въ берегахъ кипятъ.

Кипишь Дуеро, Днепръ, Рейнь, Эльба , Темза, Сена,
 И Прущъ, Великому грозила гдѣ премѣна ,
 И Тибръ, гдѣ Рима вознеслась глава;
 И шронъ незыблемый обшекшая Нева,
 И Тагъ, злшой песокъ влекущій;
 Кипишь Фазись, опколь руно унесъ Язонъ;
 Россіи ратниковъ дающій Донъ;
 Кипишь Эвфрашь, Роданъ, По, Ниль, Дунай цвѣтущій;
 Кипишь Алфей,
 Риспаньемъ древле знаменишый ,
 И Гангъ, куда побѣдами несышый
 Доспигъ надменный изъ царей;
 И хладная вода вскипаетъ шемной Волги.

Всѣ рѣки, — всѣ моря кипятъ !
 Но шольколь бѣдъ землѣ грозятъ ! —

Пылають грады многи :

Вездѣ пожаръ ошсвѣчиваль въ пожаръ.
 Испнились навсегда шѣ памяшники пышны ,
 Художника гдѣ былъ проявленъ даръ ;
 Лишь громы слышны
 Ошъ бѣдшвенна паденья ихъ :
 Лишь пеплъ ошпался намъ ошъ нихъ.

Горишь виновная Ливійская сполица. —
 Цвѣшъ черный ошъ паровъ
 Налегъ на всѣ Арабски лица ,
 Въ правдиву казнъ грѣховъ ,
 Содѣянныхъ однимъ изъ ихъ породы.
 Изъ рода въ роды
 Преходишь казнъ ша и поднесъ ,
 Хотя чужда Арапамъ нынѣ спѣсь,
 И спали черными вдругъ полны безпощады
 Премноги грады.

Пожары множились и множилась напасшь !
 Горящая земля была готова пасшь ;
 Хаосомъ ей погибель угрожала !
 Но вдругъ изъ нѣдръ разшерзанныхъ ея
 Цибела вверхъ главу мершвелую подъяла ,
 И спала такъ молишь боговъ царя :
 „Почто, о Дій! шoliko я спрадаю !
 „Воззри! въ единый вся изсохла день ,
 „Какъ вспавшая изъ гроба шѣнь !
 „Изсякли всѣ сосцы, чѣмъ шваръ швою питаю !

„Толь бѣдспвенная смерть о Дій! почто?“

Рекла, и въ землю вновь вступила.

Еще бы говорила ;

Но силъ едва ей спало и на то :

Густой клубами дымъ препятсшвоваль дыханью ,

И угли на главу бросаль пожаръ.

Дій внявъ не раздражась богини сей рошпашню :

„Толико-шо, изрекъ, земный ничпоженъ шаръ ,

„И смерпныхъ радости шолико-шо мяшежны !

„Какъ шаюшъ опъ огня пылинки малы снѣжны ,

„Такъ прочны блага ихъ единымъ гибнушъ днемъ ! —

„Безумсшво одного бываетъ въ гибель всѣмъ !“ —

Умолкъ,—и въ думу погрузьсь немногу ,

Къ громодержавному опшелъ черпогу ,

Троеконечный шамъ перунъ подъяль ,

Вознесъ всемошну съ нимъ десницу

Повергъ на дерзскаго возницу ;

И Фаешонъ съ небесъ упаль.

К О Н Е Ц Ъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

В т о р о й   ч а с т и .

	Стран.
О Щастіи.	3
Посланіе къ Леону.	49
II. Посланіе къ Леону	55
Наука о Спихошворствѣ Г. Буало.	61
Паденіе Фаэтона.	158

ИМЕНА ОСОБЪ,

подписавшихся на полученіе книгъ.

Въ С. Петербургѣ:

Ея Высокопрев: Анна Пешровна Ханыкова, Фрей- лина Двора ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.	экзем. 1.
Ея Сіятельство Графиня Софья Александров- на Бобринская, урожденная Графиня Самойлова.	1.
----- Графиня Катерина Петровна Шу- валова, Фрейлина Двора ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ.	1.
----- Княжна Елисавета Григорьевна Волконская.	1.
Ея Прев: Варвара Павловна Ушакова, Фрейли- на Двора ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.	1.
Его Высокоб. Сергѣй Михайловичъ Дмистріевъ- Мамоновъ.	1.
Его Свѣшлость Князь Дмистрій Николаевичъ Салтыковъ.	1.
Его Высокоблагородіе Северъ Петровичъ Ру- домазинъ.	2.
Его Прев: Аркадій Алексѣевичъ Спалыпинъ.	1.
Ея Прев: Марья Михайловна Челищева.	1.
Его Прев: Павелъ Ѳедоровичъ Козловъ.	1.
Его Высокоб: Александръ Яковлевичъ Марковичъ.	1.
Его Высокоб: Дмистрій Ивановичъ Сущевъ.	1.
Его Высокоб: Николай Михайловичъ Приклон- скій.	2.
Дѣйств: Сп: Сов: Павелъ Ѳедоровичъ Мали- новскій.	1.
Его Сіятельство Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ.	5.

Тип: Сов: Илья Ефимовичъ Арсеньевъ.	1.
Капит: Лейтен: Алексѣй Омичъ Козляниновъ.	1.
Гренадѣр: Его Вел: Кор: Прус: полка Подпо- рушчикъ Михайло Григорьевичъ Констаншиновъ.	1.
Свищы ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕ- СТВА по Квартирмейстерской части Генераль- Маіоръ Селявинъ.	1.
Въ Библіотеку Главнаго Штаба ЕГО ИМПЕ- РАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА	1.
Генераль-Маіоръ Пётръ Сидоровичъ Апрѣлевъ.	1.
Ея Прев: Прасковья Михайловна Толстая.	1.
Его Высокоб: Иванъ Павловичъ Кушуровъ.	1.
Его Прев: Максимъ Констаншиновичъ Крыжа- новскій.	1.
Его Высокородіе Алексѣй Романовичъ Шид- ловскій.	1.
Его Благор. Никиша Андрѣевичъ Ткачевъ.	1.
Флигель-Адъютантъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Александръ Ивановичъ Данилевскій.	1.
Его Высокоб: Григорій Васильевичъ Лихачевъ.	1.
Его Высокоб: Пётръ Александровичъ Шамшевъ.	1.
Его Сіашельство Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ.	1.
————— Князь Григорій Сергѣевичъ Го- лицынъ.	1.
————— Графъ Егоръ Филиповичъ Подгоречани - Пётровичъ.	1.
Его Прев: Викентій Ивановичъ Голынский.	1.
Его Прев: Гаврило Андреевичъ Сарычевъ.	1.
Неизвѣстный.	2.
Дѣйствительный Камергеръ 4-го класса Князь Борисъ Алексѣевичъ Куракинъ.	2.
Над: Сов: Пётръ Васильевичъ Журавскій.	1.
Кол: Ассес: Ивановъ.	1.
————— Александръ Кириловичъ Банеръ.	2.

Гвардіи Поруччикъ Бѣлевцевъ.	1.
Старшій Адъютантъ Гвард. Корп. Скуридинъ.	1.
Его Прев: Александръ Хриспифоровичъ Бекен- дорфъ.	1.
Адъютантъ Финляндскаго полка Болдыревъ.	1.
Камеръ-Юнкеръ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Никиша Всеволодовичъ Всеволожскій.	1.
Адъютантъ Генерала Чаликова Юрьевъ.	1.
Его Благор: Иполипъ Пешровичъ Пешровскій.	1.
Гвардіи Уланскаго полка Офицеръ Феллеръ.	1.
Его Высокоб: Оедоръ Ивановичъ Виспинга- узенъ.	2.
Его Прев: Пешръ Александровичъ Чичеринъ.	2.
Надв: Сов: Степанъ Оедоровичъ Кандалинцевъ.	1.
Бергъ-Гаупшманъ 6 класса Николай Алексѣ- вичъ Шленевъ.	1.
Над: Сов: Михайло Машвъѣвичъ Булдаковъ.	1.
Его Высокород: Арсеншій Павловичъ Черное- вичъ.	5.
Ея Прев: Авдошья Ивановна Молчанова.	1.
----- Парасковья Ивановна Мятлева	5.
----- Катерина Петровна Олсуфьева.	1.
Ея Высекор: Александра Васильевна Цѣева.	1.
Ея Прев: Катерина Дмишріевна Власьева.	1.
Его Высокоб: Александръ Алексѣвичъ Бехтѣевъ.	1.
2-й гильдіи купецъ Семень Дмишріевичъ Ре- шешкинъ.	1.
Содержатель типографіи Василій Алексѣ- вичъ Плавильщиковъ.	1.
Онъ же для Библіотеки.	1.
Книгопродав: Аванасій Григорьевичъ Колопи- линъ.	1.
Книгопродав: Леонтій Леоншьевичъ Свѣчни- ковъ.	1.

Въ Кронштатѣ:

эксем.

Капишанъ 1 ранга Иринархъ Степановичъ Ту- лубьевъ.	1.
Лейтенантъ Александръ Ѳедоровичъ Моллеръ.	1.
Его Высокоб: Семень Ивановичъ Эсауловъ.	1.
Его Прев: Макарь Ивановичъ Рапмановъ.	1.
Его Благор: Павелъ Ивановичъ Дьяконовъ.	1.
Его Высокоб: Михайло Гавриловичъ Спешовой.	1.
Его Высокоб: Гуспавъ Ивановичъ Плалеръ.	1.
Его Прев: Максимъ Петровичъ Коробка.	1.
Его Высокор: Иванъ Пешровичъ Амосовъ.	1.
Его Высокоб: Михайло Ефимовичъ Оспашевъ.	1.
Его Высокоб: Алексѣй Ѳедоровичъ Севрюковъ.	1.
Его Благор: Николай Ивановичъ Кошелевъ.	1.
Его Высокоб: Крестьянъ Ивановичъ Нагель.	1.
Его Благор: Николай Крестьяновичъ Гильдъ.	1.
Его Превосх: Александръ Васильевичъ Пова- лишинъ.	1.
Его Высокоб: Александръ Алексѣевичъ Дурасовъ.	1.
Его Высокоб: Андрей Петровичъ Лазаревъ.	1.
Его Высокоб: Иванъ Михайловичъ Елагинъ.	1.
Его Благор: Александръ Ивановичъ Подосеновъ.	1.
Его Высокоблагод: Ѳедоръ Ефимовичъ Спа- ницкій.	1.
————— Конспаншинъ Асшафьевичъ Драко.	1.
Его Благор: Андрей Гавриловичъ Бѣлозеровъ.	1.
————— Николай Деменіевичъ Ларинъ.	1.
Его Благород: Василій Яковлевичъ Алексѣевъ.	1.
Его Высокоб: Ѳедоръ Ѳедоровичъ Фроловъ.	1.
Его Высокоб: Василій Васильевичъ Сполоховъ.	1.
Его Благор: Козьма Андреяновичъ Зарубинъ.	1.
————— Алексѣй Ивановичъ Коноплинъ.	1.
Его Высокоб: Григорій Ивановичъ Плашеръ.	1.
Его Благор: Александръ Яковлевичъ Плущининъ.	1.

Кронштадтской глава Иванъ Филиповичъ Паровскій. 1.

----- Купецъ Иванъ Плашоновичъ Чаусовъ. 1.

В ъ М о с к в ѣ:

Его Сіаш: Князь Андрей Пешровичъ Аболенскій. 1.

----- Князь Андрей Павловичъ Гагаринъ. 1.

----- Князь Пешръ Дмишріевичъ Циціановъ. 1.

----- Графъ Оедоръ Ивановичъ Толстой. 1.

Его Высокопрев: Иванъ Ивановичъ Дмишріевъ. 1.

Его Высокопрев: Сшепанъ Сшепановичъ Апраксинъ. 1.

Его Прев: Алексѣй Оедоровичъ Малиновскій. 1.

----- Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ. 1.

----- Александръ Александровичъ Писаревъ. 2.

Ея Высокоб: Катерина Андреевна Волкова. 1.

Его Высокоб: Сшепанъ Пешровичъ Жихаревъ. 1.

----- Василій Семеновичъ Раевскій. 1.

----- Пешръ Николаевичъ Лихоревъ. 1.

----- Николай Дмишріевичъ Иванчинъ-Писаревъ. 1.

Московскій Университетскій пансіонъ. 1.

Его Высокоб: Василій Львовичъ Пушкинъ. 1.

Ея Высокоб: Варвара Павловна Ваксель. 1.

Его Высокоб: Николай Васильевичъ Васильчиковъ. 1.

Его Прев: Иванъ Васильевичъ Черпковъ. 1.

Его Высокоб: Оедоръ Михайловичъ Тургеневъ. 1.

Его Высокоб: Алексѣй Александровичъ Павловъ,
Камеръ-Юнкеръ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА. 5.

1-й гильдіи купеческой сынъ Василій Васильевичъ Варгинъ. 2.

Московскій Купецъ Владиміръ Ивановичъ Насоновъ. 1.

Въ Архангельскѣ:

экзем.

Д: Сп: Сов: Андрей Яковлевичъ Перфильевъ.	1.
Кол: Сов: Тимоѳей Еѳремовичъ фонъ деръ Флишъ.	1.
Неизвѣстные.	2.
Над: Сов: Деміанъ Леонасьевичъ Тувалевскій.	1.
Над: Сов: Василій Андреевичъ Югель.	1.
Тип: Сов: Михайло Григорьевичъ Непенинъ.	1.
Корабельный мастеръ Яковъ Аникіевичъ Колоскинъ.	1.
Над: Сов: Николай Александровичъ Шустасевскій.	1.
Тип: Сов: Павелъ Андреевичъ Гавриловъ.	1.
Кол: Секр: Андрей Пешровичъ Агаповъ.	1.
Тип: Сов: Николай Ѳедоровичъ Герасимовъ.	1.
----- Николай Маршановичъ Рыбкинъ.	1.
----- Алексѣй Сергѣевичъ Чередѣевъ.	1.
----- Николай Яковлевичъ Несперовъ.	1.
Помощ: Директора Онежскаго лѣснаго округа Евстафій Егоровичъ Шпраусъ.	1.
Онежскій Уѣздный Казначей Константинъ Григорьевичъ Вашленко.	1.
Флопа Капит: Лейп: Ѳедоръ Герасимовичъ Артюховъ.	1.
Архангельскій Соляной Приславъ Иванъ Степановичъ Степановъ.	1.
Арханг: Уѣзд: Казнач: Ѳедоръ Степановичъ Грековъ.	1.
Совѣшникъ Пешръ Ивановичъ Клоковъ.	1.
8-го класса Алексѣй Андреевичъ Шамаринъ.	1.
Купецъ Пешръ Николаевичъ Межахинскій.	1.
Купецъ Иванъ Ильичъ Злапуновъ.	1.
Купецъ Францъ Ивановичъ Шольцъ.	1.

Въ Нижнемъ Новгородѣ:

Ел Высокоб: Феоктиста Михайловна Русанова.	1.
----- Александра Михайловна Суцова.	1.

Въ О р л ѣ:

Д: Т: С: Графъ Григорій Ивановичъ Чернышевъ.	2.
--	----

В ъ Л у г ѣ :

Его Прев: Никита Ивановичъ Акининъ.

экзем.

1.

В ъ Т у л ѣ :

Его Высокоб: Сшепанъ Дмипріевичъ Нечаевъ. 1.

————— Владимиръ Богдановичъ Броневскій. 1.

В ъ П е н з ѣ :

Г: Гражд: Губ: Оедоръ Петровичъ Лубяновскій. 1.

Г: Губерн: Предводитель Дворянства Григорій
Даниловичъ Спольшинъ. 7.

Над: Сов: Григорій Васильевичъ Гладковъ. 1.

Его Высокоб: Сергій Андреевичъ Араповъ. 1.

Ея Высокоб: Авдошья Васильевна Есипова. 1.

В ъ Е к а т е р и н о с л а в ѣ :

Д: Ст: Сов: Дмипрій Тимоѳеевичъ Мизко. 1.

Его Благор: Сшепанъ Алексѣевичъ Чернявскій. 1.

————— Семень Ильичъ Чернявскій. 1.

Почет: Сможр: Новомосковского Уѣздн: Училища Коллеж: Ассессоръ Петръ Ивановичъ Сушковъ. 4.

Почет: Сможр: Бахмушскаго училища Его Благ:
Алексѣй Мироновичъ Ивановъ. 1.

В ъ В о р о н е ж ѣ :

Его Сіятельство, Князь Владимиръ Васильевичъ Кейкуатовъ. 2.

Его ————— Князь Николай Васильевичъ
Кейкуатовъ. 1.

Ея Высокоб: Олимпіада Владиміровна Раевская. 1.

Николай Анашольевичъ Бунинъ, Усманской

Г. Предводитель. 1.

Его Высокоб: Сшепанъ Констаншиновичъ Басшевъ. 1.

————— Михаилъ Михайловичъ Скіаданъ. 1.

————— Константинъ Ивановичъ Бремзинъ. 1.

————— Алексѣй Ивановичъ Жиповъ. 1.

----- Иванъ Ивановичъ Федоровъ 1.
Его Благор: Николай Николаевичъ Терпигоревъ. 1.

В ъ Ч е р н и г о в ъ :

Неизвѣстныхъ. 3.

В ъ К а з а н и :

Ея Высокоб: Паликсена Ивановна Рындовская. 1.
----- Анна Александровна Наумова. 1.
Его Благород: Иванъ Ермолаевичъ Великополь-
скій. 1.

В ъ С а р а т о в ъ :

Г. Гражд: Губ: Алексѣй Давыдовичъ Панчулидзеъ. 1.
Г Губ: Прокур: Василій Максимовичъ Максимовъ. 1.

Сарат. Губ. въ городѣ Кузнецкѣ :

Его Высокоб: Алексѣй Ефимовичъ Касприцынъ. 1.

В ъ П е р е с л а в л ъ :

Его Благор: Павелъ Алексѣевичъ Разкащиковъ. 1.

Тульской Губ. въ Черни :

Его Высокоб: Павелъ Петровичъ Скуратовъ. 1.

В ъ З а д о н с к ъ :

Его Прев: Лука Алексѣевичъ Денисьевъ. 1.
Его Высокоб: Дмипрій Алексѣевичъ Бехшеевъ. 1.

В ъ К о з л о в ъ :

Ея Высокоб: Варвара Николаевна Мяснова. 1.

В ъ У с л а н и :

ЗНАЕМ.

Его Высокоб: Иванъ Даниловичъ Барановъ	1.
----- Василій Васильевичъ Абазинскій.	1.
----- Пепръ Пепровичъ Бунинъ.	1.

В ъ Т а м б о в ъ :

Его Высокоб: Василій Пепровичъ Воейковъ.	1.
--	----

В ъ Л и п и ц к ъ :

Его Высокоб: Дмитрій Григорьевичъ Несперовъ.	1.
Ея Высокоб: Лариса Николаевна Лодыгина.	1.
Тирас: Конно-Егерс: полка Подполковникъ Евгений Филиповичъ Баронъ Бушъ-Минихъ.	1.
Его Сіаш: Князь Владиміръ Сергѣевичъ Голицынъ, Флигель-Адъютантъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.	1.
Его Высокоб: Борисъ Карловичъ Бланкъ.	1.
----- Григорій Борисовичъ Бланкъ.	1.
----- Иванъ Борисовичъ Бланкъ.	1.
Ея Высокоб: Марья Борисовна Бланкова.	1.
Ея Благор: Варвара Пепровна Усова.	1.

В ъ Р я ж с к ъ :

Ея Сіашел: Княгиня Прасковья Алексѣевна Кропоткина.	1.
Ея Благор: Каперина Васильевна Ракишина.	1.
Ея Высокоб: Марья Дмитріевна Лобкова.	1.
Ея Высокоб: Марья Пепровна Семенова.	1.
----- Каперина Егоровна Загряжская.	1.
Капишанъ 1-го ранга Василій Исакіевичъ Терновскій.	1.

В ъ Х а р к о в ъ :

Его Высокоб: Герасимъ Николаевичъ Коваленко.	1.
----- Валеріанъ Васильевичъ Пасикъ.	1.

-----	Дмишрій Николаевичъ Шараповъ.	1.
-----	Алексѣй Николаевичъ Юрьевъ.	1.
Его Благор:	Г-нъ Давиловичъ.	1.

ПОГРѢШНОСТИ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ешран.	списх.	напечатано:	читай.
81	192	оборошъ,	оборошъ.
89	41 и 42	)1	)2.
97	158	Эпиграмъ.	Эпиграммъ.
101	195	щаспье	щаспыи
102	201	fur'es,	furies ,
109	64	пляшущихъ	пляшущимъ
111	85	рѣвноспны	ревностны
121	214	не ввелъ и Демона	лишь полько Сатану
		въ разсудокъ, наконецъ,	ввелъ въ разумъ нако- нецъ ,
126	164	poissns	poissons
127	506	и списхъ	и списхъ.
129	520	повсечасно,	повсечасно.
134	375	tujours	toujours
178	26	всѣ боги, меньшаго	всѣ боги, меньшаго
